

The background of the entire image is a vast, scenic landscape. It features rolling hills and mountains in shades of golden-brown and ochre, suggesting a dry, perhaps autumnal or desert-like environment. The sky is filled with large, dark, and textured clouds, with some light breaking through near the horizon, creating a dramatic and atmospheric effect. The overall tone is one of mystery and adventure.

ПАВЕЛ НАЗАРОВ

**БЕГЛЕЦ
В ПРОСТОРАХ
СРЕДНЕЙ АЗИИ**

Павел Степанович Назаров

Беглец в просторах Средней Азии

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 9
ББК 26.89
Н19

Перевод выполнен с издания:
PAUL NAZAROFF
HUNTED THROUGH CENTRAL ASIA
On the run from Lenin's Secret Police

With an introduction by
PETER HOPKIRK

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Назаров Павел Степанович

Н19 Беглец в просторах Средней Азии / Павел Степанович
Назаров. — [б. м.] : Издательские решения, 2021. — 352 с.
ISBN 978-5-0053-6148-6

Автор — Павел Степанович Назаров — один из лидеров Туркестанской Военной Организации. В 1918 г. был арестован и приговорен ЧК к смертной казни. Освобожден белыми, больше года скрывался среди местного населения Туркестана, бежал через Семиречье в Кашгарию, позднее — через Каракорум в Индию. В своей книге автор описывает перипетии своего пути из Ташкента в Кашгар, рассказывает о быте и культуре населения Туркестана, истории края, его географии, природных особенностях, животных и растениях.

УДК 9
ББК 26.89

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Павел Степанович Назаров, 2021
© Валерий Валентинович Цибанов,
ISBN 978-5-0053-6148-6 перевод, 2021

Оглавление

Предисловие от издательства OXFORD University Press ..	5
Беглец в просторах Средней Азии	6
Введение	8
Предисловие	13
Вступительная статья переводчика	16
Глава I. В ожидании казни	24
Глава II. Освобождение	40
Глава III. Судные дни	53
Глава IV. Убежище у сартов	65
Глава V. Тревоги и гонения	78
Глава VI. О домашнем укладе сартов и киргизов	92
Глава VII. Убежище у киргизов	101
Глава VIII. Один на один с природой	114
Глава IX. Дама в белом	126
Глава X. Путь в Семиречье	136
Глава XI. Пишпек	151
Глава XII. В Семиречье	162
Глава XIII. Убежище в сопках	180
Глава XIV. Снова в опасности	194
Глава XV. Возвращение на тропу	208
Глава XVI. Спасение близко	221
Глава XVII. Одиночество	237
Глава XVIII. Отчаяние	252
Глава XIX. Последнее усилие	266
Глава XX. Наконец-то!	282
Эпилог	298
Приложение	303
Литературные источники	309
Примечания	311

Предисловие от издательства OXFORD University Press

Павел Назаров получил образование в Москве и С.-Петербурге. Его карьера как геолога, минералога и горного инженера была прервана большевистской революцией, которая побудила его стать контрреволюционным деятелем. Человек с широким кругозором и энциклопедическими познаниями, он также был знатоком в орнитологии, археологии, баллистике и ботанике, был отличным лингвистом, охотником и таксидермистом^[1].

Малькольм Бёрр (Malcolm Burr) был близким другом Назарова, с которым впервые встретился в Африке. Видный писатель и переводчик с русского, французского, сербскохорватского и турецкого, он служил в действующей армии на Восточном Средиземноморье во время Первой мировой войны; его имя упоминалось в официальных донесениях. Позже он служил представителем МИД Великобритании в Югославии и Турции.

Питер Хопкирк (Peter Hopkirk) много путешествовал в местах, где происходили события, описываемые в данной книге. Сам он был автором двух нашумевших книг, касающихся разведывательных операций в Центральной Азии: «Setting the East Ablaze» и «The Great Game». Они наряду с двумя другими, «Foreign Devils» и «Silk Road and Trespassers on the Roof of the World», доступны в изданиях Oxford Paperbacks.^[2]

Беглец в просторах Средней Азии

*Со вступительным словом
Питера Хопкирка*

«...оставшись без попутчика, я не смог противостоять нахлынувшему на меня чувству безысходности. Отныне оборвана последняя нить, связующая меня с землёю моих предков, я совсем один в далёком и чужом краю, в стране труднопостижимой, среди людей, мне чуждых и непонятных. Едва ли возможно предвидеть, что суждено мне в будущем, и какие ещё испытания уготовила мне судьба на моём нелёгком пути. Но ощущение свободы, избавления от рабства советского облегчило душевную боль, и чувство полного умиротворения объяло меня».

П.С.Назаров

*Инженер П. С. Назаров — один из руководителей
Туркестанской военной организации
(фото предоставлено А. В. Ганиным для сайта
<http://a-pesni.org/grvojna/foto/belgvard8-or.php>)*

Введение

Питера Хопкирка

Павел Назаров, автор этого необычного рассказа, был предводителем безнадёжного плана низвержения большевистской власти в Средней Азии^[3] в 1918 г. Этот факт более известен из сообщений Британской разведки того времени, а в этой повести, впервые опубликованной в 1932 г., автор предельно осторожно говорит о своей роли в тайном заговоре. Его сдержанность понятна, поскольку большевистское возмездие, как известно, обладало и длинной рукой и долгой памятью, что вскоре было доказано на примере судьбы Троцкого.

Назаров и его соратники по заговору уповали на помощь Британских вооружённых сил, базировавшихся к западу от Туркестана примерно в 30 часах езды по железной дороге. В связи с этим обстоятельством, до своего ареста большевиками в октябре 1918 г., Назаров состоял в тесном контакте с полковником Ф. М. Бейли^[4], офицером Британской разведки, засланного в Российский Туркестан с целью выяснения большевистских планов в отношении Индии. Однако ни Назаров в своей книге, ни Бейли в своей не упоминают друг о друге. Только в секретном донесении Бейли своему начальству отмечена роль Назарова как предводителя заговора с целью низвержения большевистских комиссаров в Ташкенте. Агент характеризовал Назарова как «настоящего организатора» контрреволюции, а также указывал на то, что поддерживал последнего средствами из своего фонда.

Хотя Павел Назаров выждал целых пятнадцать лет, прежде чем опубликовать свой рассказ о тех жестоких временах, в книге он изо всех сил старается как можно меньше открывать имена тех, кто мог представлять интерес для большевистских спецслужб. Причиной тому — есте-

ственное опасение мести со стороны последних тем, кого он покинул благодаря своему бегству в Китай и, в конце концов, — в Великобританию. Хотя Назаров утратил ведущую роль в заговоре, он не отрицает своего участия в нем, равно как и глубокого отвращения к большевикам. Как процветающему владельцу шахт и рудников и видному члену русского сообщества в Ташкенте ему было что терять, включая с большой вероятностью и собственную жизнь, в случае прихода к власти большевиков.

Мало что известно о Назарове, а может быть, он и сам хотел оставаться в тени. Одно время, когда я писал свою книгу «Setting The East Ablaze», в которой шла речь о тех бурных событиях, я даже ловил себя на мысли о том, а не вымышленное ли это имя, не поменял ли он его, что было бы с его стороны вполне благоразумным. Однако вскоре в моем распоряжении оказалась принадлежащая лично полковнику Бейли копия книги Назарова. Внутри неё оказалось письмо, в котором некто извещает о своем благополучном прибытии в Кашгар и сам себя поздравляет с тем, что ускользнул из лап большевиков. Подписано Павлом Назаровым. Ему, знакомому с Бейли еще в свою бытность в Ташкенте, не было необходимости скрывать свое истинное лицо, особенно ввиду того, что оба вполне разделяли ненависть к большевикам.

Лицом, знавшим Назарова лучше всех, был, вероятно, Малькольм Бёрр, теперь уже давно умерший, который перевел эту книгу с русскоязычной рукописи и приложил к ней короткую историческую справку, включенную в настоящее издание. Поэтому вряд ли имеет смысл повторять здесь факты из жизни Назарова, помимо замечания, что ему, вероятно, было сорок с небольшим лет во времена описываемых событий, и что он был женат, но не имел детей. Хотя Назаров коротко упоминает о своей жене в повествовании, имени её не открывает; возможно, это связано с тем, что память о ней была для него чересчур болезненна. Пала ли его супруга жертвой боль-

шевистской мести или просто не смогла покинуть Россию, чтобы присоединиться к мужу, мы, вероятно, никогда не узнаем, поскольку ни Бейли, ни Бёрра или вообще кого-либо ещё, знавших Назарова, нет в живых^[5].

Опыт и навыки, приобретенные Назаровым в Туркестане, не оставляли желать лучшего в борьбе с превратностями судьбы, выпавшими на его долю. Геолог и зоолог по образованию, отличный наездник, он месяцы проводил в исследованиях пустынь и гор Туркестана, в поисках минералов, драгоценных камней и предметов естественной истории. Во время своих путешествий на протяжении двадцати лет он приобрел глубокие знания языков и обычаев киргизских кочевников, а также сартов, как русские называли сельских жителей-мусульман. Со многими из них он подружился. Он знал каждый дюйм суровой земли вокруг Ташкента и далеко поодаль. Все это сослужило ему хорошую службу в трудные дни. Не получив того опыта и суровой закалки, он вряд ли смог бы впоследствии выжить и поведать нам свой рассказ.

Во время бегства от большевиков ему пришлось искать убежища у киргизов, скрываться одному в лесах, рисковать пребыванием в городах и кишлаках под фальшивыми документами; иногда ему удавалось ускользнуть от преследователей лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств или хитрым обманным способом. Более года ему пришлось существовать в среде простых мусульман Средней Азии, благодаря чему он получил уникальную возможность изучить и описать их быт. Наконец, после всей этой опасной игры в кошки-мышки с ЧК — секретной полицией большевиков и с китайскими пограничниками, он совершил переход через горы Тянь-Шаня и обрел безопасность в Кашгаре.

Теперь, после десятилетий мрака, Средняя Азия вышла из тени, свободная, наконец, от марксистских оков. Жаль, однако, что Назарову не довелось стать тому свидетелем. Вместе с тем, быстрые изменения, свидетелями которых

стали мы, неожиданная открытость края для остального мира пробудила широкий интерес к Средней Азии, её выдающейся истории. Повторное издание давно забытой повести Назарова, после того как она впервые была опубликована около 60 лет назад, является в высшей степени своевременным.

О дальнейшей судьбе Павла Назарова я скажу в послесловии, т.к. не намерен больше задерживать читателя от прочтения собственного повествования автора о выпавших на его долю роковых событиях тех дней.

Питер Стюарт Хопкирк
(англ. *Peter Stuart Hopkirk*; 1930, Ноттингем, —
2014, Лондон) — британский журналист и историк.
http://en.wikipedia.org/wiki/Peter_Hopkirk

Предисловие

Малькольма Бёрра

Павел Степанович Назаров родился в Оренбурге на Урале, где его отец владел рядом объектов горной промышленности и был городским главою, т.е. постоянным мэром или бургомистром. Принадлежал к чисто русскому роду староверов, которым отчасти можем приблизительно сопоставить наши старые английские сельские семьи римско-католической веры.

Получил образование в Московском Университете, где заслужил ученую степень, соответствующую степени доктора философии, защитив диссертацию по зоогеографии. Затем получил специальность горного инженера в Горном Институте С.-Петербурга и стал членом Императорского минералогического общества, Императорского Географического общества и Общества натуралистов Москвы.

В течение ряда лет много путешествовал, увлеченный своей профессией, по Кавказу и в большей степени — по Уралу, а затем переселился в Ташкент — административный центр Среднеазиатской провинции Российской Империи, где его отец владел хлопкопрядильной фабрикой. Здесь ему открылось обширное поле деятельности; именно здесь посвятил он большую часть своей жизни исследованию минеральных ресурсов края, и часто, к своему изумлению, находил их в изобилии, вопреки удручающим сообщениям официальных геологов. Им был обнаружен целый ряд крупных месторождений меди, серебра, угля, а также залежи нефти.

Будучи человеком широких интересов, он уделял большое внимание садоводству, в котором был признанным авторитетом. Им внедрены в Туркестане многие лучшие европейские сорта фруктов и цветов; он был награжден золотой медалью Министерств сельского хозяйства и фи-

нансов за внедрение в крае земляного ореха, арахиса, обнаружившего свою ценность как масличная культура.

Его любимым развлечением была ружейная охота, его любимой добычей — гусь и кабан. Но он был больше, нежели обычным охотником-спортсменом: он был пристальным наблюдателем и ученым орнитологом. Отлично стрелял из спортивного нарезного оружия, вообще огнестрельное оружие очень любил, и, что очень для Назарова характерно, издал по данному предмету научную статью. Им была собрана полная коллекция спортивных нарезных ружей всех стран, и не удивительно, что не раз его привлекали в качестве свидетеля-эксперта в криминальных расследованиях, и не однажды давал он свидетельские показания перед Императорской Комиссией по огнестрельному оружию и амуниции.

Человек широких пристрастий и энциклопедических познаний, склонный к непринужденному юмору, исполненный любви к природе, ненависти к лицемерию и обману, упрямый в своем мнении, но сразу же готовый, как человек с истинно научным чутьем, поменять его перед лицом очевидности, Павел Степанович был воистину очаровательным компаньоном. Почти два года мы провели с ним как друзья в буше экваториальной Африки, вовлеченные в родственные друг другу работы по геологии и зоологии. Сидя вокруг лагерного костра по вечерам мы обычно болтали о предметах нашего обоюдного интереса, и так я постепенно от начала до конца узнал историю его поразительной одиссеи. Я умолял его написать о ней. Позже, по моему возвращению к тусклой и серой жизни в цивилизации, каким это было наслаждением еще раз на время пережить Африку в памяти, а Среднюю Азию — в воображении, когда я трудился над переводом на английский язык четкой русской прозы моего друга.

Теперь я имею честь представить английскому читателю человека, которого с гордостью называю своим другом — горного инженера, геолога, минералога, химика,

орнитолога, спортсмена, эксперта по огнестрельному оружию и археолога — Павла Степановича Назарова.

*МАЛЬКОЛЬМ БЁРР
Объединенный университетский клуб,
Лондон, 1932*

*Геолог, энтомолог, переводчик книг П. С. Назарова
с русского на английский Малькольм Бёрр [2]^[6]*

Вступительная статья переводчика

Предупреждение. Данный перевод свободно распространяется в электронной форме с ведома и согласия переводчика на некоммерческой основе при условии сохранения целостности и неизменности текста, включая настоящее уведомление. Любое коммерческое использование оговоренного материала без ведома и согласия автора перевода не допускается. Цитирование возможно только со ссылкой на первоисточник.

Общие замечания. Интерес к личности Павла Степановича Назарова, его научным и литературным трудам возник в данном случае несколько необычным образом. Собирались материалы об известном историческом, культурном и геологическом объекте, расположенном на южной окраине киргизской Ферганы, в отрогах Туркестанского хребта. Это карстовая пещера, заброшенный древний и современный серебро-свинцовый рудник Кан-и-Гут, легендарный «Рудник Погибели». В течение последних десятилетий с конца XIX века он привлекал внимание учёных, археологов, геологов, историков, а также спортсменов-спелеологов не только России и бывшего СССР, но и зарубежья. В одной из статей известного советского геолога А. Ф. Соседко была найдена интересная запись следующего содержания:

«...археолог Кастанье указывает, со слов *П. С. Назарова* (курсив пер.), о наличии серебро-свинцовый руд в пещере».

С этого отправного пункта и было начато исследование, касающееся самой упоминаемой личности. Промежуточным итогом явилась статья [1], выдержки из которой с некоторыми сокращениями здесь уместно представить.

«Подобные данные о посещении горнопромышленником Назаровым пещеры Кан-и-Гут, считавшего её заброшенным рудником, мы нашли и в более поздней монографии «Археологический очерк Исфаринского района» со ссылкой на статью Кастанье, а также в научно-популярной книге «Рудник Погибели» известного археолога М. Е. Массона (1971) без ссылки на первоисточник. По-видимому, сведения Массона также базируются на информации, опубликованной Кастанье.

Действительно, небезызвестный Иван Антонович (Жан Антуан) Кастанье в своей ставшей библиографической редкостью статье «Современные успехи спелеологии и мои спелеологическія поездки по Туркестану в 1913 и 1914 гг.» поместил следующие примечательные строки: «П. С. Назаров, посещавший эту пещеру, сообщил мне, что она представляет собой заброшенный рудник (попадаетея железо- и серебро-свинцовая руда). Долгое пребывание в пещере, со слов П. С. Назарова, вызывает странное ощущение, и при выходе люди очень бледнеют» (Кастанье, 1915). Понятно, как трудно было обойти вниманием столь интересный исторический эпизод, и нами было предпринято дополнительное исследование, теперь уже касающееся личности П. С. Назарова и его посещения пещеры-рудника Кан-и-Гут.

С первых же шагов поиска бросилось в глаза, что учёные из разных ветвей науки считают Назарова специалистом именно в своей области: ботаником, зоологом, антропологом и этнографом, агрономом, а В. И. Вернадский назвал его «горным деятелем и натуралистом». Есть и прямые подтверждения его существенного вклада в эти науки. Так, например, в 1893 г. Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии П. С. Назарову была выдана золотая медаль имени А. П. Раздвѣтаева за научные труды по антропологии башкир.

Геолог и горный инженер, посвятивший, по его собственным словам, более четверти века поискам и иссле-

дованию минеральных богатств Туркестана, успешный предприниматель-горнопромышленник, открывший Наукатское, Чарух-Дайронское месторождения меди и организовавший их разработку, неутомимый путешественник и натуралист, действительный член Императорского московского общества испытателей природы, Императорского минералогического общества, Императорского русского географического общества, П. С. Назаров был заметной фигурой в жизни дореволюционного Ташкента и Туркестана в целом. Будучи ярким противником большевиков, захвативших власть в России, Назаров возглавил в Ташкенте контрреволюционное подполье, но в октябре 1918 г. был схвачен ЧК и приговорён к смертной казни. Чудом избежав её, он больше года спасался от преследования, укрываемый простыми таджиками и киргизами, а затем бежал в Китай, позднее — в Индию и далее эмигрировал в Англию. Назарову принадлежит ряд работ по геологии, зоологии, этнографии, антропологии, археологии, истории, кустарным промыслам, а также книг, освещающих перипетии его бегства от большевиков в Кашгарию и далее через Гималаи в Индию.

Ниточка поиска завела нас далеко, прочь из Туркестана, из России, в дальнее зарубежье и закончилась в Южно-Африканской Республике, в Йоханнесбурге, где покоится тело человека удивительной и трагической судьбы — Павла Степановича Назарова».

Совершенно естественно возник интерес и к одному из основных литературных трудов Назарова — книге «Hunted Through Central Asia», изданной за рубежом в 1932 году и переизданной в 1993 и 2006 гг. Обратный перевод на русский язык был предпринят автором этих строк ещё в 2010 г., однако по ряду причин затянулся. За прошедшее с тех пор время в печати появились, по меньшей мере, два варианта перевода той же книги на русский язык: Владимира Петрова (Бегство из Центральной Азии. Бишкек: Раритет, 2015) и Анатолия Цапен-

ко (Погоня по Средней Азии. Ridero, 2017). Кроме того, в сети Интернет встречаются переводы отдельных фрагментов книги.

Тем не менее, работу над переводом было решено продолжить и довести до конца. Побудительным мотивом явилось, прежде всего, желание предоставить читателю не только полное содержание книги, но и снабдить её комментариями и дополнительными сведениями об авторе и его трудах, включая ссылки на доступные в печати научные статьи П. С. Назарова — всё в свободном доступе, бесплатно. Думается, что таковое послужит хорошей данью памяти о столь незаурядном человеке, о его поистине трагической судьбе.

Несколько слов о переводе названия книги. Предлагались варианты вида «Погоня по...», «Бегство из...» и т. п. Однако они не представились особенно удачными, т.к. английское *hunted* лучше всего соответствуют русскому «преследуемый», а ещё точнее, «травимый», но вряд ли это выглядит литературно. Неизвестно, как сам автор озаглавил свою рукопись — она не сохранилась. Да, П. С. Назаров, волею судьбы и обстоятельств, был *преследуем* и по факту *изгнан* из Туркестана, где провёл четверть века, из пределов Российской империи вообще, но «погони» как таковой, как следует из повествования, на большем участке пути Назарова не было: ЧК лишь догадывалась о его местопребывании, но запаздывала всюду, так что «затравить» его «ленинской тайной полицией» так и не удалось. Перевод названия в виде «Беглец в просторах Средней Азии» представлялся более приемлемым. Да, в конце концов, он и стал не кем иным, как беженцем, эмигрантом, подобно многим выдающимся гражданам России, чьи судьбы искалечены были Великой Революцией. После множества утрат, скитаний и перипетий он нашёл-таки своё место, работу, общественный статус и признание в совершенно новой для него среде, но это произошло уже значительно позже...

Перевод осуществлялся так, чтобы он по возможности был как можно ближе к англоязычному «оригиналу», однако для того, чтобы избежать чуждых русскому языку построений отдельных фраз и оборотов (что, по мнению переводчика, не вполне удалось сделать в упомянутых выше изданиях), иногда приходилось от него отклоняться. В общем надо сказать, что примерно так же, по-видимому, был вынужден поступать и переводчик с русского на английский, действуя из аналогичных соображений, но, так сказать, «антисимметрично». В итоге почти наверняка можно утверждать, что стиль самого автора оказался, скорее всего, утраченным. Нельзя также было не заметить и некоторую натянутость повествования автора в ряде мест, отмеченная некоторыми наблюдателями как «неистовость» П. С. Назарова. Таковая, если её принять как данность, могла явиться неизбежным следствием откровенной неприязни автора к большевикам, что вполне понятно. Как выразился Питер Хопкирк, написавший послесловие к книге, «Назарову было что терять». Однако нельзя, наверное, не учитывать и то обстоятельство, что переводчик с русского, друг Назарова Малькольм Бёрр, был гражданином Великобритании, где книга впервые вышла в свет, а отношение Империи к Республике Советов общеизвестно. Сыграло ли данное обстоятельство свою роль, отразилось ли на переводе? Думается, что в какой-то степени могло сыграть, но не будем судить об этом деликатном моменте окончательно. Во всяком случае, «натянутости» повествования были сохранены. Что же касается авторского стиля, под который надлежало бы «подогнать» обратный перевод, то, увы, мало имеем примеров чисто литературной деятельности П. С. Назарова на русском языке; есть научные статьи, но многие из них (доступных) написаны на английском и французском (см. Приложение).

Замечания о маршруте передвижения П. С. Назарова. На небольшой и примитивной карте-схеме, имеющейся

в книге «Hunted Through Central Asia», Oxford University Press, таковой маршрут в ряде мест не определён: внятно отмечена лишь дорога (ранее — почтовый тракт) от Ташкента до Пишпека (теперь это столица Кыргызстана г. Бишкек). У читателя может сложиться впечатление, что таким образом указан, по крайней мере, один из участков пути бегства Назарова «от ленинской секретной полиции». Но это не совсем так. Очевидно, что из соображений собственной безопасности беглец был вынужден, придерживаясь общего выбранного им направления сначала в Семиречье, а затем в Кашгарию, делать «фланговые манёвры», т.е. пользоваться второстепенными дорогами, горными тропами и даже полным бездорожьем. Имеющиеся в книге сведения о некоторых участках пути Назарова, особенно от Ташкента до почтового тракта Чимкент-Бишкек, скудны, однако этот район Западного Тянь-Шаня во многих отношениях очень интересен и переводчику он отчасти знаком. Предпринята попытка отследить некоторые нюансы пути Назарова по тексту повествования с использованием более подробных географических карт. Соответствующий материал, чтобы не задерживать здесь внимание читателя, помещен в Приложении.

Касательно примечаний к тексту. Переводчик старался по возможности полнее обеспечить таковыми некоторые ключевые детали повествования автора: названия населённых пунктов, ущелий, рек, горных хребтов, озёр, долин и проч. При этом «англоязычные транслитерации» при обратном переводе были исправлены на принятые в русскоязычном написании, однако по большей части устаревшие. В примечаниях (сносках) они далее, при необходимости, уточняются в соответствии с современным написанием. Сведения о представителях растительного и животного мира, а также о минералах и проч. объектах, упоминаемых П. С. Назаровым, также, по возможности, дополнены в примечаниях. Интернет-страницы, ссылки на которые (URL) содержатся в тексте, примечаниях и в Приложении,

посещены в 2020—21 гг. Основным источником дополнительной информации служили страницы Википедии (www.wikipedia.org).

В. В. Цибанов, 2021 г.

*Посвящается 2-же Уэллис Кеннеди
(Wallace Kennedy),
которая не забывала обо мне
во время моих странствий
и подвигла меня написать эту книгу.*

Глава I. В ожидании казни

Однажды вечером в Ташкенте, примерно в конце августа 1918 г., я сидел в своем рабочем кабинете и спокойно снаряжал патроны для предстоящей дневной охоты на бекаса, когда перед парадной лестницей дома остановилась изящная повозка, запряженная парой великолепных гнедых коней. Высадились двое, с головы до ног одетых в блестящую черную кожу — униформу тех, кто принадлежал к правящей партии — коммунисты.

Я узнал их. Одним был М. — мой хороший приятель, товарищ по охоте, но теперь член большевистской партии, действующий от имени Диктатуры Пролетариата. Другого я столь хорошо не знал; он был председателем местного комитета Нарсельхоза и также присоединился к большевикам ради выгоды. Ни один не был коммунистом по убеждениям, но оба занимали важные административные посты в Туркестанской Республике Рабочих и Крестьян.

Я был озадачен визитом этих двоих, особенно теперь, когда единственным моим чувством по отношению к ним было глубочайшее презрение. «Не удивляйтесь, Павел Степанович, — сказал один из них, когда они вошли в комнату, — что мы прибыли видеть вас, нам необходимо воспользоваться вашими выдающимися знаниями о Туркестане и вашим огромным опытом; вы знаете страну лучше, чем кто-либо еще...»

— Только ради бога, без комплиментов, — запротестовал я. — Ближе к делу; говорите, что надо и каких сведений от меня ждете.

— Мы хотим спросить у вас кое-что об Устюрте. Как вы полагаете, можно его пересечь на автомашине?

— Почему вы заинтересовались этой пустыней? — с удивлением спросил я.

— Хорошо, — сказал один из них, — видите ли, Туркестанский Совет Нарсельхоза предлагает снарядить научную экспедицию для сбора сведений об этом районе.

— Что? — изумился я. — Научную экспедицию на Устюрт? Сейчас время для научных экспедиций? Где вы разыщете технический персонал для экспедиции такого рода.

И прибавил, не скрывая своей иронии:

— Да в своем ли вы уме?

Но потом мне вдруг все стало ясно, я понял мотив их визита ко мне и причину интереса к Устюрту. Сообщение между Туркестанской Социалистической Советской Республикой и Москвой перерезано. На юге, на реке Амударья, возле Чарджоу расположен Англо-индийский контингент и некоторое количество «Белых»; Центрально-Азиатская железная дорога в их руках. На севере казаки атамана Дутова^[7] перерезали сообщение с Оренбургом, а на востоке, в Семиречье^[8], против большевиков восстали крестьяне. В Туркестане запасы военной амуниции и оружия близки к истощению, положение Советского правительства в стране становится критическим. Оно окружено врагами со всех сторон, так что ясно, что комиссары озабочены открытием сообщения посредством автомашин через Устюрт, пустынное плато между Аральским морем и Каспийским, к заливу Мертвый Кутук, где можно пересечь на лодки, прибывающие из города Астрахани, находящемуся в их руках.

Было бессмысленно скрывать от них возможность пользоваться данным путем, ибо они были полны решимости отыскать его рано или поздно. Но мне надо было проникнуть в их планы и предпринять соответствующие шаги, и я пошел на хитрость.

— Вам не нужна научная экспедиция, — сказал я, — вы хотите открыть сообщение с Москвой через Аральское море и залив Мертвый Кутук.

Поначалу они опешили, а потом обрадовались, т.к. могли уже говорить открыто и перешли к делу.

— Видите ли, — сказал один из них, — нам действительно нужно разведать данный путь, но одновременно мы предполагаем осуществить и небольшое исследование, ведь этот угол Туркестана почти неизвестен. Но скажите, сможем мы проложить автомобильную дорогу через Устюрт?

— Конечно, и очень легко, — сказал я.

— В таком случае, не возьметесь ли вы руководить экспедицией? — спросили они в восхищении от услышанной новости.

— Ни при каких обстоятельствах, — ответил я решительно.

— Но почему? — воскликнули они в изумлении. — Мы, конечно, знаем вашу неприязнь к большевикам, но вы сами сможете набрать себе людей сообразно с вашими идеями. Советы предоставят вам надежный автомобиль и все, что пожелаете для экспедиции, много денег на расходы и вам заплатят за участие в предприятии.

— Говорят, на Устюрте отличная охота, — добавил один из них, пытаясь меня уговорить.

— Премного благодарен, — ответил я ледяным тоном.

— Все, что от вас потребуется — это пересечь Устюрт, доказать, что на автомобиле это возможно, и написать отчет о дороге.

— Это уже было сделано несколько лет назад, — сказал я спокойно.

— Что? Как? Когда? Кем? — восклицали они, подпрыгивая от восторга.

— Если вы посетите контору генерал-губернатора и подымете архивные папки за 1883 год, вы найдете полное и детальное описание пути через Устюрт. Дорога была размечена генералом Черняевым^[9], когда он проехал через Устюрт в экипаже на коронацию Императора Александра III весной 83-го. За это безрассудство он был занесен правительством в ретирадный список^[10]. Маршрут через Устюрт, дорога, места отдыха, колодцы — все описано подробно.

— Как благодарить вас за столь ценные сведения? — спросили они, изумленные моей откровенностью.

— Мы знаем, вы не возьмете денег, — продолжали они, — и ничего иного от Советского правительства; но посмотрите: эта коляска, — и они указали на окно, — и пара лошадей всегда будет в вашем распоряжении, если пожелаете куда-либо выехать.

«На охоту, например», — добавил один из них, зная мою слабость.

— Да неужели... но вы же знаете... эти лошади, весь этот выезд, все украдено, все обобществлено у г-жи Х., — прервал я поток их благодарностей.

Мой ответ так обескуражил их, что, поспешно распрощавшись, они исчезли.

Ранним утром следующего дня из моего дома вышли двое. Один из них, бухарский еврей с серой бородой и в грязном кафтане, другой, ещё грязнее, — «товарищ» в черной рубашке и кожаной шляпе. Первый был капитаном гвардейского полка, грузин; следовал он в Бухару и дальше через пустыню в штаб Британско-Индийского контингента. Второй — полковник артиллерии, прошедший всю войну на германском и австрийском фронтах — следовал в северном направлении, в расположение частей атамана Дутова.

Ставка большевиков на Устюрт была проиграна, т.к. прежде чем могла осуществиться их «научная экспедиция», пароход «Скобелев», который был переоснащен в крейсер англичанами, занявшими Баку, вошел в залив Мертвый Кутук, а оренбургские казаки атамана Дутова выдвинулись с севера к Устюрту. Туркестанская Республика Рабочих и Крестьян оказалась отрезанной от остального большевистского мира и вынуждена была опираться на собственные ресурсы.

Двумя месяцами позже, в один из октябрьских вечеров я спокойно отдыхал дома в своем кабинете после удачной дневной охоты на фазана, когда к парадной лестнице под-

катил автомобиль. Откуда выпрыгнули шестеро с винтовками, облаченные опять-таки с головы до ног в униформу из черной кожи. Их визита я не ожидал, но тут же стрелой рванулся через веранду в сад. До того как они вошли в комнату, я уже успел проскользнуть сквозь ограду в сад моих соседей и исчез бесследно.

Однако спустя пару дней, когда, отыскивая для себя лучшее место, где мог бы спрятаться, я вынужден был пересечь один довольно открытый участок в туземном квартале Ташкента. И тут заметил двоих мужчин, одетых в белые туники, сидевших на ступенях старой мечети. Они оказались агентами всемогущественной ЧК.

В мгновение ока я был арестован. Четыре револьвера были приставлены к моей голове. Оба негодя имели по паре револьверов, и были удивлены, когда не обнаружили у меня при обыске никакого оружия.

Один из них, клоун из местного цирка, был уполномочен от имени Революционного Правительства рабочих и крестьян арестовывать, заключать в тюрьму и допрашивать каждого по своему собственному усмотрению, а также производить домашние обыски и ублажать себя собственностью граждан сообразно своим пожеланиям. Другой, подручный из местной галантерейной лавки, едва умевший читать и писать, являл собой Революционное Карающее Правосудие. Такова была Великая хартия вольностей граждан «самой свободной Советской республики».

Шестеро членов ЧК допрашивали меня, и каждый, задавая вопросы, наводил на меня дуло своего револьвера. Всякий норовил приложить его к моему виску и угрожал пристрелить, если не выложу им всей правды.

Было ясно, что мне не удастся выбраться живым из когтей ЧК, но вид этих шестерых мерзавцев с их револьверами, наведенными на голову безоружного, был настолько смешон и глуп, что я не смог сдержать улыбки.

— Что? Вы ещё улыбаетесь? — спросило Карающее Правосудие. — А не боитесь, что пристрелим?

— Отнюдь, — отвечал я спокойно, — вы устроили такой дивный социалистический рай, что теперь грош цена человеческой жизни.

Не ожидая такой оценки «созидательного социализма», Карающее Правосудие было крайне обескуражено.

В качестве одного из документов, предъявленных мне в качестве доказательств моей вины, было перехваченное большевиками письмо полковника П. Г. Корнилова, брата известного генерала^[11]. Письмо должен был передать мне посыльный. Совместно нам предстояло снарядить группу офицеров для командования контингентом туземной кавалерии в Фергане с целью обеспечения дальнейших действий против большевиков. И, несмотря на мои неоднократные требования ничего не передавать в письменном виде, скрупулезная почтительность несчастного Корнилова вынудила его выслать мне детальный отчет о его издержках и действиях, в надежде, что посыльному удастся пробиться через горы, не наткнувшись на большевистскую стражу. В своем письме, наряду с прочим, было написано:

«Я передал капитану В. лопера (скакуна)».

У Карающего Правосудия не было ни малейшей идеи о том, что могли бы значить известные в отношении лошади слова «лопер», «пейсер» или «трипплер» (скакун, рысак, иноходец). Конечно же, они заподозрили в этой фразе скрытый намек на некий секрет или кодовое слово, а потому давили на меня из всех сил, дабы я раскрыл им тайный смысл загадочной фразы. Не добившись от меня ничего, они отправили меня вниз в подвал ЧК, который уже заслужил себе самую дурную репутацию.

Несмотря на мой гнев и ненависть к этому отребью рода человеческого, такому чуждому нашему прекрасному Туркестану, который они захватили, а теперь тиранили, я не лишился чувства голода. Время было позднее, и я все больше и больше становился озабоченным мыслями о еде.

Окно камеры, закрытое решеткой из стальных прутьев, было высоко, и в тот момент, когда я печально смотрел на него, размышляя, чем и когда удастся мне удовлетворить свой голод, услышал стук, и сквозь решетку на пол свалился маленький мешочек, а вслед за ним второй. Я взглянул наверх и встретил через решетку взгляд улыбающегося лица маленького киргизенка Керим-бея, который прислуживал в моей конюшне. Узун кулак, по-киргизски — «длинные уши», это своеобразное «радио» местных жителей, не теряло времени зря и сослужило мне хорошую службу. Неведомыми способами, иногда на огромные расстояния и с поразительной быстротой, новости распространялись среди киргизов быстрее, нежели телеграммы. Известие о моем аресте разнеслось с быстротою молнии, и друзья прислали мне из моего дома мешочки с пищей. Если бы они вздумали передать посылку через красных охранников, а не через окошко, сии последние наверняка сожрали бы все мои бутерброды и фрукты, ведь частной собственности большевики не признавали.

Освещение не было предусмотрено для врагов правительства рабочих и крестьян, и поскольку было темно, ничего не оставалось, кроме как залечь на голые доски широкой скамьи и попытаться уснуть.

Среди ночи я был разбужен шумом открываемой двери, звуками шагов и светом. Вошли двое членов ЧК в сопровождении двух красноармейцев.

— Мы пришли сообщить вам, — заявили они, — вы приговорены к расстрелу.

— Ну так расстреливайте, — был мой ответ.

И вновь обозначилось на их мерзких рожах то же тупое недоумение, какое замечал я на лице Карающего Правосудия.

Эти полуживотные твари, напичканные примитивным марксизмом, грубые и невежественные материалисты, были способны испытывать один только животный страх. Смерть, которая по их понятиям была полным

уничтожением личности, для них была самой страшной вещью на свете. Они надеялись на мой испуг, но когда увидели, что их угрозы не действуют, пришли в замешательство, так как более пугать меня стало нечем. Позже они прибегли к пытке, для чего привлекли китайцев и латвийцев, хотя до сих пор подобной меры остерегались, ибо красноармейцы и сарты могли отказаться от подобных дел. И все-таки довольно часто они замучивали узников до смерти, обливая их кипятком; это называлось у них «задать баню».

Что-то пробурчав, они удалились, а я снова прилег на скамью и проспал до утра.

Двумя сутками позже, часов в одиннадцать ночи, меня выволокли наверх в большую комнату. Вокруг стола, покрытого красной тряпкой, сидела ЧК в полном составе. Мне был торжественно вручен лист бумаги с длинным перечнем вопросов, касающихся «заговора против Правительства рабочих и крестьян». Кто состоит в заговоре? Откуда берутся средства? Где размещены войска и в каком состоянии готовности находятся? Какую связь они имеют с командованием Британско-Индийского контингента, вторгшегося на территорию Туркестанской Социалистической Республики и т. д.

— Если вы дадите подробные письменные ответы на заданные вопросы, то будете прощены, — произнес председатель, — но если откажетесь или дадите ответы ложные, будете расстреляны. Подумайте хорошенько и к завтрашнему вечеру дадите ответ.

Пробежав глазами список, я улыбнулся и протянул бумагу обратно.

— Расстреливайте. Я не могу ответить ни на один вопрос, потому что все это бред и чушь собачья. Не было вообще никакого заговора.

— Хорошенько подумайте, — вновь предупредил председатель, — скажите правду, и мы выдадим вам деньги и паспорт, потом тайно вышлем за рубеж.

«Знаю я, куда вы меня отправите в любом случае. Так отправляйте», — подумал я про себя, а вслух повторил:

— Заговора не было. Ряд офицеров бежало от вашего преследования в Фергану, ведь вы убивали каждого, кто честно служил родине. Я снабжал их деньгами из моих личных средств.

Ничего больше не добившись, они отправили меня снова в подвал, где продержали еще трое суток, а потом перевели в тюрьму.

Тюрьма в ту пору оставалась такой же, как была при царе. Странно, но в тюрьме я себя почувствовал лучше, чем в подвальной клетке, хотя меня и поместили в одиночную камеру.

На следующий день кто-то пропихнул мне в камеру через небольшое наблюдательное окошко экземпляр местной газеты. В ней было официальное сообщение властей о разгроме заговора «белых бандитов» с целью свержения Диктатуры Пролетариата, и о том, что предводитель заговорщиков находится в руках Советского правительства. Заметка была подписана целой кучей народных комиссаров.

Месяц я провёл в одиночном заключении. И вот однажды меня извлекли для прогулки во дворе под эскортом двух вооруженных солдат. Сообщение с другими заключенными и друзьями было невозможно. Моя камера проветривалась через окошко с металлической решеткой, расположенное высоко под самым потолком. Сквозь него я мог видеть маленький кусочек голубого неба.

Установилась чудная туркестанская осень, сухая, прозрачная и теплая, время перелета многочисленных птичьих стай с далекого севера. По ночам я часто слышал их крики, когда стая пролетала мимо; свист цапель, мелодичные трубные голоса журавлей, низкие и глубокие крики диких гусей, все пронизывало мой слух. Птицы, ликуя на свободе, держали путь в дальние теплые страны, в далекую Индию, страну чудес! Душа моя тянулась за ними,

туда, прочь от бурь и тревог революции. Мысленно я желал им счастливого пути, этим старым любимым друзьям моего отрочества, вызывавшим в моей душе картины чудес природы и славных дней охоты в Туркестане. Меня не покидала мысль, что любая ночь могла оказаться для меня, в сущности, последней. Но ещё не приходило в голову, что однажды и мне будет суждено последовать тем же самым путем через горы к солнечным долинам Хиндустана.

Еженедельно меня таскали в ЧК на допрос под усиленной вооруженной охраной. Уже другие «инспекторы» подвергали меня допросу, на этот раз перекрестному. С ними был, я с огорчением должен сказать, и настоящий военный юрист, ставший на службу большевиков; но даже он был настолько безграмотен, что полагал, будто город Мешхед^[12] расположен в Западном Китае, а Кашгар — в Персии.

Двое или трое моих охранников всегда присутствовали на допросах. Это были простодушные парни, русские крестьяне, служившие в прежней армии. Они сообщили мне, что большевики пытаются заключенных и пытаются изощренно, а потому решили непременно присутствовать на допросах, с целью не допускать ничего подобного. В ту пору большевики старались «демократизировать» все отношения с населением и привлекали солдат и рабочих в Советы и другие органы, а потому вынуждены были прислушиваться к требованиям охраны. Отношения между этими молодыми солдатами и большевистскими комиссарами были очень натянутыми.

В тюрьме каждый вызов на допрос ЧК вызывал у заключенных панический страх. Иногда несчастные просто исчезали, а иногда возвращались в плачевном состоянии.

Однажды меня продержали на допросе с самого утра до десяти вечера. А когда вернули в камеру, тюремный надзиратель, который раньше был городским извозчиком и хорошо меня знал, обрадовался, увидев меня живым,

и воскликнул: «Хвала Господу, Павел Степанович! Вы живы и здоровы! Мы за вас сильно беспокоились. Даже в уголовном отделе никто не отправился на койку, так за вас переживали!»

Пища тюремная была ужасна. Состояла исключительно из баланды и нескольких овощей, мяса не было в помине. Друзья и родственники заключенных обычно приносили пищу, но те, у кого не было родных и близких, обречены были голодать. Получавшие пищу из дому делились с соседями по камере. Еду обычно приносили женщины, они стояли у тюремных ворот и ждали караульного, когда заберет передачу, а после вернет посуду. Это было тревожное для них ожидание, ибо весьма часто передачу возвращали, и можно было слышать многозначительную фразу: «Он больше есть не желает!» Сие просто означало, что ночью заключенный был расстрелян. Однажды моя супруга, принесла мне обед, вот так же стояла и ждала у ворот, а я как раз был вызван на допрос. Ворота были раскрыты, и я впервые со времени моего ареста имел возможность ее увидеть; при ней был наш маленький преданный фокстерьер Дейси. Мельком заметив своего хозяина, Дейси пришла в неописуемый восторг, и с этого дня всякий раз, когда жена приносила для меня пищу и ожидала у ворот, собачка принималась яростно копать каменистый грунт под тюремными воротами. Маленькое умное создание прекрасно понимало, что я заперт там, в этом здании, и рвалась внутрь, чтобы вызволить меня; при том ранила себе лапы и ломала когти, так что жене приходилось тянуть за поводок, несмотря на отчаянный визг Дейси.

Однажды следователь объявил, что мой допрос завершен.

— Не будете ли так любезны объяснить, в чем меня обвиняют? — спросил я.

— Ладно. Фактически против вас не имеется ничего конкретного, следствие ничего не выявило, — был его от-

вет, — но всё равно вы являетесь врагом пролетариата и поэтому заслуживаете самого сурового наказания.

Совнарком, или Совет народных комиссаров, как я узнал позже, учредил для меня особый вид суда — Революционный полевой трибунал, состоящий исключительно из лиц пролетарского происхождения и рабочих-коммунистов. Ни прокурора, ни судьи, ведущего допрос, таким судом не предусматривалось, перекрестный допрос подсудимого считался более чем достаточным.

— Вас вызовут в суд только для оглашения приговора, — заключил он.

«Ну что ж, — подумал я, — вот и прекрасный образчик правосудия для самого прогрессивного социалистического государства в мире».

Теперь, после завершения стадии допросов, я был переведен из одиночной камеры в общую камеру №22, где содержались многие из арестованных до меня, и среди них я обнаружил своих друзей и товарищей по заговору против Советов. Нас ожидала общая судьба — расстрел.

Между тем в городе, в среде приличного люда, ощущалась большая тревога за нашу участь: наша казнь представлялась неизбежной. Недавно было арестовано и варварски убито десять членов партии Кадетов, за единственной причиной — принадлежности к «буржуазной» партии. Холодной зимней ночью их выволокли на тюремный двор и облили ледяной водой, а потом пьяные солдаты изрубили шашками их замерзшие тела, как ледяные статуи.

Однако теперь, оказавшись вместе, в невыгодном для нас положении, мы получили возможность быстро сориентироваться. В течение нескольких дней удалось установить связь с друзьями в городе и, более того, — с местными жителями, поднявшими восстание против большевиков районе Ферганы, где под руководством офицеров Царской армии были предприняты энергичные действия против подразделений Красной армии.

По утрам и вечерам нас выгоняли на прогулку во внутренний двор. Сама тюрьма представляла собой старое здание, к которому примыкали дворы внешний и внутренний. Первый выходил на улицу, за ней шли конторы, учреждения, магазины. Вокруг второго располагались тюремные камеры, кухня и лазарет.

Каждый двор был перекрыт тяжелыми стальными воротами, которые всегда были закрыты и охранялись вооруженными часовыми. Далее всё было обнесено высокой каменной стеной, а для пущей предосторожности ещё и переплетением колючей проволоки, вдоль которой непрерывно день и ночь патрулировали специально подобранные часовые-красноармейцы.

Во внешнем дворе, как раз возле стены, огораживающей двор внутренний, размещалась тюремная лавка, которая соединялась с внутренним двором посредством маленького окошка или чем-то вроде люка. Таким образом, во время прогулки заключенные могли купить себе в лавке табак, спички, сухие фрукты, *нан* — местный хлеб в виде небольших лепешек и иную всякую всячину.

Лавку содержал старик-сарт. Каждое утро он являлся в сопровождении носильщика, тоже сарта, несшего на плечах мешок с товаром. При входе в тюремный двор содержимое мешка, конечно, подвергалось минутной проверке тюремной охраной.

Когда меня перевели из одиночной камеры в общую, моей первой заботой было устроить так, чтобы со мной рядом оказался один очень хороший мой друг — местный житель по имени Абдулла Каспар. Это был влиятельный человек, пользовавшийся огромным уважением местного населения Ферганы. Он был арестован и заключен в тюрьму без всякого основания, как бы на всякий случай, дабы изолировать лицо, чей авторитет среди сартов мог нанести вред большевистской власти.

Абдулла Каспар был изначально помещен в камеру, предназначавшуюся для местных жителей. Он быстро уло-

вил мою мысль и обратился к тюремному комиссару с просьбой о своем переводе в камеру №22.

— Почему туда? — с удивлением спросил комиссар, — или не знаешь, что там одни преступники, приговоренные к казни?

— Там мой друг, Назаров-бек. Мой народ хорошо его знает, и я хотел бы провести вместе с ним его последние дни земной жизни. Быть может, Аллах милостью своей сподобит меня последовать за ним, — ответил Абдула Каспар в чисто восточной манере.

— Хорошо, можешь, коли хочешь, отправляться на тот свет вместе с Назаровым, — ухмыльнулся комиссар.

Спустя три дня после своего переселения в нашу камеру Абдулла Каспар принес из лавки несколько лепешек местного хлеба, и каждому досталось по одной. Они-то, эти лепешки-

«нан», и явились для нас первыми посланиями из внешнего мира.

Местный хлеб по форме — это что-то вроде бублика без дырки, в центральной части он тонок, и там наносится орнамент, какой-нибудь нехитрый узор. Вот по нему-то Абдула Каспар без труда распознал адресата-получателя хлеба: узор изображал буквы арабского алфавита, а в запеченном тесте были искусно спрятаны письма от друзей и близких.

Те обеды, что доставлялись заключенным из дому, тщательнейшим образом проверялись тюремной охраной, иногда самими комиссарами; хлеб изламывался, все измельчалось на куски. Но никому бы и в голову не пришло проверять местные хлеба, доставляемые с базара в лавку на продажу заключенным сартам, а тем более, кто мог признать в грязном оборванце, несущем тяжелый мешок с товаром в тюремную лавчонку, сына самого Абдуллы Каспара — богатого молодого местного щеголя.

Спустя пару дней юного носильщика сменил еще более оборванный и грязный старик-сарт, чей лик изобличал полнейшую и безнадежную тупость.

— Мадамин-бек^[13] ждет указаний... — шепнул Абдулла во время прогулки, — его переодетый посланник сейчас в моей лавке.

И вот на следующий день во время прогулки наш Абдулла Каспар разыгрывает представление: он вдруг впадает в ярость, начинает извергать проклятия в адрес лавочника, перемежая русский язык и наречие сартов, и швыряет в окно лавки краюху купленного там хлеба.

— Вы псы, а не хорошие мусульмане! Продаете бедным затворникам хлеб, набитый тараканами! Вы хуже собак! Так ешьте их сами, и да подавиться вам ими, и да пребудет с вами проклятие! — кричит Абдулла, и добавляет к своей тираде несколько фраз на таджикском, широко употребляемом в окрестностях Ферганы, но абсолютно непонятном кому-либо из солдат, дежурящих возле лавки.

И вот посредством такой уловки удалось передать для Мадамин-бека в Фергану следующие инструкции и указания:

— Перерезать железнодорожный путь и дороги в Фергану; разрушить мосты.

— Уничтожить нефтяные скважины в Фергане, чтобы лишить большевиков топлива для локомотивов.

— Сосредоточить кавалерийские части на перевале Кендер-Даван, лежащем на пути через горы из Ферганы в Ташкент, и ударить по частям Советской армии в момент, когда в Ташкенте вспыхнет восстание. Местная кавалерия могла достичь города за одну ночь и нанести мощный удар по тылу большевиков.

От наших друзей в городе также пришли хорошие вести. После некоторого замешательства, вызванного моим арестом, а также арестом ряда моих товарищей и членов организации, деятельность по подготовке восстания возобновилась.

Значительная часть рабочих уже были настроены против правительства Советов и присоединились к нашей организации. Но я не особенно радовался этому обстоятельству.

ству, поскольку был знаком с корыстным характером этой публики и имел все основания ожидать от неё предательства и продажи большевикам в самый ответственный момент сражения.

Тем не менее, хорошие новости существенно ободрили нас, узников камеры осуждённых. Иные же арестанты немало удивлялись нашим беззаботным видом и положительным настроем. Но всё сводилось, в конце концов, к простому вопросу: расстреляют нас большевики ещё до восстания или нет? Мы иногда удивлялись, почему медлит ЧК и не приводит приговор в исполнение, по крайней мере, в отношении меня. По тюремным слухам первым должен быть я.

Только потом я узнал, что причина была в наступлении англо-индийского контингента войск через Персию и Закаспийский район. В то время Белая армия была на Амударье при Чарджоу. Через пару дней они могли быть в Ташкенте. С севера, как я уже упоминал, наступали казаки, а в Семиречье восставали крестьяне. По сути, представителям Правительства рабочих и крестьян деваться было некуда. Вряд ли им следовало ждать пощады от казаков или крестьян Семиречья, попасть же в руки англичан не менее опасно: они хоть и культурный народ, но могли бы не сдержаться и перевешать всех большевиков. Ряд комиссаров предпочли бы сдать генералу, командовавшему британскими силами, нежели пасть под ударами казацких сабель или быть повешенными разъярёнными крестьянами Семиречья. Сверх того, мои друзья из британских вооружённых сил поставили в известность комиссаров Советской республики Туркестан, что если хоть один волос упадёт с головы любого политического узника, прощения не будет, всех комиссаров перевешают.

Глава II. Освобождение

Жизнь в тюрьме шла однообразно, и долгие зимние вечера были ужасно скучны. У нас была керосиновая лампа, и мы сидели допоздна, не замечая времени в бесконечных беседах. А чтобы охранник нашей камеры не слишком обращал на нас внимания, достаточно было советской сторублёвой банкноты, равной в ту пору примерно шиллингу.

Однажды тюрьму посетил глава Советского правительства Туркестана Вотинцев^[14]. Он заглянул в нашу камеру с целью осмотра лиц, приговорённых к расстрелу. Будучи студентом Электротехнического института в Петрограде, он не закончил своего образования. Был он способным и амбициозным человеком, женат на женщине, которую я хорошо знал. Я и его знал лично. Он был принят в нашем доме и пока не вступил в Партию, был приличным парнем. Но тщеславие подвигло его встать в ряды армии большевиков в надежде сделать быструю карьеру в качестве предводителя пролетариата.

Я с трудом его узнал. Вместо юного, здорового хорошо выглядевшего студента, исполненного радостью жизни, передо мной стоял тощий, бледный, полинялый и уже состарившийся, невротический тип, нарочно выряженный в рабочую одежду, с немытыми руками и нечесаными спутанными волосами. Целью его визита оказался разговор со мной.

Вотинцев был подавлен мыслью о возможности захвата Ташкента англичанами, которым Красная армия едва ли могла оказать серьёзное сопротивление. Предполагая, что я имею контакт с командованием британских сил и т.о. нахожусь в курсе его планов и намерений, он явился ко мне с целью развеять свои сомнения.

— Они захватят Туркестан? Присоединят к своим индийским колониям? — вот были его вопросы.

Я старался объяснить ему совершенную невозможность последнего, бесполезность Туркестана для Великобритании.

— Но хлопок? Его недостаёт для их промышленности, — не унимался он.

— Неужто не хватает хлопка Индии и Египта? Разве не дешевле ввозить его прямо из Соединённых Штатов, нежели из Туркестана? — отвечал я.

— Так что же они донимают нас здесь? Зачем движутся на Ташкент? — вопрошал он с раздражением.

Отталкивающее и подлое лицо этого вероотступника являло дурной знак. Мне трудно было сдерживать презрительную улыбку, когда он поднялся уйти, однако следовало быть осторожным.

Месяцем позже, в ночь с 18 на 19-е января 1919 г., когда белогвардейцы захватили город, Вотинцев со своей комиссарской братией были убиты.

Обстоятельства его смерти стали мне известны от одного белогвардейского офицера, принимавшего деятельное участие в сведении счётов с большевистскими комиссарами.

— Они трусы и негодяи, — сказал он, — неспособные умереть как мужчины. Вотинцев, например, пресмыкался у моих ног, моля о прощении. Обещал исправить свои ошибки, как он их назвал, и помогать нам в борьбе с коммунизмом. Плакал, как дитя, и его последние слова были «мама, мама, я жить хочу!». Я прикончил его, всадив пулю в лоб, скотине, за все зло, причинённое им нашему Туркестану.

Вскоре после визита Вотинцева надзиратели сообщили нас, что в Фергане арестован капитан А. и помещён в подвал ЧК. Он был одним из тех, кого я направил в Фергану вместе с полковником П. Г. Корниловым. Я был крайне удивлён услышанным и не склонен был тому верить, ведь

А. находился при местных повстанцах, и вряд ли его можно было взять живым. Когда известие подтвердилось, я начал опасаться, что большевики готовят нам очную ставку, дабы выяснить наши связи, а это могло бы стать для него фатальным. Что касалось меня, то себя я считал уже обречённым.

Однажды утром меня под сильной охраной препроводили в ЧК. Десять бандитов входили в совет этого кровавого ведомства, а теперь в него вошёл ещё один член — недоучившийся студент юриспруденции по фамилии Сидоров. Привлечён для расследования заговоров против Диктатуры пролетариата.

Когда ввели А., мы с ним обменялись многозначительными взглядами. Было очевидно, что он подавлен ситуацией.

Мне крайне важно было знать, какие он дал показания на предварительном допросе, какую линию защиты выбрал, как объяснял своё присутствие среди местных жителей Ферганы, где и при каких обстоятельствах был задержан.

Большевики, сидя в кабинете в ожидание начала допроса, вели глупейшую дискуссию, изгаляясь в осуждении капитализма, буржуев, угнетателей рабочего класса и т. д. Пользуясь этим случаем, я высказал ряд провокационных замечаний, и они разом подцепились на удочку и принялись спорить со мной, совершенно справедливо признав во мне «классового врага» и противника. Во время этой небольшой дискуссии я постарался «проболтать» о том, за что арестован, как строил защиту, и какое отношение ко всему этому имеет А. Он же, поняв мои намерения, охотно присоединился к обсуждению. Вот так мы быстро дали друг другу понять все нужное в присутствии этих дураков, и когда в комнату явился инспектор, мы уже знали, что отвечать и как говорить.

После допроса А. поместили в нашу камеру №22, что означало, безусловно, его судьба — пуля в лоб.

Он рассказал нам печальный рассказ о том, как попал в лапы большевиков. Вместе с другим офицером и его 14-летним сыном А. состоял при контингенте Мадамин-бека, который успешно действовал против большевиков, рассеивая части Красных одну за другой. Однажды они узнали, что Мадамин-бек готовится атаковать русское поселение Мин-Тюбе. Нужно признать, что у него были для этого все основания. Село располагалось на землях, контролируемых подразделениями царской армии из числа местных жителей, а поселенцы были отъявленными головорезами, изгнанными их центральной России. Они воистину причинили немало бед местным жителям, а те их ненавидели за обиды и наносимый ущерб.

Русские офицеры, как могли, отговаривали Мадамин-бека от этого во многих отношениях рокового шага, не говоря уже о том, что он безнадежно компрометировал в глазах русских поселенцев само восстание, столь успешно начатое местными против большевиков. Думаю, что сам Мадамин-бек это понимал, но не мог удержать своих сообщников. Когда же стало ясно, что все попытки уговоров бесполезны и атака неизбежна, то А. и Р. с сыном, уверенные в отваге Мадамин-бека и точности его стрельбы, покинули подразделение и поскакали в Мин-Тюбе, где предупредили жителей о готовящейся атаке. Те же не особенно были уверены в своих силах и запросили помощь у представителей Советов. Однако ещё до прибытия подмоги в виде подразделения Красной армии в сопровождении комиссара ЧК, нападение киргизов было отбито с большими потерями для атакующих.

Но жители Мин-Тюбе остались верными себе и подтвердили свою дурную репутацию. Первое, что они сделали по прибытии Красных, сдали свих спасителей, А. и Р., агентам ЧК как царских офицеров. Поступая так, они надеялись купить покровительство и защиту от Советского правительства. Даже коммунист командир Красного подразделения был немало удивлён таким предательством.

Спустя пару лет карающая десница Немезиды сделала свое дело. Поселок Мин-Тюбе был захвачен местными партизанами, и все было сровнено с землей, а жители изрублены.

Несчастный А. был в крайне подавленном состоянии рассудка и был удивлен нашим относительно веселым расположением духа и бодрым настроением.

— Благодарю вас, господа, — говорил он. — Вижу, что вы переживаете и вселяете мне надежду своей бодростью в моем подавленном состоянии, но все это бесполезно, ибо без сомнения все мы обречены смерти.

Мы же старались обнадежить его, говоря о подготовке восстания и его развитии, и что мы все пребываем в надежде на скорое освобождение, если только комиссары не решат пристрелить нас еще до того.

Наша почтовая служба, осуществлявшаяся через лавочку, сообщала, что день начала восстания скоро будет назначен. Это еще более ободрило нас, но мы все равно продолжали работать над планами побега из тюрьмы.

Друзья на воле склонили на свою сторону одну девушку, работавшую машинисткой в конторе ЧК, и ей удалось добыть несколько бланков с печатями и подписями комиссаров. Один из них представлял собой приказ тюремному руководству о пересылке всех заключенных камеры №22 в распоряжение ЧК. Конвой из десяти наших людей, переодетых в униформу красноармейцев, должен был доставить этот приказ в тюрьму в обеденный час, когда все комиссары ЧК шли пить водку. На случай какого-либо телефонного запроса от тюремного руководства, машинистка должна была оставаться на дежурстве и дать необходимое подтверждение по телефону. Оставалось только выбрать день и проставить дату в приказе.

Как раз в это время у меня появилась отличная возможность побега. Однажды утром, когда меня представили ЧК по какому-то поводу, то продержали там до поздней ночи, задавая бесчисленные более или менее глупые во-

просы. Когда, наконец, отпустили, я вышел в коридор к лестнице и тут обнаружил спящих охранников. Было бы совершенно просто выйти на улицу и спрятаться в темноте ночи, ведь уличного освещения не было. Но я понимал, что мое бегство тотчас поднимет тревогу и приведет к репрессивным мерам в отношении моих товарищей со стороны большевиков, которые они цинично называли «пустить в расход».

Во время прогулок по тюремному двору я имел возможность познакомиться с двумя очень интересными туркменами, арестованными в Закаспийской области. Один из них представлял собой невероятно высокого роста юношу, по меньшей мере, футов семь. Он ужасно страдал от голода, не было у него ни денег, ни друзей в этой части света, а тюремная пища была безнадежно скупа. Я стал делиться с ним своим обедом, и несчастный юноша стал быстро восстанавливать свои силы. Он оказался выходцем из богатой туркменской семьи и с большевиками боролся упорно. Утверждал, что своим собственным мечом отсек не одну большевистскую голову. Что за картину должен был являть собой сей неистовый юный гигант со своей восточной кривой саблей, восседающий на великолепной туркменской лошади! Вместе со своим другом, весьма влиятельным туркменом по имени Джанаид-хан, он был схвачен не в честном бою, а предательски и вероломно во время перемирия, когда оба совершали молебн в мечети. Большевики, как ярые поборники военного марксизма, не слишком связывали себя словом, данным «классовому врагу».

Джанаид-хан, мужчина солидного возраста, был предводителем десятка тысяч туркменских семей, иммигрировавших из Афганистана в Россию задолго до описываемых событий. Среди своих сограждан он пользовался огромным уважением. Даже здесь в тюрьме его не оставлял своим вниманием его слуга, благообразный туркмен с длинной чёрной бородой. Джанаид-хан тоже был без гроша

в кармане, и я смог помочь ему деньгами, доставляемыми нашей тайной пересылкой. Он был посвящён в наши замыслы и всячески уговаривал меня, как только освободимся, бежать с ним в туркменские степи.

— Я дам тебе, что только пожелаешь, — обещал он, — войлочную юрту с коврами и обстановкой, лошадей и скот. Обещал даже *бадахшана* — лошадь роскошной породы из Афганистана. Таковую достать невероятно сложно, ибо вывоз их строжайше запрещён.

Иногда я всерьёз подумывал, не отправиться ли вслед за ним, но мои обязательства по отношению к Белому движению удерживали меня в Туркестане. В конце концов, Джанаид-хан вернулся в туркменские степи и быстро обнаружил своё местопребывание большевикам. Постоянно с тех пор вёл с ними свирепую непрерывную войну за веру и свободу своего народа. Вытесненный в конечном итоге неодолимой силой в Персию и далее, в поисках убежища, в Афганистан, Джанаид-хан был одним из тех редких героических душ, которые без всяких средств, помощи, поддержки и одобрения отказались вложить мечи в ножны и вели неравную борьбу в течение ещё одиннадцати лет с натиском неумолимого века, никогда не уступая соблазнительным приманкам Советской Власти, упорно стараясь сохранить свою свободу, свою веру и обычаи, рискуя в течение ряда лет по всему Туркестану, так что большевикам опасно было покидать города внутри страны, единственной во всей России не прекращавшей борьбы с большевизмом. Слава народу Туркестана за его непреклонный отказ признать правление душегубов и бандитов! Доблесть его — хороший пример даже для тех, кто считает себя цивилизованным христианином.

После многочисленных отсрочек и задержек, которые держали нас на грани надежды и отчаяния, начало восстания было намечено на день или, вернее, ночь кануна Рождества, когда предположительно все комиссары будут поголовно пьяны.

Нетрудно вообразить нетерпение, с каким ожидали мы тот день. Но были задержки ещё по неизвестной причине, и мы падали духом, ибо с каждым днём росла для нас вероятность быть расстрелянными или умерщвлёнными иным беспощадным способом. ЧК вполне была способна решить внезапно, что самое лучшее время привести приговор в исполнение как раз в канун Рождества, дабы внушить ещё больший ужас обывателям и отравить им праздники. Этот ход событий был тем более вероятен, что на Рождество тюремная охрана обычно напивалась и устанавливала свой порядок касательно «контрреволюционеров и врагов пролетариата». Кроме того, тот факт, что в заговоре были задействованы рабочие, вселял в меня опасения, не найдутся ли среди них предатели, готовые продать нас большевикам.

Основные силы организации были представлены бывшими офицерами старой армии, более молодым местным поколением и частью Красного гарнизона под командованием нового офицера Осипова^[15].

3-го января через нашу секретную службу оповещения поступила приятное известие: срок восстания назначен на день св. Епифания, 6-е января, важный в России праздник. Ночь на Епифания, по вере, полна таинственного смысла; в сёлах все ворота, окна, двери отмечают крестами, а девушки гадают о судьбе и женихах.

Нам обещали, что утром 6-го, что приходилось на воскресенье, наша тюрьма будет взята приступом и нас освободят.

Так вырисовывался не только час нашего скорого освобождения, но и триумфа Белого движения, свободы, порядка и христианских идей над тёмными силами большевизма.

Я полностью признаюсь, нас радовало ожидание того сладкого момента, когда мы сможем отомстить исчадиям ада за всё зло, причинённое нам, нашим ближним и нашей стране.

Напряжённое беспокойство, с которым мы сидели и ждали, нетрудно вообразить; что-то могло пойти не так, самые непредвиденные обстоятельства могли возникнуть в самый последний момент. Однако никто не сомневался ни минуты, что Белые победят большевиков, и наша уверенность в успехе была абсолютной.

Вечером провели собрание и разработали план действий, распределив обязанности для каждого из нас на случай, если вдруг придётся принять участие в сражении. Утро 6-го выдалось ясным и слегка морозным. Во время нашей утренней прогулки по тюремному двору была получена очередная «почта», через лавку, с известием о том, что тюрьма всю ночь была под окружением спецподразделения Белых с целью предотвращения любых возможных репрессий в отношении заключённых со стороны Красной охраны, и что атака начнётся в десять.

Тюремный комиссар, как бы в предчувствии, будто что-то замышляется, беспокойно бродил среди заключённых. Наконец он остановился, собрал вокруг себя группу, наподобие митинга, и начал длинную бессвязную и весьма глупую речь. Говорил, что в тюрьме обнаружился грипп-испанка, и двое из отдела преступников умерли накануне, так что всякие сношения с внешним миром отныне запрещены. Доставка пищи из дому также. Нам предстоит довольствоваться тюремной пищей. В сущности, для нас это означало приговор к голодной смерти.

— Вам не следует порицать Правительство рабочих и крестьян, — вкрадчиво говорил он,

— за все несчастия и лишения, что обрушились на страну. Вините историю.

«Вы только послушайте его! Кто он такой, что б вешать вину за все грехи его бандитов-парней на историю? — думал я про себя. — Ничего, головорез, через пару часов ты будешь болтаться на ближайшем тополе».

И с такими невесёлыми мыслями в голове я с трудом мог сдерживать улыбку.

— Чему радуешься? — резко спросил комиссар, обращаясь ко мне.

— А я так счастлив, какое утро, солнце, небо голубое, — и улыбаюсь ещё более.

— Прочь в свои камеры, марш! — гаркнул комиссар в диком раздражении. — Наука не для вас!

Тут уж мы все не выдержали и рассмеялись откровенно, возвращаясь в свои камеры. Двери с грохотом закрылись за нами и ключи лязгнули в замках. «В последний раз», — прошептал я. Затем прилёг на скамью и стал читать книгу Жюль Верна «Путешествие на луну», взятую в тюремной библиотеке.

Время тянулось безнадёжно медленно. Некоторые теряли спокойствие, то и дело глядели на часы. Стрелки показывали десять. Затем прошло ещё четверть часа.

— Что-то произошло, непредвиденное, что-то уж слишком тихо, — с беспокойством произнёс кто-то.

— Спокойствие, господа, спокойствие, — вторил другой.

Воистину, стояла тишина, необычная для этой утренней поры. Ни звука не доносилось с улицы. В томительном ожидании прошло ещё десять минут.

Вдруг мёртвую тишину расколол грохот залпа сотен ружей, и пули застучали по крыше здания.

— Все прочь от окон! — скомандовал я. — Не досадно ли будет погибнуть от пуль товарищей!

Послышались вопли, затем стоны и странные звуки, топот бегущих — то красная охрана спасала свои драгоценные шкуры — потом раздался взрыв... «Рвут ворота внешнего двора», — подумали мы.

Дальше снова шум, два отдельных выстрела и топот лошадиных копыт. С грохотом ворота внутреннего двора были распахнуты настежь, и в него ворвалась вооружённая толпа.

— Открыть камеру 22! Живо! — раздался приказ.

Мы слышали, как звенели тяжёлые ключи в дрожащих руках охранника, когда тот пытался вставить нужный

ключ в замочную скважину. Наконец дверь открылась, на пороге стоял мой старый друг капитан Б., облачённый в полный мундир царской армии с эполетами и при шпорах.

— Добро пожаловать, господа, — произнёс он, — город в наших руках. Все комиссары за исключением одного застрелены этим утром, а ЧК со всем содержимым спалена.

Мы приветствовали его громкими восклицаниями. Наконец свободны!

Однако покинуть камеру пока не торопились. Ведь ещё надо было решить вопрос, кого освобождать из тюрьмы, кого нет; не освобождать же настоящих преступников. Быстро принесли книги из управления, и мы засели за работу.

Тем временем оба тюремных двора заполнились отрядом Белых и кое-кем из горожан. Нам пришлось прервать нашу деятельность, когда явились два офицера в сопровождении двух гражданских лиц, которые настаивали на нашем срочном появлении на улице. «Народ обеспокоен вашим отсутствием, — предупредили они, — боятся, вас опять схватят Красные. Выйдите и покажитесь, дабы они убедились, что вы целы и невредимы».

Во внутреннем дворе, в толпе, что с шумным восторгом приветствовала меня, заметил я одну прелюбопытную сцену.

Прямо напротив массивной тюремной стены можно было видеть объятую дрожью субъекта, довольно отвратительного вида, более похожего на обезьяну, чем на человека: среднего роста, крепко сложенный, с уродливо длинными руками и тяжёлым неповоротливым телом, прямыми тёмными волосами, низким лбом и маленькими голубыми жуликоватыми глазками. В нескольких шагах напротив, на ступенях тюрьмы стоял юный князь С. с винтовкой, нацеленной на человека-обезьяну. Князь обратил на меня свой взгляд, которым как бы вопрошал меня, спустить ли курок или нет.

— Пощады, пощады! Простите меня, простите! — в ужасе скулил он, — я всегда был против насилия... всегда был против стрельбы... всегда защищал буржуазию... я помогу вам... Пощадите...

Я не смог сдержать улыбки, а по толпе прокатился смех, ибо трепещущий под дулом винтовки человек-обезьяна был печально известен своей исключительной жестокостью. Это был военный комиссар Пашко^[16]. На его совете были тысячи убитых, в том числе и уничтоженных им лично, сотни приговорённых к смерти. До своего прибытия в Ташкент эта бестия завоевала славу своей жестокостью ещё в Севастополе, где им была придумана казнь под названием «митинг на дне морском» — это когда несколько сот офицеров царского флота были брошены на съедение акулам. Пашко был истинный выродец, получеловек-полуживотное, коему люди беспечно доверили быть при власти во время смуты.

— Пока его оставьте, — предложил я князю, — сначала мы должны его допросить; он может сообщить нам много важных сведений.

Негодяя быстро связали и затолкали в грузовик. Столь поразительная трусость, низость и отсутствие всякого достоинства суть неотъемлемые свойства всех этих революционных активистов и лидеров, ничтожеств и мерзавцев, не способных даже умереть с достоинством.

Улица встретила меня толпами народа, здесь были и местные жители и русские, все были счастливы, все улыбались. Меня окружили, поздравляли, пожимали мне руки, обнимали.

И вдруг всё стихло. Тревожный ропот прошёл по толпе. В дальнем конце улицы появился отряд вооружённых всадников, идущих галопом прямо на нас. Кто они, Красные или Белые? Толпа замерла в оцепенении. Только теперь почувствовав радость свободы, они трепетали перед перспективой вновь оказаться во мраке отчаяния.

Но тут тысяча голосов слились в громкое «ура!» Отряд оказался подразделением Белой кавалерии, посланным нам на помощь генералом Л.К., считавшим, что штурм тюрьмы ещё не завершён.

Не торопясь, я двинулся домой. По пути меня то и дело останавливали, радушно приветствовали; друзья и незнакомцы равно тревожились обо мне и теперь рады были пожать мне руку, обнять и расцеловать меня. Улицы были полны людей, свободно вздохнувших после четырнадцати месяцев большевистского гнёта.

Звон колоколов близлежащих церквей возвещал благодать Небесам за вызволение из-под гнёта Зла. День был погожий, солнечный и чуть-чуть морозный, небо сияло голубизной. Казалось, сама Природа возрадовалась чело- веку. То был миг триумфа, когда, как мы наивно полагали, что страна наконец высвободилась из-под власти банди- тов. Всего лишь тридцатичасовая поездка по железнодоро- рожному пути отделяла нас от Британских сил, ожидавших в Чарджоу, и вряд ли им мог кто-либо серьёзно противо- стоять.

А дома меня ждала моя жена, а с ней наш верный те- рьер Дейси...

Глава III. Судные дни

Раннее утро следующего дня огласили звуки ружейной пальбы. Рабочие, ранее примкнувшие к Белым, сменили шкуру и перешли на сторону Советов. Город на треть вновь оказался в руках толпы, предводимой коммунистами. Они взяли свой реванш. Мародёрство шло вовсю, резня творилась повсюду. А у меня не было лошади, чтобы уйти вместе с горсткой отступавших Белых. На моих глазах были убиты предводитель шведского Красного Креста и сестра милосердия. Большевики уволокли несчастную девушку, которую я знал, вместе с её матерью в железнодорожные мастерские, и никто в живых не возвратился. Арестованы были свыше пяти тысяч достойных образованных людей. Их заставили копать общую могилу, затем всех раздели донага и расстреляли. Яму второпях слегка забросали землёй, многие из захоронённых таким образом ещё дышали. Юный князь С., совсем ещё мальчишка, был лишь ранен не смертельно, пал поверх груды тел и пролежал без сознания в течение нескольких часов на этом жутком одре; только ночью ему удалось сползти оттуда и кое-как добраться до дома. Его отец был уже убит, а мать, ставшая свидетельницей того, как её сын стоял на расстреле нагишом, весь забрызганный кровью, лишилась рассудка на месте. Его сестра промыла и перевязала ему раны, уложила в постель и ухаживала за ним; но на следующий день, по сведениям их соседей, явились большевики и убили обоих.

Наступила снежная холодная зима, и долго пятна замёрзшей крови окрашивали улицы и мостовые.

Я нашёл убежище в доме, где раньше скрывался один британский офицер. В комнате возле кровати имелся люк, над ним передвижной сервант. Здесь можно было спу-

ститься в погреб и затаиться там на время, пока в городе не прекратятся облавы. Дом неоднократно подвергался обыску разными отрядами, среди которых особенно выделялись австрийские военнопленные. Правительство «трудящихся масс» воистину было интернациональным.

Вскоре поступили слухи, что моё местопребывание стало известно Советским органам, значит мне следовало срочно искать иное убежище. Вечером 12-го января, когда солнце пряталось за пирамидальными тополями пустынных улиц и дома погружались в таинственный сумрак, уходил я прочь из города. Снег хрустел под ногами. Был я переодет, имел поддельное удостоверение личности, и мне посчастливилось обойти Красный дозор на окраине.

Но не мог я в тот момент даже предполагать, что отныне посылаем судьбою в долгую и дальнюю одиссею, и перенесёт меня она через всю Среднюю Азию, в таинственный край Тибет, через Гималаи в долины Хиндустана. Напротив, мне казалось, что скоро вернусь домой, ведь разве не стоят Британские войска на Амударье? разве не действует на севере атаман Дутов со своими казаками?

Около одной недели прятался я у своего друга, чей дом располагался у дороги. По ней непрерывным потоком шли большевистские автомашины, грузовики и Красная конница. Каждый день был полон тревоги. В любую минуту они могли ворваться в дом для обыска, а это — неминуемые пули для меня и владельца дома. Лишь долгие холодные ночи приносили некоторое облегчение и покой. Ночью сюда никто бы не зашёл, и не радостен был рассвет, возвестник нового дня неопределённости и страха.

Между тем произошёл случай, из которого можно судить, как относился средний класс к Советскому правительству. Хозяин дома как-то спросил моего разрешения, можно ли пригласить в гости своего родственника с супругой, дабы они познакомились со мной.

— Он, безусловно, не большевик, скорее наоборот, противник правительства Советов, хотя нанят им и ему служит, — добавил он.

Я согласился, поскольку хорошо знал его отца, типичного «буржуя», как называли большевики представителей средних классов. На следующий вечер приглашённые прибыли с визитом и остались ночевать, т.к. с наступлением темноты нельзя было появляться на улицах.

Это была очень милая парочка. После скудного завтрака он, служащий Красной армии при контингенте в Чарджоу, поведал о событии, которое произошло пару месяцев назад. Однажды ночью поднялась тревога. Срочная телеграмма, пришедшая со станции Ак-Кум, сообщала, что подразделения Красной армии возле границы окружены и захвачены в плен британскими и индийскими войсками. Затем по телеграфу поступил ультиматум, предписывающий немедленно выбрать комитет из числа видных беспартийных лиц, коему передать всю власть и вооружение; сопротивление бессмысленно; английские военные маршируют по городу, и в случае отказа выполнить предъявленные требования, все коммунисты будут перевешаны. Большевики пребывали в панике, большинство комиссаров согласны были подчиниться. Меньшинство же склонялось к тому, чтобы просить задержки исполнения ультиматума до полудня, а тем временем выслать поезд с вооружённым отрядом для разведки. В конце концов, так и решили, и рано утром отряд красноармейцев тронулся в рискованный путь. В этом отряде оказался и мой новый знакомый. Говорит, все жутко трусили. Перед ними так и маячили грозные враги, безупречные индийские снайперы, а дальше — английские стрелки, которые никогда не делают промаха. Когда подъезжали к цели, моральный дух отряда окончательно пал, так что все были уже готовы повернуть назад. Возле станции спешили и осторожно двинулись вперёд разреженной цепью. На станции ни единой души, и казалось, что это не иначе как ловушка. Просто заманивают, подпускают

близко, а затем откроют шквальный огонь со всех сторон! Такая ситуация красноармейцам, привыкшим безнаказанно стрелять по безоружным «буржуйам» и мирным жителям, было отнюдь не по душе... Заставить их двигаться вперёд, казалось, командирам под силу лишь посредством пулемётов, нацеленных в спины. Вот подошли совсем близко, но по-прежнему полная тишина. Прозвучи где-либо хоть один выстрел, все бы в панике дали дёру, но на станции нет и признаков наличия врага. Красноармейцы, постепенно осмелев, решились на обследование станционных зданий. Тут в одной из комнат были обнаружены начальник станции и его помощник, а в сторожевой запертыми — сорок красноармейцев и железнодорожников, все без оружия. Никто из них, однако, не мог толком объяснить, что здесь произошло. Лишь рассказали, как ночью на станцию прибыли делегаты от Белой и Британской армий и объявили, будто станция окружена, и дабы избежать бессмысленного кровопролития, призвали сложить оружие. Так и было сделано, и «пленники» оказались под замком. Что было потом, и куда подевалась странная делегация, никто не знал.

Далее наш рассказчик поведал, как залез на водокачку, чтобы хоть как-то прояснить загадку. Но всё, что ему удалось увидеть, это две небольшие человеческие фигурки среди песка и холмов, да при них ещё маленькую собачонку. Тотчас же была предпринята погоня, и вскоре один был доставлен — это был студент по фамилии Машков; другой, некто офицер Бомбчинский, был смертельно ранен и оставлен умирать в пустыне. Выяснилось, что эти двое белых, переодетые в униформу красных, прибыли на поезде из Ташкента, незаметно сошли на станции Ак-Кум, перерезали телеграфные провода, арестовали и заперли начальника станции с помощником, затем то же проделали с охраной. Восстановив связь, они послали одно сообщение в Чарджоу, а другое — главнокомандующему Красной армии о том, что станция Ак-Кум захвачена, британские войска в тылу, и призвали разоружиться.

Машкова хотели расстрелять на месте, но дерзкая затея этих двух всех так удивила, что решено было отправить пленников в Ташкент. Пусть ЧК выяснит, кто у них в сообщниках.

— Однако зачем вы оказали большевикам такую услугу, — спросил я у рассказчика, — неужели нельзя было представить дело так, будто вы никого не видели, когда были на водокачке? Ведь вы же не большевик, но убили двух белых!

— О, когда вас призывают в Красную Армию, одевают в военную форму, вы подпадаете под их дисциплину и начинаете делать то, что прикажут, забывая все свои прежние привязанности, — был получен ответ. Вот так беспринципная масса русских, будучи однажды

«белыми», а на другой день становясь «красными», губят свою свободу и делаются рабами Третьего интернационала.

Случилось так, что Машков был брошен в ту же тюрьму, где пребывал и я. Там от него я узнал многие подробности данной истории. Также хорошо я знал и Бомбчинского, изобретательного, опытного и храброго офицера. Живя в Ташкенте, он в совершенстве овладел телеграфной техникой, чем и пользовался неоднократно в дальнейшем, посылая ложные сообщения в адрес комиссаров Советской Власти. Когда однажды мне надо было послать человека с важной миссией в Кашгар, мой выбор пал именно на Бомбчинского. И хотя тот не имел опыта езды верхом, смело и отважно преодолел на лошади трудный путь по горным тропам в обход городов и застав. Он достиг цели и вернулся обратно, но к тому времени я уже пребывал в заточении. Несколько позже, когда американской дипломатической миссии понадобилось переслать важное донесение в Персию, а Советские власти не позволили воспользоваться телеграфной связью, задача вновь была возложена на Бомбчинского. Тот в свою очередь заручился поддержкой Мошкова и вдвоём они от-

правились в военном железнодорожном эшелоне. Как раз тогда, сойдя на станции Ак-Кум, они и осуществили свой дерзкий розыгрыш. Утомлённые после своих ночных приключений, они решили передохнуть в пустыне, но были пойманы. Бомбчинский был ранен в желудок и умер почти сразу. Красноармейцы пристрелили и собачонку.

Спустя несколько дней я узнал, что Белые отступают вдоль дороги на Чимкент и пытаются уйти в горы по долине Чаткала^[17]. Мне удалось раздобыть лошадь, и я двинулся в том же направлении, чтобы присоединиться к своим. Стоял сильный мороз, и было много снега, болотистые места и оросительные каналы замерзли, так что мне не стоило труда обойти стороной село Никольское, занятое большевиками, и срезать путь через болота. Моя лошадь была жалкой клячей и едва передвигала ноги. Встретясь я с большевиками, не было бы никакой надежды на спасение. С грустью и скорбью размышлял я о том, как часто я ездил бывало по этим вот самым местам и дорогам на своих собственных отменных лошадях, способных уйти от любой погони. Всё вокруг было пустынно и безлюдно, лишь изредка попадались встречные, на лицах коих я мог видеть уныние и страх. Диктатура пролетариата на всём оставляла свой знак.

На исходе дня добрался я до дома знакомого богатого киргиза Якши-бея. Он страшно обрадовался, увидев меня целым и невредимым, т.к. полагал, что меня давно нет в живых.

— Куда путь держишь, *тахир*^[18]? — последовал вопрос.

— В горы поохотиться — ответил я.

— Прекрасно, но переночевать следует здесь. Когда же мы вошли в жилище и остались один на один, он произнёс:

— Тахир, скажи мне правду. Ведь ты не на охоту, ни ружья при тебе, ни собаки, и ты один.

— Да, мне нужно в горы, добраться до войск Белых, что движутся к Чимкенту. Слышал ли о них?

— Если изволишь, дам тебе в проводники своего племянника, он проведёт тебя ночью прямо в горы через степь. Но всё же переночевать нужно здесь, ибо твоя лошадь устала. Утром я пойду на базар и выведу всё о твоих друзьях у киргизов, что спустились с гор.

Я с радостью согласился. После чая и вкусного плова я улёгся на удобной постели, устроенной из мягких ковров прямо на полу, и укрылся тёплой волчьей шкурой. Жена Якши-бея, просыпаясь ночью, чтобы присмотреть за своим ребёнком, заботливо поправляла на мне покрывало, дабы уберечь меня от холода.

Утром Якши Бей, одевшись в меховое пальто и лисью шапку, оседлал своего лучшего коня и отправился на базар. Но вернулся он лишь поздно вечером, уже пешком, без пальто, шапки и даже без хлыста.

— Вся дорога забита Красными войсками, — со скорбью в голосе воскликнул он. — Они забрали мою лошадь, одежду. Аллах отвратил свой взор от нас и ниспослал нам неслыханные беды. О, тахир, не добратья тебе до гор. Оставайся тут и завтра мы потолкуем с мудрыми и опытными, как быть дальше.

На следующий день собрались полдюжины киргизов и сартов и долго о том судили. Решили так: пока нечего и думать идти в горы, Белые скрылись в отдалённом ущелье Пскема, выход оттуда перекрыт Красной кавалерией и пехотой; для меня есть один выход — остаться пока где-нибудь здесь.

— Не выйдет, однако, скрыться у киргизов, — отметили они, — живут открыто, в селении как в степи, и любой всегда легко войдёт в их дом. Прячься у сартов: они бдительно стерегут свои семьи и жилища, ворота их всегда на замке, и никто без спроса не войдёт.

— Мы пошлём за Акбар-беком. Он старый солдат, служил у Худояр-хана, опытен и надёжен, многих отправил на тот свет, и ты можешь положиться на него.

Часом позже явился в дом богатырского телосложения

сарт, роста невероятного, с чёрной бородой, суровым взглядом серо-стальных глаз и умным, энергичным лицом. После обычных приветствий ему объяснили суть дела. Он же просто утвердительно кивнул головой и произнёс:

— Хорошо. Я спрячу тебя, тахир, в своём доме, ибо привык давать убежище гонимым. Ненавижу большевиков, сынов Шайтана! Рад служить тому, кто Царю служил. Много слышал о тебе. Ночью перебирайся в мой дом.

Поздно ночью меня провожал киргиз. Было полнолуние, но снег валил всю, что было как нельзя более кстати. Через полчаса достигли мы ворот фермы, одиноко расположившейся в поле. Мой провожатый подал условный сигнал и ворота открылись. Хозяин встретил нас в небольшом внутреннем дворе и открыл дверь в комнату, тускло освещённую чирагом — примитивным масляным светильником, какими пользовались ещё в древнем Египте и Греции. Неподальку возле жаркого очага сидели на корточках две женщины, молодой мужчина, сын Акбар-бека, и мальчик лет двенадцати. Они учтиво приветствовали меня и пригласили присесть вместе с ними. Одна из женщин была молода, с карими глазами и задумчивым выражением бледного лица. Другая, значительно старше, — с лицом простодушным, но не лишённым благородства. Обе ничуть не были смущены моим присутствием, несмотря на то, что магометанский закон запрещает женщинам обнажать лицо перед незнакомым мужчиной. Но я был для них не просто гость, а гонимый странник и пришёл к ним жить одною с ними жизнью. Мне не было задано ни единого вопроса, однако они всё же знали, кто приглашен в их дом, и какие опасности с этим обстоятельством связаны.

Вскоре начались приготовления ко сну. Мне постелили на ковре, который молодая женщина извлекла из сундука — её приданое, сказала она. Покидая комнату, Акбар сказал мне:

— Тахир, никого не бойся, плохой человек не войдёт сюда ночью. Я перерезал бы ему горло.

И я остался в этой комнате вместе с мальчиком и молодой сарткой с младенцем.

Жилище выглядело так: стены просто обмазаны глиной, крыша из камыша; несколько грязных войлочных подстилок на полу и пара больших сундуков у стен — вот и вся мебель да убранство; дверь прилежит неплотно, сквозняки отовсюду, окна без стёкол, пол земляной очень холоден. Здесь предстояло мне провести, одному богу известно, сколько дней и ночей. Я лёг на свою убогую постель не раздеваясь и в течение нескольких бессонных часов размышлял, что за туманное будущее уготовано мне. Вот так началась моя жизнь среди сартов.

Редко, если вообще такое случается, удаётся европейцу в Туркестане жить в магометанской семье и лицезреть внешне недоступные стороны её быта, а потому я не без интереса присматривался ко всему, что имело быть в моём новом обиталище. Состояло оно из маленького внутреннего дворика, огороженного с одной стороны помещением, где провёл я ночь, с другой стороны расположилась пара небольших строений и остатки кирпичного сарая, где хранился запас корма для лошади. Две прочие стороны занимали ещё один сарай и навес для телеги. Ворота выходили непосредственно на главную дорогу, обсаженную тополями. По другую сторону дороги видна полуразрушенная стена, за ней большой *арык*, т.е. оросительный канал. Дорога весь день была сотрясаема потоком грузовиков, шедших в горы, пьяной руганью красноармейцев и бряцанием кавалерии.

Во дворе Акбара был ещё один предмет — его собственность и поддержка благосостояния всего семейства — примитивное устройство для отжимки масла. Устроено очень просто: большая деревянная ступа и деревянный пест, установленный наклонно, с другого конца упряжь для лошади. Животное ходит по кругу, а пест вы-

жимает из хлопковых зёрен чёрное масло с неприятным запахом. Лошадь у Акбара очень стара, худа и больна, но от труда этой бедной клячи зависела жизнь всего семейства.

Вот состав семьи Акбара. Старшая жена, Гуль-биби, — очень спокойная скромная женщина с мягким характером, по сути весьма культурная дама; вторая — молодая, но довольно непривлекательная, черты лица грубоваты, типичные для сартской женщины; две маленькие девочки, семи и девяти лет и мальчишка, о котором уже упоминалось. Старший сын, Юлдаш, крепкий молодой сарт, при нём две жены. Первая, Тата-джан (это имя означает «Да будь с нами» — часть молитвы во здравие ребёнка), женщина с печалью на лице; её видел я накануне вечером. Вторая, по имени Камар-джан, рыжая, мускулистая, хорошо сложенная, с лицом грубым и красноватым, но всегда приветливым. Она родом из Ферганы, долины Алмаз, где женщины славятся, по-моему, не совсем заслуженно, своей красотой.

Днём для меня не было возможности выйти во двор, т.к. я достаточно высок ростом, а стены не высоки, и только ночью я имел возможность размяться. Весь день приходилось тихо просиживать в маленькой комнате. День начинался с чая и лепёшек — таковые выпекают иногда из кукурузной муки, и они бывают не плохи, пока свежие, но я находил их ужасными, ибо сарты всегда стоят на том, чтобы добавлять в них лук. Затем я принимался за чтение. К счастью, я прихватил с собой пару томов со специальными трудами по геологии, которые были хороши как раз в том отношении, что их не скучно было читать помногу раз. Так проводил я время до часу-двух пополудни, когда подавался второй завтрак, состоящий лишь из овощного супа, лепёшки и чая.

Юлдаш трудился с масловыжималкой, а Акбар продавал масло на базаре, собирая при этом сведения о движении вооружённых частей Красных. Вечером все собира-

лись в доме, когда готовился вечерний *аш*, то есть обед. Под этим названием подразумевался плов. Но это было не то изысканное блюдо, что обычно готовится во времена благополучия; сейчас в рис добавлялись лишь крошечные кусочки сушёного мяса, да присутствовало всегдашнее хлопковое масло. Семейство обедало в другой комнате, но Акбар делил трапезу со мной. Посреди пола стелилась скатерть, небольшая и не очень чистая, на ней и раскладывался *аш*. Н вот что портило мой аппетит, так это манера Акбара брать пищу руками, что, впрочем, свойственно всем сартам: пальцами он брал щепотку горячего риса, отжимал и замешивал в плотный комок, а затем уже отправлял в рот. Поначалу я разделял всю порцию пищи пополам, и каждый ел свою долю, но позже мне удалось обеспечить себя отдельной тарелкой. А дабы не огорчить Акбара, я объяснил ему, что наша вера разрешает нам принимать пищу только из отдельной посуды. В сущности, так оно и было принято у *старообрядцев*, иначе — *староверов*, каковыми являлись мои предки. Во время моих скитаний подобный приём избавлял меня не раз от необходимости есть из одной посуды с местными, а употреблять отдельную свою — важное санитарное правило в Средней Азии, где часто мыться не принято.

Когда Акбару хотелось уважить какой-либо женщине в семье, он звал её в комнату. Скромно сняв свою обувь у двери, та подходила босиком, приседала на колени и широко раскрывала рот. Акбар же любезно помещал туда щепотку плова. Чаше всего такой чести удостоивалась Татаджан. Если в плове попадалась кость, то Акбар сначала тщательно срезал с неё мясо и съедал его, потом передавал кость женщинам, а те, обглодав, отдавали детям. Иной раз Акбар кидал кость собаке, жалкому существу, постоянной жертве всяческих гонений и пинков. Сарты не любят собак, веря, что их присутствие отваживает Ангела-хранителя. А вот кошек, напротив, любят. Впрочем, однажды, это обстоятельство хозяйской кошке вовсе не помогло: Ка-

мар-джан как-то сидела, лаская кошку на своих коленях, но тут вдруг по какому-то поводу повздорила с Акбаром, да так, что в сердцах швырнула кошку прямо в мужа. Он же ухватил животное прямо на лету и оным, как плёткой, отхлестал жену по физиономии. Кот, обидевшись, стремглав пустился наутёк и несколько дней не появлялся в доме.

После обеда Акбар сообщил новость. Рассказывали, что в горах произошла битва между большевиками и белыми, о безуспешной атаке красных на позиции белых, сопровождавшейся большими потерями, об их трусости и жестокости по отношению к беззащитному местному

населению. Красноармейцы грабили кишлаки, угоняли скот, лошадей, отбирали муку, одежду и обувь, уводили с собой девочек и молодых женщин, из коих некоторых потом убивали. Население пребывало в отчаянии и было исполнено ненависти к большевикам.

Мы часто слышали похоронный звон, доносившийся из расположенной неподалёку русской деревни. Это хоронили жителей, которые были мобилизованы Советской властью и убиты в сражениях с белыми. Вообще же надо иметь в виду, что рассказы местных жителей часто украшались с чисто восточной фантазией.

Глава IV. Убежище у сартов

Вечером после ужина, когда Акбар удалялся в свою комнату, вокруг очага собирались погреться жёны, старший сын и прочие дети. Завязывалась беседа на разные темы. Юлдаш больше говорил о своих приключениях на охоте и о разных достопримечательностях в горах, где он побывал. А женщины задавали мне всякие вопросы, весьма характерные для их образа мыслей.

«Когда англичане придут в Туркестан?» — «А когда они придут, то всё ли будет как прежде?»

— «Появится ли снова набивной ситец на базаре?» — «А нитки с иголками на базаре будут?»

— «А где сейчас Ак Паша (Белый Царь)?» — «А сколько сейчас часов длится день и сколько ночь?» — «А сколько дней до Рамазан Байрама?» — «Что больше, Ташкент или Москва? Москва или Россия?» — «Как русские обращаются к Богу — Ты или Вы?» и т. д. И если мне удавалось удовлетворить их любопытство, они отвечали комплиментом вроде «Какой вы умный! Вы знаете всё!»

Юлдаш, бывало, рассказывал мне, как он однажды подстрелил в горах двух огромных кабанов, выдру и «дикого человека». Когда же я выразил сомнение в том, что в нашей части света таковой вид существует, он принимался тщательно описывать его внешность. Похоже, это был медведь, местные жители часто называют его «диким человеком». Действительно, туша медведя со снятой шкурой, покрытая слоем белого жира, поразительно похожа на человека, особенно, если медведь — самка.

Дни стояли ужасно холодные, морозы пронзительные, но женщины ходили по двору в простых галошах, а в комнаты входили босиком, оставляя обувь на пороге. В помещениях же было не теплее, чем снаружи, разве что без

ветра. Вообще женщины одеты были очень скудно, носили простой халат — свободно сидящее платье Востока, рубашку и штаны; всё это старое и ветхое. Если днём намечалась помывка, мылись прямо во дворе, невзирая на холод, причём женщины облачались только в халат. Когда рубашки были в стирке, дети обычно сидели раздетыми; даже малыши, едва начавшие ходить, сидели на снегу голыми. Никто, однако, не болел.

Женщины, особенно жёны Юлдаша, часто просили Акбара купить им ткани на базаре, дабы пошить себе рубашек, но там давно уже многие товары исчезли, а цены на ткань были запредельными.

Сартские женщины из числа молодых, когда собираются в гости, первым делом густо красят брови *сурьмой*, либо соком растения *юстми* (резеды, *Isatis tinctoria*), причём рисунок бровей соединяется сплошной линией над переносицей. Пудрой не пользуются, но иногда румянят щёки. Из запасов, припрятанных в сундуках, извлекается лучшая одежда: шёлковая рубашка, скроенная, кстати говоря, почти по современной европейской моде; кусок материи — патти, который оборачивают вокруг ног; обувью служат мягкие высокие сапожки. Сверху накидывается *паранджа* — род накидки вроде халата, лицо закрывается чёрной сеткой для волос — *чимбетом*. Тем самым лицо женщины скрывается от взоров незнакомцев, а паранджа, которая всегда шьётся из одинаковой ткани одного цвета, скрывает её фигуру с головы до ног. Потому все женщины на улице выглядят одинаково, внешне различаясь лишь ростом и полнотой. Лишь для девочек допускается ношение цветной паранджи и белой вуали вместо чимбета.

Манера одеваться таким образом, очевидно, выработалась на протяжении веков из обычая укрывать на улице голову халатом, как это делают, или делали по крайней мере до революции, татаро-монголки Оренбургской и Казанской губерний. Те не прячут свои лица за вуалью,

а лишь слегка прикрывают уголком халата, делая это скорее из кокетства, нежели по правилам этикета. Но для сартских женщин Хивы, Бухары и русского Туркестана паранджа и чимбет являются обязательными для ношения вне дома, даже нищенки-попрошайки на улицах — и те используют их. Заставить местных женщин раскрываться — не простое дело, как может показаться европейцам, а своего рода насилие над их психологией. Большевикам иногда удавалось вербовать женщин определённой профессии в целях пропаганды «эмансипации женщин» среди местного населения. Таковых особ одевали в униформенный *френч* (кожаную куртку). Для магометанок это страшное оскорбление, и «эмансипированных» обычно находили с перерезанным горлом.

Татаро-монголки в России решали эту проблему по-своему. Те, что пообразованнее, приняли моду европейскую, а из числа тех, что победнее, просто перестали носить халат поверх головы. Киргизки вообще никогда не закрывают лиц, и себя от незнакомцев не прячут, а таджички горных местностей, хотя и скрывают лица от незнакомых, но вуалью не пользуются. Так что вопрос, носить или не носить сартским женщинам паранджу и чимбет лучше бы всего предоставить решать им самим, тем более что ни то, ни другое не мешает им чувствовать себя на улице легко и свободно, как, скажем, женщинам в Европе — носить маску во время карнавала.

Как-то раз утром Тата-джан принесла мне кипятка для чая, скромно присела возле и произнесла:

— Тахир, ты не обидишься, если я кое о чём спрошу у тебя? Что верным считает ваш закон, если у мужа две жены: должно любить их равно и каждой всё давать по очереди?

— Тата-джан, у нас в России мужчина может иметь только одну жену, а двух сразу невозможно.

— Сколь мудр и хорош ваш закон, — произнесла она, глубоко вздохнув. — Я очень несчастна, тахир. Родилась я

в горном ауле Кимсан, где не носили мы паранджи и чимбета. Я вышла замуж, с мужем жила хорошо, и он был мною доволен. Всегда мы были вместе, за обедом и в разговорах. Затем я родила ребёнка, а он решил взять другую жену. Я не возражала, думала — я старшая, и другая будет помогать мне по дому. Он привёл Камар-джан; та уж бывала замужем, и ему не надо было много платить за неё, всего лишь тридцать рублей. А теперь он меня больше не любит.

Её большие глаза наполнились слезами, и она продолжила:

— Теперь я для него как чужая. Но я не виню Камар-джан, она хороший человек и мы с ней дружны, но он-то обязан уделять нам внимание поровну, а любит лишь её одну. Вот уж год как я ему не жена и могу уйти к другому. Здесь есть один богатый армянин, и он предлагает мне выйти за него замуж.

Вскоре явился Юлдаш и принялся жаловаться на свою первую жену.

— Тахир, она ведьма, — говорит, — то бишь сумасшедшая истеричная женщина, ты сам можешь это видеть!

А вечером за ужином Акбар вдруг разоткровенничался о трудностях своей семейной жизни.

— Ты не поверишь, до чего же у нас, сартов, женщины избалованы. В полях ты часто мог видеть таджичек, да и русских женщин тоже, но только не наших. Даже по дому мало что делают, плов приличный приготовить не могут, рис переводят зря. Раньше, когда я был богаче, то имел кирпичный завод, и работали на нём человек двадцать. Жена всё хозяйство вела одна, всё шло гладко, еда вовремя, ещё времени хватало шерсть прясть да хлопок. Теперь у меня две жены, да две у Юлдаша, но все только шлятся по друзьям вокруг весь день, а по дому не делают ничего. Не ткут, не прядут, а только клянчат купить им то да сё. А деньги где возьмёшь? Живём на продаже масла, лошадь вот-вот издохнет. Как жить будем, помрём с голоду. Ка-

мар-джан весь день донимает меня до смерти и даже грозит уйти от Юлдаша, если не куплю ей ткани на платье и бубен в придачу. Тата-джан закатывает сцены Юлдашу и тоже просит ткань на платье. Моя вторая жена — ленивая неряха. Только первая жена приличная хозяйка. Когда был я молод, то хорошим был солдатом и служил Худоярхану, — продолжал Акбар. — Работали мы на железных рудниках, плавили руду. То было в горах, за ущельем Гавасай. Русским то место неизвестно. Когда прогонят большевиков, отправимся вместе с тобой в одно красивое место, где большое чистое озеро зелёной воды, а вокруг высокие горы и хвойный лес. Сколь прекрасна там охота: тигры, медведи, леопарды, кабанов множество и овец диких, горных козлов с огромными рогами. А ещё фазанов изобилие и птиц иных. Будем жить свободно, и никто нас не тронет. Киргизы редко бывают там, только три месяца в году перевалы свободны от снега. Там и минералов всяких множество. Есть руда железная, что с пятисот пудов даёт двадцать фунтов серебра, одиннадцать пудов стали и триста чугуна. Из неё добывали мы также селитру для пороха. Есть ещё руда, что даёт серебро, свинец и цинк, очень хороший цинк. А на другом берегу озера, где берег песчаный и впадает река, намывали мы золото. Иногда до фунта за неделю. В озере форель, вкусна необыкновенно. И *водяные лошади* тоже есть, но те очень пугливы и ныряют, как только завидят человека. Я видел одну такую, убитую, цвет её серо-жёлтый, сама жирная, а шерсти нет. Отправимся с тобой в то диковинное место, тахир!

Озеро, что описал Акбар, действительно существует, но даже немногие из местных знают о нём, а русские не знают вовсе; на картах оно не обозначено. Да и в сущности карты горных районов Туркестана даже приблизительно не соответствуют местности. Руды, такие что содержат железо, серебро и селитру, также встречаются, но вот *водяные лошади*, обитающие в удалённых реках и озёрах, белокожие и без волосяного покрова — это на-

родная выдумка, миф очень древний, восходящий к скифским преданиям. По Геродоту, дикие белые лошади встречались на пастбищах возле истоков реки Гипанис^[19]. Возможно, речь идёт о куланах, *Equus hemionus*, нынче вымерших в этой части Туркестана.

Пока Акбар рассказывал мне о чудесах таинственного озера, ворвалась вдруг в комнату Камар-джан, задула светильник, заперла дверь и полушепотом сказала: «Два очень подозрительных человека стоят возле ворот, одеты как русские». Акбар осторожно вышел на дорогу, но людей уже не было.

А несколькими днями позже произошёл случай, который мог повлечь за собой тяжёлые для меня последствия. Я сидел и читал, как обычно, утром в комнате; дверь была открыта. И вдруг почувствовал, что кто-то на меня глазеет. Поднял взгляд и увидел весьма приятной внешности молодую женщину-сартку. Раньше я её не встречал; она рассматривала меня очень пристально. Стараясь не показать смущения её внезапным появлением, я продолжил, как ни в чём не бывало, своё чтение. Видимо это была одна из подруг жён Юлдаша, которая пришла в гости, воспользовавшись правом входить женщине в дом, если ворота не заперты. Она сразу поняла, что я русский, христианин, и тут же начала засыпать подруг своих вопросами, кто я такой и почему живу здесь. Камар-джан тут же нашлась, как спасти положение. Она протянула свои руки, сплошь покрытые цыпками, и сказала так: «Это я попросила русского врача посмотреть мои руки, они очень болят; доктор пришёл тайно, ведь большевики запретили врачевание».

Как и следовало ожидать, эта женщина разболтала всё о таинственном враче своим подружкам — разумеется, «под большим секретом», — и несколькими днями позже на базаре к Акбар-беку подошёл полицейский, из местных, и сказал:

— Аксакал шлёт меня досмотреть твоё жилище. Говорят, какой-то русский прячется там.

— Ты говоришь вздор, — невозмутимо отвечал Акбар, — в доме лишь четыре женщины и две девчонки. Ты же мусульманин и не можешь войти без спроса.

— Ладно, поверю тебе, ты человек пожилой и почтенный. Дай сто рублей, и я доложу Аксакалу, что нет посторонних в твоём доме.

Конечно, мне пришлось выдать для него сотню рублей.

После столь неприятного случая Акбар советовал мне уж более не показываться в той комнате днём, так что пришлось довольствоваться мне иным помещением на другом краю двора; то был полуподвальчик, где хранили солому — без окон, а дверью служил проём в стене двора, занавешенный шкурой. Внутри было довольно тепло, но свет проникал внутрь лишь через щели дряхлых стен, сквозь которые можно было видеть лишь кое-что снаружи. Чтение было невозможно. Вот в такой полуземлянке провёл я много долгих дней и ночей. Лишь во время обеда и после него мог я находиться в прежней комнате при членах семейства Акбара и слушать их рассказы. А всё остальное время я вынужден был проводить сидя или лёжа в своей берлоге. Потянулись скучные тоскливые дни. Особенно угнетали физическая неподвижность и отсутствие дневного света. Чтобы как-то убить время я воскрешал в памяти мою недавнюю жизнь и работу в Туркестане и предавался философским размышлениям. Меня особенно привлекала теория Эйнштейна, которая, по-моему, замечательно подтверждала априорные заключения русских метафизиков Аксёнова, Успенского и др. касательно природы Времени.

Однажды вечером, когда я уже было отправился в свою нору, Тата-Джан вдруг стала говорить в адрес своего мужа нечто оскорбительное. Тут надо отметить, что все члены семейства равно бегло изъяснялись на двух языках: узбекском диалекте тюркского языка *чагатай*^[20] (общераспространённого в Туркестане) и на таджикском, который является диалектом персидского (фарси). Последний я не знал вовсе, поэтому, когда семейство считало нежела-

тельным доводить до моего сведения, о чём они толкуют, то переходили на таджикский. На сей раз перебранка переросла в крупную ссору, и я поспешил удалиться. Через какое-то время до моего слуха донеслись крики, вопли и плач. Видимо, били несчастную Тата-джан.

На следующее утро заметил я пятна крови на снегу неподалёку от дома, а мальчишка показал мне стальной стержень и пятна на войлочной подстилке в комнате, объяснив при этом, что Акбар-бек задал хорошую взбучку Тата-джан за то, что та, дескать, совершила какую-то глупость. Тут явилась сама пострадавшая с лицом в шрамах и глазами, полными слёз.

— Они били тебя, Тата-джан, — сочувственно произнёс я.

— Увы, тахир, заслужила я наказание, ибо накануне велла себя скверно. О, я ранена вот тут, — вздохнула она и показала синяки на руках и лодыжках.

Как-то Юлдаш приобрел-таки, наконец, для Камар-джан столь вожеленный для неё бубен. С этого времени у нас каждый вечер были концерты. Все женщины пели, а Камар-джан аккомпанировала. У них целое собрание песен, которое они использовали в полной мере. Сарты народ не музыкальный, их пение представляет собой некое дисгармоничное завывание. Всё же некоторые из песен Камар-джан не были лишены мелодичности, правда, весьма примитивного свойства. Всё дело в их манере петь утробными голосами, так что звуки выходят глухими и какими-то «деревянными».

Бубен стал для Камар-джан постоянной игрушкой, она забавлялась им весь день. Однако это обстоятельство вызвало во мне серьёзную тревогу. Дорога, по которой то и дело двигались части Красной армии, автомобили с комиссарами, была всего в нескольких сотнях ярдов от дома, и только лишь один арык отделял нас от неё. Это непрерывное брнчание в бубен день-деньской легко могло привлечь внимание красноармейцев, особенно тех, что

были из числа сартов или татаро-монголов. Когда я пишу эти строки спустя годы со времени тех событий, в ушах моих всё ещё звучит тот непреходящий звон бубна под рёв моторов и грохот грузовиков, да ещё жужжание прялки, за которой неустанно трудилась весь день престарелая первая жена Акбара. Все эти звуки в памяти моей смешались с чувством постоянной тревоги и ожидания, что в любую минуту могут явиться большевики из охраны, а это для меня означало неминуемую гибель. К счастью, однажды ночью злополучный бубен оказался прогрызенным мышами, и наша певица пала духом. Юлдаш было начал утешать её тем, что натянет-де новую кожу на бубен, но тут Акбар твёрдо выступил против, ибо осознал, что настойчивость женщины подвергает всех нас лютой опасности.

Неподалёку от нас обосновалось одно большевистское учреждение. Раньше здесь было имение генерала Р., очень хорошо расположенное, с большим плодоносящим фруктовым садом. Новые хозяева переделали здесь всё согласно своим коммунистическим принципам. Ташкентский Совет снабдил пионеров пролетарской культуры значительной суммой денег, щедро обеспечил вином и водкой. Кроме того, им даны были права распоряжаться, как заблагорассудится, имуществом местных сельских жителей. Ежедневно Акбар сообщал, как они грабят у беззащитных сартов лошадей и крупный рогатый скот. Предводительствовал печально известный ташкентский пьяница и бродяга, ранее преуспевавший в мелком воровстве.

В том году весна была очень запоздалой. Марта 23-го разразилась сильная буря, после которой резко потеплело, а на 26-е заворковали голуби. Юлдаш объявил, что отправляется в холмогорье Кумшань, где расположен кишлак его первой жены, и привезёт оттуда чудесный камень *заххар мурра*, иначе — серпентин (змеевик), который прекрасно излечивает от укусов змей и скорпионов; за него он выручит большие деньги. Он считал себя

большим знатоком по части камней и часто рассказывал мне всяческие истории и байки о своих находках. В частности он описывал одну очень известную пещеру в горах, среди чудесных зарослей грецкого ореха и фи-сташки — место паломничества сартских пилигримов. В пещере той несколько дверей, причём на одной видна надпись на арабском, где свидетельствуется, что установлена дверь тысячу лет назад. Пещеру-де караулит карлик ростом с двенадцатилетнего ребёнка. В ущелье неподалёку есть ещё проход в скале, тщательно замурованный камнем и цементом, возможно, вход в старую шахту. В Туркестане имеется множество шахт, чьи устья замурованы. Вероятно, древние шахтёры скрывали лучшие свои рудники во времена вторжения разрушительных монгольских орд. Как раз такой вход есть в горе Майдан-Тау, но киргизы его отыскивали и открыли, причём на дне небольшой шахты найдена была мощная жила самородного серебра^[21]. Они и сейчас ещё скрытно разрабатывают её, спускаясь в шахту по ночам, а саму жилу маскируют камнями. «Бывал я там, — уверял Юлдаш, — жила хороша, богатая. А в горах неподалёку от Таш-Кана, шахта есть небольшая, где тайком сарты моют золото. Вот где сокровища! Кроме золота находят рубины и сапфиры; некоторые были проданы индусам в Ташкенте по пятьсот рублей за камень. В очень древней арабской книге все эти места описаны; я даже сам видел такую, с рисунками, у одного старика-муллы в горном ауле».

Рассказ Юлдаша был для меня весьма любопытен. Я и раньше знал, что в трудах древних арабских учёных, таких как Ибн Хаукаль, Ибн Хордадбех, Абуль-Фида^[22] и др., дано весьма точное описание горной промышленности Туркестана в IX—X столетиях н.э. — эпоху процветания династии Сасанидов^[23]. К примеру, описаны месторождения ртути, свинца и серебра в Туркестане, угольные шахты Ферганы, где добыча осуществлялась значительно

раньше, нежели в Европе. Тому есть подтверждения: незадолго до мировой войны была предпринята разработка угольных пластов в долине Шурбад^[24], при этом были найдены остатки очень древних угольных шахт. Любопытно, что описывая уголь тех мест Ибн Хордадбех утверждал, будто шлак его используют как отбеливающее средство. Звучит странно, однако верно, ибо шлак тот содержит окись цинка.

Вполне возможно, что та древняя книга, о которой упоминал Юлдаш, в Европе вовсе неизвестна. Сравнительно недавно в Семиречье была найдена книга на уйгурском языке, которая до исследований сэра Ауреля Стейна^[25] в районе Хотана оставалась на протяжении лет единственной в своём роде.

Я сам, посвятивший себя исследованию минеральных богатств Туркестана и занимавшийся этим на протяжении почти четверти века, могу подтвердить верность рассказов Юлдаша. Целые горы отвалов, обширные выработки и горные дороги к ним — всё с ними согласно. Как раз не без помощи тех самых арабских учёных писателей, чьи работы столь удивительны в своей точности, удалось мне установить, между прочим, что найденная мною в горах древняя серебряная копь есть не что иное, как знаменитый рудник Кух-и-Сим («Гора серебра»)^[26]. Именно этот рудник обеспечивал всю Среднюю Азию, Персию и Россию серебром в средневековье. В Эрмитаже Петрограда хранятся монеты с надписями, указывающими на то, что отчеканены были на монетном дворе города Тункент из серебра Кух-и-Сима^[27]. Как раз накануне начала войны мне посчастливилось найти рудник в отдалённом горном районе и пересечь его от края до края. Видны были развалины домов, горы шлака, поросшие травой и кустарником, старые шахты и штольни, обширные выработки в скалах, которые под воздействием времени и подземных толчков почти превратились в некое подобие естественных пещер с кальцитовыми натёками на стенах и сталактитами, сви-

сающими со сводов. Нужен был опытный глаз и тщательное исследование, дабы распознать здесь работу рук человеческих и определить, какие руды добывались и из каких конкретно мест. Любопытно, что наиболее крупные рудные жилы и штольни оказались тщательно маскированными и даже зацементированными. Ясно было, что в данном месте горное дело было поставлено хорошо, жизнь была ключом; здесь некогда был промышленный центр, подобный тем, что существуют теперь в Англии и Бельгии. Железо и сталь отсюда поставлялись в Дамаск, где изготовлялись из них знаменитые клинки. Да, недра Туркестана скрывают ещё множество сокровищ, бесчисленные залежи всяческих руд, как древних, так и современных, из коих некоторые были найдены мною в дни более счастливые, чем нынешние. Сии богатства могли бы сделать страну процветающей, но теперь они, в сущности, утрачены. Подобно тому, как дикие орды монголов опустошили край столетия назад, так точно рушат его и современные грабители, тем ордам подобные. Так что разумная добыча полезных ископаемых откладывается, возможно, на столетие и более. Разница между двумя этапами варварства та, что монголов с их страстью к разрушению сменил народ образованный, в числе коего есть и философы, и учёные, и духовенство, и писатели. Но варвары современные постарались изничтожить именно эти, наилучшие классы, в чём и преуспели. И ещё долго придётся нам ждать, когда вновь расцветёт Туркестан и станет развитой страной, какой была во времена правления династий прошлого.

Во время моих путешествий мне также посчастливилось отыскать руины городища Тункент, столицы древнего княжества Илак. С тех пор прошло уже немало лет, а случилось это вот как. В дикой киргизской степи охотился я на кабана, как вдруг налетел свирепый снежный буран. Путь был потерян, и через несколько часов борьбы с непрекращающимся снегопадом лошадь моя выбилась из сил. Пришлось укрыться на ночь под защитой какой-то

полузаметённой груды камней. Намотав повод лошади на руку, я укутался, как мог и, забившись в закуток, уснул.

Когда рассвело, буря утихла, и небо прояснилось, я выбрался наружу дабы обозреть окрестность и определиться с месторасположением. Но то, что я увидел, привело меня в изумление. Далеко, как только было доступно взору, простирался как бы *план* большого города, изображённый в натуральную величину чёрными штрихами по белому фону. Все детали были ясно отмечены: места, где были здания, оросительные каналы, котлованы, башни, стены домов и стены городские. Снег, движимый ветром, заполнил неровности в почве и обозначил рельеф, ранее взгляду недоступный. Так город, давно разрушенный и забытый, вновь предстал передо мной в виде странного призрачного фотоснимка.

Глава V. Тревоги и гонения

Вскоре погода повернула на тепло. В апреле пышно расцвели персиковые и абрикосовые деревья. Но моему взору дано было довольствоваться лишь кусочками неба голубого да веток деревьев сквозь щели старых стен. Лишь ночью мог я выйти во двор и насладиться весенним ароматом. Весна вкупе с теплом пробудили в душе моей определённое волнение, жизнь стала представляться в лучшем свете, но планов на будущее не имелось. Иногда мы вдвоём с Акбаром размышляли, как бы мне пробиться сквозь горы в Фергану, большая часть территории которой всё ещё оставалась в руках у местных повстанцев, среди предводителей коих были и мои верные друзья. Однако известия, что добывал Акбар на базаре у своих приятелей сартов и киргизов, были отнюдь не обнадеживающими: большевистские патрули шныряли повсюду, а двое из их числа околачивалась совсем неподалёку. Мне следовало ещё запастись терпением.

С гор возвратился Юлдаш, принеся несколько кусочков серпентина и новости о том, что подразделения белых, успешно отражая атаки красных частей и причиняя им большие потери, отступили к Фергане через труднодоступные заснеженные перевалы. Поток автомобилей, грузовиков и красноармейцев по дороге возле нашего дома постепенно редел.

Тут я заметил, что по прибытии Юлдаша жена его, Тата-джан, стала какой-то угнетённой и нервной. Выбрав момент, она шепнула мне, что муж ездил в Куман не за одним только пресловутым камнем *загхар мурра*, а был ещё в одном месте, Катаналих, у одной известной старой колдуньи и приобрёл у неё *мар гуруш* — не что иное, как арсенид, мышьяк. Его обнаружила Тата-джан в кармане одеж-

ды Юлдаша, но взять побоялась. «Он собирается меня отравить», — уверяла она.

— Позволь, но как, если едим мы все из одного котла? — усомнился я.

— Нет, не среди дня, он сделает это ночью.

— Однако как же ночью?

— Вижу я, тахир, ты совсем нас не знаешь: у нас мужья часто травят своих жён и жён других мужей, а родители избавляются от детей нежеланных. Когда умираем, хоронят тихо и сразу, никто тел не осматривает, и никто причин смерти не ищет.

— Но как можно отравить спящего? — не унимался я.

— А просто. Измельчаем мышьяк в пыль и насыпаем в трубочку из тростника, один конец которой закрыт, а другой открыт. Подносим к спящему и всыпаем в ноздри. Он и вдохнёт ядовитую пыль, но об этом не узнает.

— Тогда запирай дверь, когда идёшь ко сну.

— Так и делаю, но всё равно боюсь.

А через пару дней подошёл ко мне Юлдаш и стал жаловаться, что, дескать, Тата-джан намерена отравить его, поскольку обнаружил в её сундучке то же самое роковое средство *мар гуруш*. «Она воистину злой дух — *джин*, ведьма!» — сокрушался супруг.

Тут я уже не знал, что и подумать, кто из них прав, а кто врёт. Но вот что было примечательно: несмотря на всякого рода неурядицы с мужем, обе жены Юлдаша вполне ладили между собой.

Как-то вечером Камар-джан подошла ко мне и принялась, как часто бывало, задавать свои вопросы:

— А почему жена твоя тебя не навещает?

— Камар-джан, ты же понимаешь, что это невозможно.

— Ну, раз не может, то почему бы тебе не взять вторую жену, например, в русском кишлаке, там много хороших.

— Но нам не положено иметь двух жён.

— Тогда я тебе вот что скажу: лучше возьми девушку из сарток. Уж на такой, я думаю, ты жениться можешь. Я знаю молоденькую вдову, очень хороша, она бы за тебя пошла.

— Кончай молоть чушь, дурында, — оборвал её Акбар, который как раз вошёл в комнату. Помолчав немного, она принялась вновь:

— А что это за книгу читаешь ты всё время?

— Это книга о редких камнях и рудах, что находят в земле.

— А покажи картинки.

Тут все, кто был в комнате, подошли ближе и свесились над геологической книгой, дабы посмотреть иллюстрации. Но, увы, как и все сарты и киргизы, они абсолютно были неспособны вникнуть в смысл рисунков, и всё, что было в книге изображено, будь то пейзаж, карта, рисунок животного или чертёж машины — они восприняли как ту самую «руду», о которой я упомянул, и продолжали спрашивать: «А это что за руда?», хотя на рисунке были изображены горы или река, или что-нибудь в этом роде.

Однажды Акбар возвратился домой необычно рано, весь в тревоге и волнении. Говорит, некто из русских, молодой на вид и прилично одетый, только что приставал с расспросами о местопребывании своего, якобы, друга, коему хочет передать известия, помочь деньгами и т. п. Акбар, проявив похвальную бдительность, отрезал незнакомцу, что, дескать, вообще не знает здесь никого из русских.

А несколькими днями позже Акбар вообще не вернулся с базара. Ночь прошла в глубокой тревоге — не иначе арестован! Уже почти заканчивался день, ясный, солнечный. С тоской и смятением в душе смотрел я сквозь щели стен моего узилища на далёкие вершины гор, озарённые лучами заката. Картина сия, будто мираж, вызывала чувства ностальгические, страстное желание вновь очутиться в столь любимых мною горах, где не раз

я охотился. Ах, если бы я смог туда пробиться — к безопасности и свободе!

А пока мне оставалось только, затаившись, прислушиваться к каждому звуку в предчувствии, что вот-вот заявятся красноармейцы или агенты ЧК, они заташат меня в каменное узилище, откуда выхода нет. А мысли о том, что смерть грозит не только мне, но и этим славным, с чистой душою людям, что дали мне приют, приводили меня в отчаяние.

Наконец, уже поздно ночью, появился Акбар. Голосом, дрожащим от волнения, он произнёс: «Тахир, едва не случилось ужасное! Я перепуган весь..., но Аллах всемогущ и по воле Его мы пока спасены!»

А произошло следующее. На базаре Акбар был схвачен двумя красноармейцами и препровождён в русское поселение, в здание Исполкома, т. е. Исполнительного комитета, где в присутствии комиссаров и вооружённой охраны был подвергнут допросу агентами ЧК. Сразу же был предъявлен выбор: или вся правда, где он спрятан (т.е. я, Назаров) или расстрел на месте. Акбар, однако, проявил немалую выдержку и как мог спокойно отвечал, что, дескать, никого из русских никогда не укрывал, не понимает, о ком и о чём вообще идёт речь, сам он уже старик, лет двадцать даже не бывал в городах и по-русски разговаривать не умеет и т. п.

«Не лги! — орали комиссары, приложив к голове Акбара два револьвера, один ко лбу, другой к затылку. — Говори, как есть! Мы ловим этого Назарова не один год, посылали отряды и в Пскем и в Чиназ, и в Чимкент, но теперь знаем, что он здесь поблизости!»

— Ну, уж коли знаете, так ищите сами, где хотите. Можете попытаться даже в моём доме,

— отвечал Акбар с достоинством.

— Понятно, что там его нет, но ты определённо знаешь, где он. Так говори!

— Не слышал и в помине ни о каком Назарове.

Головорезы продолжали допрос, угрожая расстрелом и пытками. Грозили забить насмерть, облить бензином и поджечь, однако ничто не могло сломить волю старого воина. Исчерпав угрозы, комиссары отступили на какое-то время, дав передышку Акбару, а затем сменили тактику. Выложив перед ним на стол кучу бумажных рублей и царских ассигнаций, которые весьма ценились среди местного населения, они предложили сделку:

— Видишь, тут целое состояние, лишь скажи, где Назаров, и получишь его!

— Даже когда бы замучили насмерть, не смог бы сказать то, чего не знаю. Как же могу сделать это за деньги?

Доподлинно известно, что для большевиков есть только два стимула в жизни: страх за свою шкуру и нажива. Других мотивов они не понимают.

В конце концов, Акбар был отпущен. А когда уходил прочь по улице, вдруг подошёл к нему сзади один из главварей учреждения и, взявши Акбара за рукав, шепнул на ухо:

— Браво, Акбар. Ты богатырь!^[28]

Потянулись весенние дни. Прилетели сизоворонки (*Coracias sp.*) — признак того, что настала пора работ с виноградником. С утра до вечера Акбар был занят тем, что подвязывал виноградную лозу к обрешёткам вокруг дома. Его младший сын ловил мелкую рыбёшку в арыке, чистил её и, поджаренную на углях, приносил мне. Я и ему выделял долю от угощения, которая незамедлительно употреблялась с большим удовольствием. Однажды напекли пирожков с какой-то зеленью, обладающей лимонным запахом. Я спросил, что за трава в пироге здесь столь приятна? Они назвали её так — *джульпис*. А позже, когда маленькая девчонка принесла мне пучок такой травы, стало ясно, что это не что иное, как мелисса (*Melissa officinalis*), растущая повсеместно вдоль арыков. Есть ещё одна трава, которая идёт в пищу — это молодые листья обычного щавеля; зелень эта не особо изысканна,

но для моей однообразной и грубой диеты была уместной растительной добавкой.

Акбар однажды принёс домой приличный отрез материи, от чего все женщины превознеслись на седьмое небо от счастья, ведь их одежда была сплошь в лохмотьях и заплатках. Сразу сели резать и кроить, на что много времени не потребовалось, ибо резали просто и просто же сшивали. Через час уже всё семейство было в новом пошиве, и лица женщин и девочек сияли от счастья. Последним, заодно, ещё прокололи ноздри и навесили в отверстия колечки. Одним словом — праздник для всех.

Здесь нужно пояснить, что по магометанскому обычаю уважающим себя сарткам появляться на базаре не подобает. Всё, что им необходимо или желательно, приобретается мужем или братом. И это несмотря на то, что женскому составу семейства Акбара не воспрещается днём ходить повсюду, где заблагорассудится, и даже в течение нескольких дней быть вне дома, когда дело касается разного рода визитов, но категорически нельзя ходить на базар.

Как-то раз вечером Акбар сообщил мне о своём намерении развестись со своей второй женой, с коей прожил он три года, и у которой был маленький сынишка. «Она мне бесполезна,

— пояснил он, — по дому ничего не делает и на редкость ленива».

На следующий день к полудню явился мулла. Сели вкрут, мулла прочёл подобающую молитву, потом поели плова. На том церемония развода и завершилась. Часом позже Юлдаш отвёз разведённую женщину с ребёнком и пожитками в Ташкент, откуда та когда-то и явилась. Всё было так просто, будто уволили служанку.

Тем же вечером детишки принесли мне пригоршню земляных орехов, *джирьянчак*, которые во многих отношениях очень хороши: питательны и считаются полезными при неладах с желудком. Листья у этого растения небольшие, удлинённые дольчатые, но я не видел цветков, по-

этому не мог судить, что же это за растение. А жаль, так как не встречал его раньше и ничего о нём не слышал.

Вскоре произошло следующее. Камар-джан вдруг через своего мужа предъявила Акбару своего рода ультиматум: он-де обязан купить ей отрез печатного ситца для нового платья, халат и новые сапожки с калошами, иначе покинет Юлдаша, уйдёт совсем. Бедный муж, преданно в свою супругу влюблённый, будучи в ужасе от перспективы её утратить, отлично сознавал всю невозможность исполнить требования при текущих обстоятельствах. Она же, разразившись бранью, выбежала прочь из дому, пропадала весь день и вернулась назад лишь поздно вечером. А вернувшись, устроила ещё Акбару скандал с воплями и плачем.

«Женщина рехнулась, тахир, — сокрушался Акбар, — немисливо для меня купить ей то, что хочет. При больших всё безумно дорого, а мы и так едва сводим концы с концами. И если бы я в самом деле купил ей отрез на платье, то должен был бы сделать то же и для других женщин. А что я могу предложить своей бедной первой жене? Она работает вдвое больше, чем все остальные вместе взятые! Женщина чудесная, не просит ничего и не жалуется».

Да, воистину его первая жена была удивительна: умна, трудолюбива, в поведении проста, но исполнена собственного достоинства, что вообще редко бывает в семейных кругах у сартов. Тата-джан предложила самое простое средство: «Выдрать её как следует! — говорит, — Когда я упрямилась, Акбар лупил меня, так сразу делалась послушной». Но, как вскоре выяснилось, средство сие оказалось ненадёжным.

Между тем назрела ещё одна беда: несчастная старая лошадь, от труда которой зависело благополучие всего семейства, всё больше и больше слабела. Я лечил страшную гноящуюся рану не её спине посредством перманганата калия, коим успешно пользовался и при лечении диареи

у детей. Вся семья считала это средство отличным лекарством. И вот как-то ночью всех нас разбудил пронзительный крик Камар-джан. Она впала в истерику, когда увидела, что несчастное старое животное лежит на боку, издавая сиплые хрипящие звуки. Тотчас всё семейство предалось плачу и мольбам. Действительно, то было тяжким горем для всех, ибо погибал, по сути, их друг, который кормил семью и верно служил ей на протяжении многих лет. Утром Акбар содрал с него шкуру, нарезал сухое и сизое на вид, жилистое мясо на полосы и вывесил его для сушки.

— Не намерен ли ты употребить это когда-нибудь в пищу, Акбар? — спросил я.

— Нет, конечно же, нет. Но я намерен его продать, — и заметив мой укоризненный взгляд, добавил: — Всё в порядке, я тщательно вырезал больное и прочёл подобающие молитвы.

В тот день все были подавлены и несчастны; даже маленькие девчонки бросили свои игры. Я выделил Акбару некоторое количество денег, и в ближайший базарный день он приобрёл хорошую молодую лошадь, так что старая была вскоре забыта. Как раз в тот самый момент, когда Акбар покупал лошадь, к нему подступился один из комиссаров ЧК, возвращавшихся в составе группы красноармейцев с гор Чимгана:

— Мы искали в горах след Назарова, но не нашли. А я никогда не сомневался, что тебе, будь ты проклят, известно, где он!

Вскоре Тата-джан заглянула в моё убежище:

— Тахир, Камар-джан затевает недоброе. Грозит пойти и заявить Советам, что Акбар прячет русского в своём доме.

— Но ведь она же знает, что все мы будем за то расстреляны!

— Это, говорит, её не волнует. Тахир, дай ей сто рублей, и пусть затихнет.

Конечно же, я дал. Она сразу же просияла и поклялась молчать. А на следующий день Акбар послал за муллой,

дабы тот урезонил её прекратить свои глупости и остаться с мужем. Я слышал мягкую убедительную речь муллы, которая, в конце концов, достигла определённого компромисса: жена согласна жить в мире с мужем при условии... что ей купят новые сапожки и калоши! После заключения такого «договора» в семье Акбара установились на время мир и спокойствие.

Приближалась Пасха. В начале Страстной Недели поползли слухи, будто в пасхальную ночь, когда Православная Церковь отправляет богослужения, будет назначен комендантский час, а караулы на дорогах будут удвоены. Акбар, сообщив мне об этом, предложил отправиться с ним вместе на пасхальную ночь в Ташкент, дабы я мог встретиться со своей женой. «У тебя отросла борода, ты выглядишь как сарт, и в одежде сарта ночью тебя никто не узнает, а к утру мы вернёмся». Мысль пришлась мне по душе, и я стал размышлять, как привести её в исполнение. Но, увы, всё сорвалось.

Неожиданно пришло ещё одно тревожное известие — особыми отрядами ЧК будет предпринят повальный обыск во всех населённых пунктах вдоль дорог и даже в отдалённых фермах, в каждом доме, сарае, во всех углах и закоулках. Ищут какого-то важного для них человека. Было ясно, что речь идёт обо мне. В среду Акбар вернулся с базара очень рано и сразу же заглянул ко мне в убежище: операция, говорит, начнётся завтра рано поутру; отряды уже прибывают, патруль на мосту усилен.

— Что делать, Акбар, — спрашиваю, — куда скрыться?

— Ума не приложу, Тахир, положение ужасно, надо думать.

— Если все дороги и мост перекрыты, остаётся вплавь через Чирчик и спрятаться на том берегу у киргизов в камышах. Помогла бы твоя лошадь.

— Река разлилась, придётся плыть около мили.

— Лучше утонуть, чем живым попасть в руки убийцам!

— Невелика разница, утонешь или нет, потому как киргизы, хоть и дадут тебе убежище, но живут открыто и болтуны такие, что в миг о тебе все вокруг будут знать, и попадешь ты в большевистские клещи!

— Как же быть?

— Готов обед, Тахир, приходи и покушай, там что-нибудь придумаем.

Признаться, мне было не до обеда. Ели молча. Когда выпили чаю, Акбар предложил вот что: «Оставайся как есть, Тахир, а за ночь Юлдаш и я замуруем тебя в стене, замажем кладку сверху грязью, посыплем пылью и сажей. Стена будет выглядеть как старая, никто и не подумает, что внутри кто-то есть».

Ничего иного не оставалось, как согласиться быть живо погребённым. Мы приволокли бак с водой, кучу глины и камней и принялись за работу. Ограда росла быстро и вскоре отрезала меня от внешнего мира. Осталось узенькое отверстие, но и оно скоро исчезло. В моей норе воцарился мрак, как в могиле. Я слышал лишь, как Акбар и Юлдаш лихорадочно трудятся в полном молчании.

Вскоре я заснул. За ночь просыпался несколько раз, причём ощущал себя так, будто отгорожен могилой стеной от Нового Мира — того самого, что, вероятно, сулит нам учение Карла Маркса... Но я пребывал в абсолютном спокойствии, и в душе моей был мир.

А утром малютка-девочка Акбара неожиданно меня позабавила — она прильнула к стенке и своим детским голосочком осведомилась: «Тахир, а как же ты будешь пить чай?»

Приблизительно около трёх часов пополудни во дворе послышался топот ног, поток богохульств, ругани и проклятий. Розыск, по-видимому, начался. Позже я узнал, что эти бесчеловечные тупицы подвергали допросу детей, пытаясь выяснить, не прячется ли где-нибудь поблизости русский. Но умницы сартские дети, заранее предупреждённые и наученные взрослыми, упорно утверждали, что

ничего не знают. В пятницу вечером Акбар сообщил, что все красноармейцы покинули селение, и опасность миновала. Стенку он разрушил, и я с огромным облегчением выбрался на мир божий из места своего добровольного погребения и мог наконец распрямить свои затёкшие конечности.

В Пасхальную ночь я бодрствовал, более того — вылез на крышу и слушал звон колоколов, провозглашавших Благоую Весть, в храме близрасположенной русской деревни. Жадно вдыхая благоухание цветущих деревьев, я вспоминал счастливые дни, когда справлял праздник Пасхи в семейном кругу моём: Пасха — торжество Весны связано с лучшими воспоминаниями детства. «И ныне, — думалось мне, — близкие молятся *„о путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, и о спасении их“*^[29], вспоминают и обо мне, сущем с ними в разлуке, в семье магомётанской!»

Дни текли дальше в относительном спокойствии. Подступала жара, и всё семейство Акбара ночевало теперь во дворе под навесом, а я перебрался в их комнату, дверь которой держалась под запором.

Весна — лучшая пора в Туркестане разливалась вокруг. Деревья увенчаны бутонами, акация в цвету. Ночи стояли тёплые, исполненные аромата благоухающих деревьев.

Женщины из молодых, и особенно Камар-джан, взялись за необычную работу — принялись копать довольно глубокую яму во дворе и приволокли несколько крупных брёвен.

«Мы готовим тебе нечто приятное», — пояснили они. Над ямой они водрузили котёл, могущий вместить в себя несколько вёдер воды. Туда добавили зерна пшеницы, льняного масла, муки и несколько хорошо отмытых булыжников. Под котлом запалили изрядный огонь и содержимое перемешивали неустанно особыми лопатками. «Это должно кипеть денно и нощно», — пояснили мне. И я всю ночь провёл во дворе; столь приятно было возлежать

на воле близ пылающего очага и следить, как женщины по очереди дежурят у огня. Итогом усилий таковых явилась густая сладкая масса вроде патоки, особо приятная детям, давно не вкушавшим сладкого, ибо сахар к той поре из употребления вышел вовсе. Сарты каждую весну готовят подобное варево.

Часу в десятом утра я был разбужен вдруг дикими воплями, рыданиями и плачем: все женщины стенали, даже маленькие девочки плакали и пронзительно кричали. Решив, что случилось нечто ужасное и непоправимое, я был так испуган и потрясён, что не отважился показаться на вид из своего укрытия. Шум длился полчаса или час, а потом вдруг всё стихло. Тата-джан, зайдя ко мне, объяснила, что-то был *реквием* по ребёнку, умершему год назад. И вот что в связи с этим случаем любопытно. Как позже довелось узнать, сарты, жившие неподалёку от моего загородного дома (под Ташкентом — пер.), в мою честь также исполнили подобный *реквием*, ибо сочли, что я убит. Тогда один старик-предсказатель, после гадания на камушках, разъяснил им, что поминки вовсе бессмысленны, поскольку я не только жив, но и нахожусь в относительно близости, только живу не с русскими, но среди сартов. Однако рыдания женские были так сильны, причитания столь убедительны, что нервы моей супруги, при том поминовении присутствовавшей и знавшей достоверно, что я жив, не выдержали, и с ней произошёл нервный припадок.

Итак, весна настала. Однако, увы, закончилось с её приходом семейное счастье Юлдаша: строптивая Тата-джан снова принялась за свои выходки. Однажды во время скромной нашей дневной трапезы, как всегда состоявшей из овощной похлёбки и лепёшек, женщина вдруг взметнулась и, даже не накинув паранджи и чимбета, кинулась к воротам — опять ей срочно понадобился *кази*^[30] для развода. Вскочил и Юлдаш, запер перед ней ворота, схватил жену за руку и вновь усадил за стол. Та противилась, не стала ничего есть, продолжала злиться и придирааться

ко всем, донельзя всех раздражая. В ответ начали орать и на неё, что окончательно привело женщину в ярость, хлынул поток брани и оскорблений. Воцарился всеобщий гвалт. А Тата-джан вовсе впала в бешенство: набросилась на самую добрую, беззлобную и мирную женщину в семействе — первую жену Акбара и вцепилась ей в волосы. С ликом искажённым, диким взором и разинутым ртом, она, казалось, была готова загрызть несчастную женщину, отступавшую в страхе. Этого Акбар вынести уже не мог; резким движением он опрокинул навзничь сию иступлённую мегеру и ударил ногой. Опасаясь, как бы не вышло худшее, я оттащил Тата-джан в свою комнату. Едва переводя дыхание, она вновь попыталась вырваться, но я преградил ей путь, заставил сесть и успокоиться.

«Не твоё это дело, Тахир!» — вскричала она и всё-таки вырвалась прежде, чем я смог её остановить. Прочие тут же сгрудились вокруг. Она же высказала нечто такое, что ввергло всех в неистовство. Юлдаш, будучи в гневе, подхватил тяжёлый стальной прут и ринулся раздробить ей череп. Смертоубийство казалось неизбежным, когда Камар-джан встала меж ними, я же увлёл орущую женщину в свою комнату, где её и запер. Юлдаш было принялся взламывать дверь своим прутком, но я решительно тому воспрепятствовал. Он отступил тотчас.

Но утихомирить Тата-джан оказалось делом нелёгким. Она упорно стремилась вырваться через окно, но мне удалось прижать её к полу. Кружка холодной воды на голову и немного внутрь несколько привели её в чувство, но прошло ещё немало времени, прежде чем женщина утихомирилась. Зубы её стучали, тело трепетало как в лихорадке, глаза сверкали как у безумной. Только спустя часа два она успокоилась вполне. Позже, убедившись, что Акбар и Юлдаш также остыли, я женщину выпустил. Юлдаш впоследствии уверял, что в припадке гнева Тата-джан намеревалась идти не к *кази*, а к *аксакалу*, дабы сообщить, что в доме скрывается русский.

А вскоре настала очередь Камар-джан явить свою вздорность. Та вновь стала закатывать сцены мужу, грозя разводом, если требования её не будут исполнены. Юлдаш взял сторону своей излюбленной жены, отказался от трапез с отцом, потребовал денег для покупки ей платья. Несчастный старик, впав в отчаяние, жаловался мне, что Юлдаш с женой вознамерились отравить его, что Камар-джан давно уже разболтала всем подружкам своим, кого прячут в доме, и кто подарил ей сто рублей ради сохранения тайны. На следующее утро она вышла из дому, не объяснив, куда и зачем. Юлдаш был в смятении. Вернулась часа через два и заявила решительно: не уступят ей того, что требует — заявит Советским властям, что Акбар укрывает русского.

Вновь предложил я решить вопрос посредством денег.

— Тахир, — печально молвил он, — теперь не купить того, что требует, к тому же, если дать, то назавтра потребует вдвое больше. И уж тогда все прочие женщины захотят того же. Нет, придётся тебе уходить.

Нужды нет говорить, что я и сам знал, что придётся. Но вот вопрос — куда?

Глава VI. О домашнем укладе сартов и киргизов

Европейцам мало что известно о жизни народа в Средней Азии. В тесных кварталах городов и кишлаков мало кому дано наблюдать семейный быт мусульман — он бдительно скрывается от постороннего взгляда. Помимо уже описанного мною периода пребывания в семействе сартов, довелось мне немало узнать о частной жизни народной во время многочисленных моих поездок по Туркестану и степям Киргизским. Так что я рискну прервать на время ход моего повествования очерком того, что именно довелось мне увидеть и узнать в этом плане.

Не только европейцы, но и русские, живущие в городах Туркестана, склонны видеть в женской части населения сартов, киргизов и туркмен, в женщинах Хивы, Бухары и Кашгара не более как рабынь, подчинённых капризам их хозяев, свою жизнь проводящих в гаремах. Полагают, что с женщинами обращаются как со скотиной, что в странах этих рабская торговля женщинами есть дело обычное и даже ссылаются на случаи продажи несовершеннолетних девочек.

Подобные взгляды совершенно неверны. Дабы понять положение женщины на Востоке, здесь я говорю о Туркестане, прежде всего, необходимо полностью освободиться от ряда иллюзий, связанных с европейскими представлениями о браке. В странах Востока сам институт брака совершенно иной, нежели у нас — возникший и развивавшийся под влиянием христианских понятий, по которым брак не есть обычный социальный договор, а таинство, узы, освященные церковью. В языке узбекско-тюркском^[31], диалектах киргизском, кашгарском татаро-мон-

гольском в сходных наречиях нет слова, соответствующего нашему «жениться». Можно лишь выразиться так: *взять (себе) женщину*. Равно нет и точного эквивалента слову «любить»; но есть выражение *якши карамин*, что буквально значит *благосклонно смотрю на...*, т.е., лишь по сути, *люблю*. Глагол *карауга* означает смотреть, наблюдать, держать, контролировать.

Семейный быт оседлого населения — т.е. сартов, с одной стороны, и кочевников, киргизов и туркмен, с другой — в корне различен, соответственно различно и отношение к женской части общества. Рассмотрим сначала сартов.

Сарты берут женщин и отказываются от них с такой же лёгкостью, с какой мы нанимаем и увольняем слуг. Размер выкупа, который должен выплатить жених родителям невесты — т.н. *калым* — напрямую зависит от общественного положения родителей, возраста невесты, её внешности; за девушку выкуп больше, чем за женщину. В последнем случае он может составлять чисто символическую величину — четыре-пять рублей. На женщину смотрят как на прислугу, род предмета, который удобно иметь в доме, не более. Разумеется, чисто человеческие чувства иногда заявляют о себе: почитание, любовь, дети могут укреплять связь, но, вообще говоря, отношение сартов к браку сродни отношению к любой гражданской сделке. Конечно, и торг уместен с благословения духовного лица, муллы, однако это чистая формальность. Любой добропорядочный мусульманин начинает дело с молитвы, будь то забой овцы, валка дерева, начало сбора урожая риса или винограда, покупка лошади или её продажа. В соответствии с таким подходом к браку находится и самоощущение жены касательно мужа: она его служанка. Довольно часто она не отказывает себе в небольших «кражах» домашних вещей или пищи, при их избытке, чтобы затем продать, а выручку припрятать. Развод, как мы видели из предыдущего, дело самое

простейшее. Если сартскую женщину не устраивает муж, если тот обращается с ней плохо, пренебрегает ею, или, скажем, не обеспечивает одеждой, она просто идёт к кази за разводом и делает это запросто. Единственным препятствием может служить чисто материальный вопрос, как она сможет содержать себя после развода.

Развод не является препятствием для любой из сторон к тому, чтобы сочетаться браком вновь и развестись снова, хотя после *седьмого* развода, мужчина уже не может взять в жёны ту же самую женщину. Повторный брак запрещён также в том случае, когда при разводе муж заявит, что изгоняет женщину «навек с глаз долой». Но закон гибок и предоставляет лазейки в обоих случаях. Всё, что нужно для разведённой — это временно выйти замуж за другого мужчину или просто к нему уйти хотя бы на день, дабы муж исходный мог оправдать себя в собственных глазах. После можно начать всё заново, продолжать жениться, разводиться и вновь жениться на жене исходной.

Гаремы, в том смысле слова, который ассоциируется европейцами с гаремами, бытующими в Турции и Египте, в Туркестане были известны при ханах, эмирах и высших придворных. Богатые сарты часто «временно» женились на молодых девушках, а затем оставляли их в самом униженном положении. Но делалось это в строго определённых рамках «приличия» и формальностей, то есть, проще говоря — по благословению муллы и приглашению одного к плову и чаепитию. Ни закон, ни обычаи, ни религия не накладывают каких-либо ограничений на подобного рода краткосрочные браки. Последний эмир Бухары содержал целый штат женщин, чья роль сводилась к поиску невест, в основном двенадцати- и тринадцатилетних девочек. После нескольких дней свадебного блаженства с очередной невестой, сей экзальтированный тип представлял, в строго установленном порядке, возможность пользоваться её обаянием кому-либо из своих придворных.

Таковые манеры и обычаи вряд ли могли способствовать проявлениям нежных и романтических чувствований. Поэзия у сартов, как следовало ожидать, чрезвычайно убога, и среди этого прозаичного, лишённого фантазии народа мало услышишь песен. Он склонен к проявлению грубой чувственности, которая глушит эмоции более возвышенные. А физическая чувственность в свою очередь приводит к чрезвычайной шаткости морали. Прочность и святость брачных уз целиком зависит от степени ревности со стороны мужа, он же вверяет попечение за своей честью сугубо материальным ценностям.

Киргизы же, напротив, — народ поэтический, любит музыку и песни, склонен к фантазии. Хорошо известный русский писатель и поэт В. Крестовский^[32] несколько лет назад опубликовал сборник прелестных стихотворений под названием «Песни Испании»^[33]. Но доподлинно известно, что они переведены не с испанского, а с киргизского: собраны были в Восточной Сибири и переведены для Крестовского учёным киргизом Чолканом Валихановым^[34].

В нашем уголке мира есть один весьма странный обычай. Вышло так, что среди казанских и персидских татаро-монголов всегда наблюдался некий избыток незамужних девиц. Весьма часто в тамошних местах некоторые предприимчивые и весьма почтенные муллы составляли целые партии невест и переправляли их в Туркестан к киргизам и туркменам, где плата за невесту или *калым* чрезвычайно велика. Там нетрудно было выдать их замуж за приличную выплату, часть коей шла родителям невесты, а часть муллам в виде *комиссионных*. Одно время таковая деятельность считалась откровенной работорговлей, и в печати по этому поводу поднимались волны протеста. Но вряд ли речь может идти о работорговле, коль скоро девушке, местными условиями не удовлетворённой, ничего другого не остаётся, как обратиться к мулле за помощью. Замужнюю тот мог развести, дабы могла заново выйти замуж.

Положение сартской женщины, по сути, было во многих отношениях лучше, нежели русской крестьянки, которая вплоть до последнего времени была существом почти бесправным; развод для неё невозможен; перед жестокостью мужа беззащитна; может быть загнана работой, а исхода ей нет. Незадолго до революции тяжесть положения крестьянки стала официально признанной, и облегчение ей было даровано: она могла покинуть мужа, жить отдельно и получить свой паспорт.

Среди степных киргизов распространена одна примечательная игра, которую так и не удалось искоренить самыми решительными противодействиями со стороны мусульманского духовенства. Выглядит она так. Молодёжь сообщества садится на лошадей; самая быстрая лошадь предоставляется наиболее красивой девушке, с крепким хлыстом в придачу. Все кидаются в бешеный галоп. Задача молодца — поймать и поцеловать девушку, а та старается от погони уйти и, более того, защититься кнутом, который достаточно тяжёл, чтобы сломать преследователю руку или проломить ему голову. Стоит ли говорить, что победа достаётся отнюдь не обязательно мужчине с самым отважным сердцем и с самой быстрой лошадью.

У кочевников Туркестана, киргизов и туркмен, положение женщины совсем иное. Со стародавних времён оно осталось неизменным на протяжении столетий, и даже исланизм на него не повлиял. *Калым* за невесту велик и достигает сотен, порой тысяч рублей, причём иногда платится в рассрочку на протяжении многих лет, как это было в ветхозаветные времена. Как правило, обручение совершается ещё в ту пору, когда будущие жених и невеста пребывают в люльках, но платёж уже согласовывается, т.е. *калым* вступает в силу. Вопрос о согласии обручаемых, разумеется, не возникает.

Киргизская девушка довольствуется полной свободой вплоть до замужества. Ограничений нет, она может любить, кого хочет, иметь столько романов, сколько пожела-

ет. Её поведение не подлежит оценке мнением аула или иного сообщества, и считается неприличным таковое обсуждать, равно и разглашать девичьи секреты. Будущий жених не заявляет прав на интимную близость с невестой; его черёд подойдёт в своё время; многочисленность любовников у девушки говорит об её привлекательности — что пользы от той, которую никто не желает? Даже наличие ребёнка у невесты не умаляет её ценности, ибо ценятся и дети, и каждый здравомыслящий мужчина их желает. Единственным предметом может стать вопрос, какому семейству будет принадлежать отпрыск — матери или жениха.

Когда киргизская девушка выходит замуж, она делается собственностью не только своего мужа, но и его семейства, покинуть которое не имеет права. Родовые порядки в Киргизии соблюдаются очень строго. После смерти мужа вдова не свободна, ибо её положение подпадает под действие закона о наследовании, т.е. она переходит в собственность брата или иного мужчины — родственника мужа, иными словами, становится собственностью его законного наследника. Возраст последнего в расчёт не берётся. Однажды, будучи в Тургайской Степи, я был приглашён на одну очень тщательно обставленную свадьбу. Двадцатидвухлетняя девица, дочь моего киргизского друга, выходила замуж за девятилетнего мальчика, коего «унаследовала» после смерти изначально уготованного жениха, его старшего брата. Калым был полностью выплачен, а родственники не желали его возвращения. Несчастливая девушка горько плакала, ибо не желала иметь мужем малолетнего ребёнка. Он же, празднично одетый, продолжал беззаботно играть, нисколько не осознавая всей важности предстоящего события.

Киргизы, прирождённые скотоводы, уделяют особое внимание вопросу родovitости не только животных, но и мужчин. Один мой друг киргиз, бывало, жаловался на глупость своего младшего сына и неподдельно изум-

лялся, откуда он мог её, т.е. глупость унаследовать. «Его мать очень хорошей породы», — говорил он, забывая, что сам мог передать сыну свои качества. Знал я и ещё одного киргиза, бездетного. Частенько тот, в паре с равно бездетной женой своей, навещал моего товарища, русского, имевшего прелестных двух мальчишек и девочку. Женщина души в них не чаяла, так они покорили её сердце. В конце концов, киргиз пригласил того русского на несколько дней в свой аул. «Я удалюсь на время в аул другой. Жена моя непременно хочет иметь столь же милых детей, подобных твоим».

Несмотря на своё подчинённое по отношению к мужу положение, киргизская женщина играет очень важную роль в семейной жизни, особенно если она является женой старшей. Без её согласия или совета, обычно даваемого скрытно, никакие решения не принимаются. Она пользуется уважением не только семьи мужа, но и всего рода, и даже округи. Яркий пример того, сколь влиятельна и властна может быть женщина в среде народа своего, даёт Курманжан Датка, «Царица Алая»^[35], сравнительно недавно скончавшаяся. В семидесятых годах минувшего столетия она была главой кипчаков или горных киргизов Алая и Памира. Под её правлением эти горные кочевники оказали яростное сопротивление войскам генерала Скобелева^[36], известного завоевателя Ферганы. Только благодаря превосходству армии и тем методам, которыми пользовался, русский генерал одержал победу. Позже её сыновья занимали официальные должности при правительстве в качестве глав *волостей*. В начале текущего столетия Курманжан Датка получила в качестве подарка от царя Николая II роскошное бриллиантовое ожерелье стоимостью в десятки тысяч рублей.

Другая «Датка», туркменка, которая, я полагаю, ещё жива, была предводительницей туркмен в Закаспии. Не занимала никаких официальных должностей, никем не была избираема, однако пользовалась необыкновен-

ным влиянием. Благодаря ей, туркмены оказывали длительное сопротивление большевикам и противились влиянию коммунистических идей.

В истории тюркских народов такие женщины с ярко выраженной индивидуальностью играли очень значительную роль. Нет ни малейших оснований ставить под сомнение правдивость повествования Геродота о царице массагетов Томирис, победившей завоевателя Азии, самого персидского царя Кира^[37]. Учёные склонны рассматривать оное как миф, но всё, что мы знаем о кочевых народах Азии, нимало не противоречит рассказу историка. Несомненно и то, что скифское племя массагетов, по мнению профессора Мищенко^[38], есть ни много ни мало прародитель киргизов, населяющих теперешнюю Тургайскую провинцию, где сохранились такие названия как река Массататка и гора Муссагат.

Если бы не наше явное военное превосходство, кто знает, не разделил бы генерал Скобелев судьбу царя Кира? Имя Томирис, как и другие скифские имена, имеет тюркское происхождение и означает «ломать, гнуть железо», от слова «темир», железо. Это перекликается с именем знаменитого Тимура или Тамерлана^[39], военачальника и завоевателя, прямого потомка соотечественницы Томирис. Если внимательно читать повествование Геродота об *амазонках*, их происхождении, приходишь к неминуемому заключению, что эти самые амазонки были не кем иными, как жёнами тех же самых тюркских кочевников, что совершали набеги на весьма отдалённые территории. Даже первый слог в названии их (*ама* — пер.) передаёт идею о женском начале. И точно так же, замечательные описания историка обычаев скифских племён, их обрядов не оставляют сомнений в том, что речь идёт о предках народа, именуемого нынче киргизами, издревле обитавших в степях Южной России и Западной Сибири.

Из приведённого мной наброска о том, каково устоявшееся на протяжении тысяч лет положение женщины сре-

ди народов Туркестана, можно заключить, что многоженство столь глубоко укоренено в обычаях народов, в самой природе семьи, что женщина полностью утратила чувство ревности, но, с другой стороны, чувство зависти в ней развито очень сильно. Она полагает естественным, что супруг должен делить свою любовь с несколькими жёнами, но вот то, что одна из них может иметь более изящный платок или более красивое платье, для неё уже невыносимо.

Существенно, что Советское законодательство, касательно института брака, а равно и в других отношениях, имеет множество несуразностей. Своими декретами о браке и разводе коммунисты возвестили «похоронный звон» семейной жизни своих христианских подданных, однако не отважились затронуть права многоженства для мусульман. И без сомнения, отказываясь от всех религий, они, по сути, разделили граждан на две категории из чисто религиозных соображений. Христиане имеют право менять своих жён столь часто, сколь пожелают, при условии, что одновременно не должны иметь более одной, в то время как для магометан на этот счёт ограничений нет.

По логике вещей, адептам марксизма следовало бы устранить данные несуразности и уравнивать в правах обе группы, в особенности потому, что обе различны не только в религиозном и нравственном отношении к институту брака, но и в своих эстетических предпочтениях.

После такового отступления о домашнем укладе народа, средь коего провёл я столь много лет своей жизни, вновь возвращаюсь к истории моих скитаний.

Глава VII. Убежище у киргизов

Стало очевидным, что мне следовало как можно скорее покинуть дом Акбара. Обсудив с ним создавшееся положение, я решил возвратиться к моему киргизскому другу Якши-бею, дабы получить от него совет и отыскать себе какое-нибудь новое убежище. Конечно, действовать надо было ночью, но и темнота сулила опасность, ведь предстояло пересечь реку по мосту, круглые сутки охраняемому большевистскими стражниками; те останавливали и допрашивали всякого проходящего. Конечно, если пойду поздно ночью, возможно, охранники будут спать. Однако, с другой стороны, если нет, то, безусловно, меня задержат, ведь местные жители в поздний час не разъезжают. Отправься я несколько раньше, когда движение по дороге ещё значительно, и охрана бдительна, то опять-таки привлеку к себе внимание. После некоторых колебаний я выбрал промежуточный вариант. Приблизительно в десять вечера я оседлал лошадь Акбара, посадив позади себя его младшего сына. Он должен был вернуть лошадь обратно. Вид наш был вполне естественен, ибо местные часто ездят верхом по двое, а русские так не поступают. Я же намеревался проскочить именно под видом местного жителя. Вешу я прилично, около 90 кг, так что несчастная лошадь начала спотыкаться, когда мальчишка добавил свои 30—40 кг; ему срочно пришлось спешиться. Одет я был в куртку типа «сафари», обут в высокие ботинки, поверх облачился в сартский халат и шапку из меха. Издали вполне мог сойти за аборигена, но вблизи любой мог распознать во мне русского. Полная же маскировка под сарта мне бы всё равно не удалась да

и представляла бы опасность, поскольку изобличила бы попытку скрыть мою национальную принадлежность. А простой халат не должен был вызвать особых подозрений, так как даже русские пользовались им в качестве верхней одежды, из чисто экономических соображений.

Когда мы приближались к мосту, мальчишка плёлся позади меня в тени деревьев и наблюдал, что будет. И правильно делал, что сторонился, не рисковал попасть вместе со мной в опасное положение.

Красные охранники, изнурённые дневным бдением, расслаблялись за игрой в карты. Они даже не обратили внимания на одинокого всадника, неспешно двигавшегося по мосту и пристально смотрящего в степную даль противоположного берега.

Возле самой фермы Якши-бея, в тени деревьев, я остановился и выслал мальчишку вперёд, дабы тот разведал обстановку. Ждать его пришлось довольно долго. Наконец парень вернулся, но был чем-то крайне напуган. Оказалось, что Якши-бей слёг от болезни, а во дворе расположился кавалерийский отряд красноармейцев, занимавшихся добычей фуража. Оставаться здесь было крайне опасно, и нам пришлось ещё дальше продвинуться в степь, где была расположена ферма другого богатого киргиза, друга Акбара.

Тем временем настала ночь, необычайно жаркая и душная; вскоре непрерывное сверканье молний возвестило приближение жестокой бури. К счастью, киргиз встретил меня самым дружественным образом. Я, представившись землемером, работавшим в степи и застигнутым грозой, попросил у него пристанища на ночь. Мне устроили ложе под навесом, открытым в степь, где гроза набирала свою силу. Горизонт непрерывно озарялся вспышками молний, гром сотрясал небо.

Бури в Туркестане весной не редкость, но обычно они бывают непродолжительными. Впрочем, мне было отнюдь не до погоды, рассудок был занят другими насущными за-

ботами: как теперь быть, куда податься? Ведь положение моё было самым незавидным: местность открытая, красная охранка и комиссары повсюду, денег почти не осталось, средств передвижения нет. Весь мой житейский багаж, столь незначительный, но необходимый, помещался в паре *курджумов*, т.е. седельных вьюков, но они остались в доме Акбара. Под шум не прекращающейся бури, терзаемый внутренним беспокойством, я почти не спал в ту ночь.

Первое, что услышал я ранним утром, был голос какого-то неизвестного, вопрошавшего хозяина, что за гость пребывает в его доме. «Это землемер, работал здесь в степи поблизости»,

— таков был ответ. Затем последовала тишина. Потом кто-то громко стал читать Коран, и я обратил внимание, что арабские слова произносятся со странным акцентом. Чтец явно не был из местных жителей. Это длилось долго и, как я понял, было молитвой о выздоровлении больного.

Я прикинулся спящим и ждал, когда мулла закончит своё дело и удалится. И только когда воцарилась полная тишина, отважился встать, дабы оценить обстановку. Поблизости ни души. Вдаль простиралась холмистая долина, поля клевера и зерновых, местные фермы, разбросанные тут и там, обрамлённые пирамидальными тополями.

Усадьба хозяина являла собой двор с несколькими невзрачными жилищами и широким навесом на отшибе, открытым настежь во все стороны света. Киргизы привычны к степному простору и даже когда приспособились к оседлости, остались привержены старым обычаям кочевников и потому ставят свои жилища на местах открытых.

Хозяин угостил меня лепёшкой и молоком, стал расспрашивать, где жил я и работал раньше и тому подобное. Я объяснил, что и раньше занимался здесь землемерными работами.

«А, ну как же! Помню, помню. Я же готовил для тебя самовар!»

Вот тут-то вспомнил его и я. Лет пять назад он и ещё трое арендовали у меня земельные участки для выращивания хлопка. Это было весьма кстати, что отросшая борода сильно изменила мою внешность. Но, несмотря на это, вряд ли я мог надеяться, что останусь неузнанным: киргизы обладают удивительной памятью на лица и часто способны распознать человека, которого видели хотя бы однажды много лет назад.

День был чудесный, яркий, солнечный. Всё вокруг зеленело; даже крыши домов покрылись травой, испещрённой алыми цветками мака. После моего долгого заточения, каким наслаждением было вновь ощутить свободу движения, растянуться на траве возле арыка, вдохнуть аромат чистейшего воздуха, словом, упиваться полным блаженством бытия на лоне цветущей природы. Однако радостные ощущения мои исподволь омрачены были неизбывным чувством тревоги, ощущением крайней опасности положения, неопределённостью самого ближайшего моего будущего.

Около полудня, когда сидя на берегу арыка, размышлял я над разными вариантами действий — как, куда и какими путями идти — подошёл вдруг ко мне смуглый мужчина с орлиным носом, одетый как сарт, но с феской на голове. «Я мулла, — представился он, — читаю молитвы о выздоровлении маленького сына хозяина дома сего; он болен давно, но теперь ему значительно лучше. Я не сарт, я араб. Был взят в плен, вместе со многими другими, генералом Юденичем^[40] во время захвата Эрзурума. Меня выслали в Сибирь, там очень холодно, но мне удалось бежать в Туркестан через киргизскую степь. Большевики меня поймали и отправили на фронт воевать с генералом Дутовым, но я бежал и оттуда. И вот, как видишь, скитаюсь среди сартов и киргизов. Меня чтят за учёность и спиритические способности, принимают охотно и платят за молитвы. Вижу, и тебе худо, как всем людям образованным и порядочным. Уйдём в горы

вдвоём; вдали от опасности, среди киргизов, найдём и пищу и кров».

— Нет, сожалею, — был мой ответ, — есть дела, которые держат меня.

— Но жить среди таких разбойников, что хуже собак! — настаивал он. — Послушай, уйдём в горы!

Не мог я принять его предложения, хоть и было оно привлекательно. Ибо нельзя было терять связь с друзьями в городе, с коими связан я тесными узами, и от которых, несмотря на опасность и трудности, получал я иногда сведения о текущей обстановке. Не мог и отказаться от необходимого багажа, оставленного у Акбара. Помимо того, жизнь скитальческая вовсе не отвечала моим планам. Ведь главной целью, как бы ни выглядела она несбыточной, было проникнуть через китайский Туркестан в Кашгар, где ещё сохранилось старорежимное русское консульство, и присутствовал генеральный консул Великобритании. Имелись и связи, пусть отдалённые, но всё-таки связи с цивилизованным миром.

Ближе к вечеру хозяин дома уведомил нас, что вынужден отправиться в горы к своим стадам, и в доме никого не останется, кроме женского сословия. То был вежливый намёк на то, что оставаться здесь ещё на одну ночь нам не подобает. Разумеется, он догадывался, что никакой я не землемер, а просто скрываюсь от органов Советской власти.

Итак, мне вместе с моим новым попутчиком предстояло искать иное место для ночлега. Сначала мы зашли в дом одного некогда весьма богатого киргиза, однако, ныне дочиста обобранного большевиками. Комиссары угнали весь его домашний скот, изъяли все запасы зерна и фуража. Потому просьбу нашу о временном приюте он с прискорбием отверг:

«Большевики меня ограбили и если выяснят, что укрываю двух белых, то и жизнь заберут мою, да и всего семейства в придачу».

Неподалёку жил ещё один киргиз, мой знакомый. Но только мы приблизились к двери его жилища, как навстречу нам вышел один из родственников его и, сразу же узнав меня, в крайнем смятении воскликнул: «Ради Аллаха, *тахир*, как не боишься ты столь открыто бродить тут, когда большевики все поголовно охотятся за тобой? У нас тебе быть нельзя, комиссары и красноармейцы из русско-го посёлка то и дело объявляются тут».

Пришлось двигаться дальше. И тут мой попутчик араб философски заметил: «Если не можем найти кров у богатых, попытаемся у бедных». Так что на этот раз мы обратили шаги к его знакомому, бедному киргизу, жившему возле самой дороги.

«С радостью дам вам приют, — ответил он, — хоть дом мой на самой обочине, и комиссары шныряют то и дело, но беден я настолько, что меня не замечают».

Он угостил нас лепёшкой и яйцами... и даже сыграл нам что-то на комузе (кирг. балалайка — пер.). Всё его жилище представляло собой тёмную избёнку с навесом вдоль неё. Спал я беспробудно всю ночь, но утром случилась неприятность, от которой спасся благодаря чистой случайности.

Я стоял и беззаботно обозревал окрестности, когда неожиданно заметил, что поперёк поля бежит ко мне хозяин дома и неистово размахивает руками. Я как-то сразу же инстинктивно бросил взгляд на дорогу и обомлел от ужаса: по ней быстрым аллюром шла одвуконь рессорная подвода с двумя большевистскими комиссарами, с ног до головы облачёнными в свою характерную униформу из чёрной кожи. Ещё десяток верховых красноармейцев следовали изящной рысью. Молниеносно я отпрянул за опору навеса, и вся кавалькада пронеслась мимо, меня не заметив. Втиснувшись украдкой в избу, застал хозяина, перепуганного до смерти: «Комиссары ЧК! Соседи дали знать, я спешил предупредить, но опоздал. Сиди тут и жди, а я хорошенько осмотрюсь. Пока не вернусь, не высывайся, это очень опасно!» Положение было отчаянное, казалось, укрыться негде.

Однако я знал, что где-то здесь поблизости должен был обитать знакомый мне сарт, имя его Девлет, весьма находчивый парень. Он-то наверняка бы нашёл для меня убежище, но я не знал в точности, где его дом. Единственным способом его отыскать было пойти на базар и расспросить посетителей чайханы.

Вернулся хозяин и принёс известие, что комиссары удалились и не собираются возвращаться прежней дорогой. Явилась возможность самому, на свой страх и риск, отправиться на поиски Девлета. Вручив хозяину немного денег, принять которые тот упорно отказывался, невзирая на свою бедность, и попрощавшись, я отправился по направлению к кишлаку. Мой араб следовал за мной вплоть до окраины, дружески пожал мне руку и провожал взглядом, пока я не скрылся за поворотом.

Отыскав самую большую чайхану в кишлаке, я вошёл внутрь уверенным шагом, и тут прямо навстречу мне неожиданно выступил молодой на вид сарт. «Вот я и влип, — пронеслось в голове. — Агент ЧК, сейчас начнёт допрос и вызовет охрану». Он же встал прямо передо мной и спросил прямо:

— Зачем пришёл сюда?

— Работаю тут, делаю съёмку окрестностей, — ответил я, стараясь выглядеть как можно более невозмутимым, — разыскиваю сарта по имени Девлет.

— А, подрядчик! Полагаю, нуждаешься в продовольствии для своих, — он говорил нарочито громко, так что все присутствующие могли слышать, и тише добавил: — Сиди вот в этой задней комнате и жди, а я пошлю за Девлетом. Нынче базарный день, и он наверняка на базаре.

Он увлёк меня в укромный закуток в глубине навеса; там было безлюдно.

— Представить не можешь, как рад я видеть тебя целым и невредимым, *тахир*, — совершенно неожиданно для меня воскликнул он.

— Но кто ты? — опешил я.

— Не можешь знать меня, — последовал ответ, — но я знаю тебя хорошо. Я ведь племянник Саид Акрама, который тебе известен.

Новый неожиданный друг мой настойчиво предложил мне лепёшек и чаю, и всячески старался выказать своё благорасположение.

Чуть позже явился Девлет и в обычной своей деловой манере спросил, не нуждаюсь ли я в деньгах.

— Деньги не помешали бы, но более всего я нуждаюсь в месте, где бы спрятаться.

— Устроим, не волнуйся! Хозяин этой чайханы отличный парень, он тебя спрячет, а завтра я разыщу место, где ты будешь в безопасности.

Я провёл в этой маленькой комнате весь остаток дня до самого вечера, и мой юный товарищ не пожелал меня оставить. Иногда один-два сарта заходили сюда, и пару раз — несколько русских крестьян, но мы продолжали спокойно сидеть в углу, и никто не обратил на нас внимания. После ужина из великолепного плова хозяин чайханы вывел меня во внутренний двор, открыл сарай, в котором хранился высушенный клевер, и напутствовал меня, что здесь я, дескать, могу спать без тревожений. На всякий случай он запер дверь снаружи, а ключ припрятал в кармане.

Я улёгся на вязанках люцерны и уснул сном праведника. А утром был разбужен радостным щебетом ласточки. Крохотная птичка, сидя на двери, не достигавшей кровли, бодро изливала свою не особо мелодичную, но столь приятную для меня короткую песенку. У птицы было гнёздышко под крышей, и в течение того скучного дня, что пришлось мне провести взаперти в довольно жарком сарайчике, она то и дело усаживалась в пролёте двери и радовала меня своим щебетом. Я не мог избавиться от чувства, будто всё это мне в помощь, дабы одолеть мне свои невзгоды, будто бы вещунья говорила:

«Не отчаивайся! Ты справишься!» Сколь успокоительна была для меня её беззаботная песенка в этот один из самых тягостных и безнадежных дней жизни моей, когда ютился я запертый в тесном сарайчике, без надежд, без упований на будущее, представлявшимся мне чем-то вроде пустого листа бумаги...

А тут явилось ещё одно создание, но то была коварная безжалостная тварь. Бесшумно, проворно, с удивительной ловкостью ласка (горностай — пер.) карабкалась по отвесной стенке, петляя подобно змее вдоль щелей, пытаясь добраться до птичьего гнезда. Но родители так искусно построили свой крошечный домик, что он был недоступен даже для такого мелкого и шустрого пирата. Опробовав все возможные пути к гнезду и потерпев неудачу, ласка спустилась и исчезла.

Уже поздно ночью, когда все разошлись по домам, явились владелец чайханы, Девлет и племянник Саид Акрама. Настал момент препроводить меня в новое, найденное ими место укрытия. Довольно долго мы двигались пешком, пока не достигли тёмной улицы, обсаженной тополями; подошли к воротам, которые тут же были отперты сартом, заранее нас ожидавшим. Тьма стояла кромешная, я следовал за ним чутьём; подошли, видимо, к какой-то веранде, где и был оставлен с напутствием: «Вот, пожалуйста. Ложись здесь и спи, а я запру ворота и пойду на мельницу». Больше ничего не оставалось, и я, нащупав на полу циновку, улёгся.

Снилась мне славная победа Белых, разгром большевиков, триумфальный марш победоносной армии при полном параде; я мог слышать крики восторга под звуки оркестра, игравшего заключительную сцену оперы Глинки «Жизнь за Царя». А когда очнулся, то звуки музыки и звон колоколов, как ни странно, ещё продолжались. Оглядевшись, я наконец понял: то было огромное колесо мельницы, что, вращаясь, визжало и скрипело — вот это и было триумфальным маршем, что слышал я во сне!

Мельница разместилась в весьма укромном месте: с трёх сторон арыки, а открытой четвёртой стороной была тенистая улочка с тополями. Дальше виднелись огромные ивы, массивные вязы и заросли белой акации. К мельнице прилегал небольшой двор с домиком и навесом, в коем я и был помещён. В самое мельницу попасть со двора можно было через проход, столь малый, что протиснуться через него взрослому можно лишь с трудом; закрывался проход особым ставнем. Ещё один дверной проём, чрез который тоже надо было протискиваться, вёл со двора к берегу большого арыка. В тёмное время суток я имел возможность пользоваться данным проходом, дабы побродить вдоль арыка или по окрестным полям.

Сравнительно с моею предыдущей берлогою, место было отменным, теперь я мог разгуливать по двору хоть днём, наслаждаться солнцем и чистым воздухом, купаться в арыке, наблюдать за птицами, что обитали в древесных кронах, и даже свободно заниматься чтением. На одном из огромных вязов я обнаружил гнездо иволги, а несколько маленьких красных дубоносов (*Carpodacus rubicilla*) оживляли заросли ивы. Наши туркестанские голуби (*Peristera cambayensis*) и белые трясогузки залетали в дворик. Наконец-то я мог вновь ощутить жизнь, дышать отнюдь не свободно, радоваться свету и природе, меня окружавшей.

Довольно скоро объявился Девлет; он доставил мой багаж, пасхальный пирог с несколькими пасхальными яйцами из Ташкента (лучше поздно, чем никогда!), а также несколько газет и писем. Пресса большевистская была исполнена новостями тревожными: армия адмирала Колчака подступала к Уралу. В письмах от друзей сообщалось, что казаки Дутова стоят под Казалинском. Комиссары Советов в Туркестане топят свой страх в пьянстве. Обстоятельства выглядели так, будто мои упования могли стать явью. Всё в целом ободряло меня, вновь внушало надежду и укрепляло силу духа.

Иногда по вечерам на мельницу заходил чайханщик, заглядывал ко мне и доставлял последние новости и всяческие слухи от сартов и киргизов; он сообщил в частности о партизанских боевых действиях против большевиков в Фергане и о восстании киргизов в долине Чаткала. И вдруг однажды объявил, что некто Б. жаждет встречи со мною. Я не мог бы сказать с уверенностью, что знал этого человека достаточно хорошо, но он, судя по своей репутации, мог заслуживать доверия. Явился тот через сутки ночью, проникнув во двор сквозь проход мельницы. Впервые я встретил русского с тех пор, как покинул Ташкент. Сообщив обо всех последних событиях, он выказал полную готовность предоставить мне всяческую посильную помощь: «Сам я не воевал с большевиками, но считаю своим долгом содействовать тем, кто поставил на кон свои жизни в борьбе с ними».

Обсудив положение в деталях, мы пришли к такому плану: меня доставят в некоторое уединённое место, расположенное возле одного из притоков Чаткала, где укроюсь вплоть до наступления зимы. Добудут от советских властей нужные документы, удостоверяющие личность, на поддельное имя, так что будет возможность пройти через большевистские посты и караулы.

Коммунисты воистину доняли всех вокруг своими красными повязками, бесчисленными пропусками, удостоверениями, паспортами и мандатами, так что никому не позволялось покинуть город, отправиться в кишлак или просто выйти на дорогу без документа. Всё же большевистские блюстители порядка оказались столь глупы, необразованны и продажны, что устроить подложные документы не представляло трудностей. Красочный пример такого служаки — начальник полиции Ташкента, по-ихнему — начальник *Охраны*, или *Ангел-хранитель города*, как называл он сам себя, — латыш Цируль^[41]. Прежде был он пекарем, с трудом мог читать и писать, был ранее приговорён к двенадцатилетним каторжным работам за разбой

с насилием и убийством, освобожден Керенским. Оный Цируль без колебаний, прямо в своем кабинете, расправлялся с жертвами собственноручно, даже с товарищами-коммунистами, если считал их устранение полезным. И как раз у этого-то «джентльмена удачи» приятель хлопотал мне «мандат», разумеется, на чужое имя. В самом документе, выданном ЧК, значилось даже, что я лично уведомлён в получении оного.

Три недели отсиживался я на мельнице, а когда всё необходимое было готово, явился Б. с парой осёдланных лошадей. Покидал я место втайне от всех здешних, незаметно выйдя чрез узкий проход, а дальше верхом прямо через арык. Позже слышал, будто мельник, явившись утром с завтраком, опешил, меня не обнаружив: дверь-то была заперта, а ключ у него в кармане! Испугавшись не на шутку, он кинулся искать Девлета. Однако тот его утешил: нет, не большевиками гость похищен, но исчез по-тихому, следов не оставляя — так было нужно.

Да, так было необходимо. Я жил в краю здешнем уж слишком долго, и самое время было упрятать себя столь полно, что даже благожелатели не могли бы сказать, где я есть. Вот потому и скрывал свой путь, просто исчез. К тому времени большевики оставили попытки отыскать меня именно здесь, пребывали в замешательстве. Один друг мой устроил так, что от своих же собственных агентов поступили к ним сведения, будто скрываюсь я в Бухаре.

На следующее утро я оказался во главе каравана из семи верблюдов, нагруженных пчелиными ульями. Одет я был как заправский «*товарищ*»: потёртая солдатская шинель, грязная рубаха, на голове шапка из чёрной кожи — мерзостного вида головной убор, к которому большевики столь пристрастны. В кармане моём имелся советский паспорт на имя Николая Ивановича Новикова и целая пачка всякого рода допусков, сертификатов и мандатов, дающих мне право двигаться в горы в качестве попечителя каравана с пчелиными ульями. Теперь я

был мирным и законопослушным гражданином Советской Автономной Республики Туркестан. Всюду, где надо, я мог представить законные бумаги с печатями «серп и молот». Так начиналась моя новая жизнь.

Глава VIII. Один на один с природой

Одно обстоятельство вызывало у меня беспокойство. Друзья, стараясь возможно более искусно изменить мою внешность, учитывали, что мне не так-то просто будет скрыть своё «непролетарское происхождение». Ведь несмотря на бороду, которую я свободно отпускал всё последнее время, лицо моё не выражало ровно ничего «пролетарского». Кроме того, как понял я ещё во время допросов, пролетарии, в силу бескультурности своей, раздражаются и ялятся при виде людей образованных. Позже во время странствований моих в Семиречье я так и не наловчился скрывать свою классовую принадлежность. И большевики, и крестьяне русские, и киргизы — все могли распознать, что я не пролетарий, и вели себя соответственно — враждебно или дружелюбно-уважительно, по обстоятельствам.

Итак, я отправлялся в горы, погрузившись в лоно раздумий и созерцательности.

Однако в первом же населённом пункте на базарной площади караван пришлось остановить, так как у животных ослабли подпруги; верблюдов надо было временно разгрузить. Всё это пришлось проделывать, к моему вящему беспокойству, прямо на глазах красноармейского дозора, расположившегося поблизости. Двое направились в мою сторону с явным намерением задать кое-какие вопросы, но я решительно выступил: «Подальше от ульев, товарищи! Пчёлы могут изжалить!» Красноармейцы живо отпрянули.

День стоял солнечный и жаркий. Отвратительная кожаная шапка, что покрывала мою голову, была лишена ка-

кого бы то ни было проветривания и так распалилась на солнце, что казалось, будто голова моя в печке. Это становилось невыносимым, временами я был близок к обмороку и мог свалиться с лошади. А ведь раньше я столько раз проезжал по этой же самой дороге при погоде ещё более жаркой и никогда не испытывал неудобств. Но пользовался я тогда тропическим шлемом или лёгкой фетровой шляпой.

Не раз по пути встречались нам комиссарские разъезды: очень приличного вида экипажи с отличными лошадьми, всё краденое, разумеется. К счастью вид мы собою являли самый что ни на есть мирный и не вызывающий подозрений, а большевики не испытывали особого рвения приближаться к ульям, полным раздражённых от жары пчёл.

Весна была в полном разгаре, воздух чист и прозрачен, небо тёмно-синее без всяких признаков облачности. В пути я не раз был свидетелем весьма любопытных сценок, которые я рискнул бы назвать «воробьиным боем за приз». Тут и там вдоль дороги встречались компании этих птичек, кругом расположившихся как бы вокруг арены, в центре которой парочка самцов-«петушков» сражались друг с другом в самом решительном поединке. Внимание аудитории, без сомнения, было целиком поглощено зрелищем. Даже когда лошадь моя была на грани того, чтоб растоптать бойцов и зевак, те неохотно разлетались лишь в самые последние мгновения. В Туркестане встречается т.н. *индийский воробей* (*Passer indicus*)^[42], который несколько отличается от европейского. Никогда я раньше не наблюдал ничего подобного и не слышал о боях воробьёв в присутствии «зрителей», хотя нечто подобное, как известно, происходит у тетеревов и отчасти у турухтанов (*Machetes pugnax*), известных своей драчливостью.

К ночи мы достигли речной долины, где верблюды уже не могли двигаться далее, и мы вынуждены были нанять ослов. Расположились на берегу стремительной гор-

ной реки, развьючили верблюдов и тотчас же отправили их вниз. Я остался в одиночестве.

Довольно необдуманно я выбрал место для ночлега под навесом полуразрушенной сакли. В итоге всю ночь промучился из-за укусов огромных чёрных клопов (*Reduvius fedschenkianus*, Ошанин)^[43]. Сии ужасные твари достигают дюйма в длину, имеют длинные острые клещи, коими вонзаются в кожу, оставляя после укуса красное пятно, которое шелушится и жжёт ещё долгое время. В стародавние времена туркестанские ханы имели обыкновение сажать преступников в глубокие ямы, наполненные этими мерзкими насекомыми. Именно так поступил эмир Насрулла с двумя британскими офицерами, полковником Стоддартом и капитаном Конолли^[44], прибывшими в Бухару с дипломатической миссией в 1842 году. Подвергнув столь изощрённой пытке, несчастных извлекли и публично предали казни.

На следующее утро я направился вверх по долине к ближайшему горному кишлаку, населённому таджиками — потомками персидской части населения Туркестана. Там разыскал я старого своего друга Османа, спутника многих моих путешествий в окрестных горах, где мы обычно охотились на *таутеке* или горного козла (*Capra sibirica*). Раньше эти животные здесь водилось во множестве. Кишлак мы покинули рано следующим утром и двинулись дальше в горы. Сразу же начался крутой и утомительный подъём, а потом открылась небольшая долина, где зелень полей клевера и кукурузы чередовалась с зарослями грецкого ореха. Кишлак по одну сторону дороги утопал в тени садов, там же размещались и сакли местных жителей. Сладкий шиповник был в полном соку и плоды шелковицы уже созрели. То и другое составило мне приятное лакомство.

Весеннею порою подобные горные долинки являют красоту необыкновенную; дожди идут весьма часто, воздух приятен и свеж, притом отнюдь не холодно даже но-

чью; зелень полей и деревьев поражает своей яркостью, а цветы изобилуют повсюду. Отвесные скалы, не покрытые растительностью, окраску имеют красноватую, подобно глинам тропического пояса. Как это великолепно гармонирует с зеленью, голубизною неба и белизною нежных облаков! Весь пейзаж даёт чарующую картину неиспорченной природы. Понятно, что бегство моё в глубинку горной страны прочь от мира «коммунистических идей» явилось бальзамом утешения для моей измученной души.

Двигаясь дальше, мы пересекли глубокую лощину, по дну которой среди валунов стремился горный поток. Бывшая до той поры относительно удобной дорога здесь заканчивалась, и нам потребовалось приложить немало усилий и времени, чтобы проложить ослам путь среди нагромождения камней в русле. Дальше по крутому склону ущелья следовал сложный и утомительный подъём. Изумительные цветы и довольно редкие виды растений попадались всё чаще и чаще. Преодолев несколько теснин (gorges — узостей, завалов — пер.) мы очутились в чащобе тёмного леса из внушительного размера деревьев грецкого ореха вперемежку с дикой яблоней, терновником, клёном, боярышником и деревьями *каркаса южного* (*Celtis australis*)^[45]. Лес покрывал все склоны горы и простирался далее в низ ущелья, откуда доносился шум горной реки. Довольно узкая звериная тропа, частью заросшая, прихотливо извивалась по склонам в тенистых зарослях. Лесные прогалины и поляны покрыты кустарником очаровательных плетистых роз и других цветковых растений. В целом картина напоминала хорошо ухоженный парк.

Погода стояла наиприятнейшая, прохладная; воздух насыщен благоуханиями дикорастущих цветов и трав. В столь дивной обстановке передвигались мы некоторое время то по местности сравнительно открытой, то через почти непроходимую чащобу, то по кромке скал, то через оползни и завалы, где путь приходилось расчищать для прохода навьюченных животных. Спустились в очередную

глубокую лощину, заросшую лесом и кустами шиповника с белыми и жёлтыми ароматными цветами. Выходы белого известняка обрамляли ущелье. Перейдя через горный поток, преодолели трудный подъём противоположного склона, где тропа была частично смыта дождями, и наконец достигли приемлемого для стоянки места в тени внушительной кроны грецкого ореха.

Осман, пообещав доставить мне хлеб и другие насущности, отправился вместе с ослами в обратный путь, а я остался один со своими ульями. Местность вокруг была изумительно хороша, растительность изобильна. Ручей струился внизу неподалёку, лес полон интересных птиц и растений. Я бывал здесь раньше с охотой на кабана, но то было осенью, когда вследствие летней засухи подобного изобилия не было и в помине. Уже начинало темнеть, и я приступил к обустройству спального места прямо на земле под деревом.

С запада надвигались грозовые облака. Я срезал несколько ветвей, нарвал травы и соорудил себе ложе, чтобы уберечься от воды, когда хлынет дождь. Ещё несколько ветвей, моя шинель и прихваченный мною небольшой кусок брезента послужили своего рода навесом над постелью, в которой я и расположился на ночь. Дождь, начавшись отдельными каплями, вскоре перешёл в сплошной ливень. Гром, раскат за раскатом, эхом вторился среди скал, пока не слился в сплошной рёв; непрерывные вспышки молний высвечивали фантастическую картину бури в лесу, меня окружавшем. Внизу в каньоне шум горного потока становился всё громче и яростнее, по мере того как вода в нём прибывала. Вскоре я под моим шатким временным навесом промок до нитки. Воистину лесная обитель встречала меня отнюдь не гостеприимно.

Гроза, однако, вскоре утихла, но дождь длился до рассвета. Я спал, если можно так выразиться, лишь урывками, впадая время от времени в бессознательную дремоту. Утром поднялся под проникновенное пение соловья. Наш

среднеазиатский вид этой птички (*Daulias hafizi*) не столь совершенный певец как его европейский собрат, ни по длительности пения, ни по его разнообразию, но голосок имеет особо громкий и пронзительный.

Утро было чарующим, тёплым и прозрачным. Трава мокрая и скользкая до такой степени, что по травянистым, достаточно крутым склонам невозможно ходить. Лишь с большим трудом, цепляясь за кусты и опираясь на посох из ветви дерева, мне удалось достичь реки на дне лощины. Вода в ней была мутна, поток нёс обломки растений. Однако выше по противоположному склону нашёлся отличный источник чистой воды прямо под кустом спелого шиповника. Я соорудил около него нечто вроде шалаша из камней и веток.

Не удалось мне накануне приготовить запас сухих дров, а теперь не было возможности развести костёр хотя бы для чая; всё вокруг было сыро и влажно. Оставалось только сушить постель и одежду на солнце.

Только к вечеру следующих суток просохло настолько, что можно было пройти и осмотреть окрестности. В местах, заросших дикой яблоней и боярышником, лес был почти непроходим, зато встречались чудные тенистые поляны вокруг отдельно стоящих огромных деревьев грецкого ореха. Ниже среди скальных выступов на откосах возле речки рос миндаль, а по верхам, где суше, на самых крутых откосах — фисташка со своими широкими причудливыми кожистыми листьями, красивыми гроздьями плодов, пока ещё зелёных и незрелых.

В густой тени деревьев земля сплошь была покрыта мягкой бледно-зелёной так называемой «стреляющей травой» — низкорослым растением с мясистым стеблем и пятнистыми листьями. Интересен плод его — небольшой стручок. Когда он поспеет, то при малейшем прикосновении с треском раскрывается, образуя несколько узеньких пластинок, тут же свивающихся в спиральки, семена же при этом разлетаются вокруг так, будто ими выстрелили.

Проведёшь ладонью по такой траве и почувствуешь что-то вроде слабых электрических разрядов. Редкое растение из тех, что, подобно животным, мгновенно реагируют на механический контакт.

Кое-где встречались сладко пахнущие белые тюльпаны на длинных стеблях. Также два интересных вида аронника (*Arum*): один из них, *Arum korolkovy*, имеет цветки зелёные с жёлтым пестиком, которые дают в конце сезона красные ягоды; другой, *Eminium lehmanni*, отличается очень необычной окраской. Цветок весь из себя бархатисто-тёмно-пурпурный, иногда с фиолетовым оттенком, он выглядит столь необычно, что местные никогда его не трогают, приписывая ему всякого рода опасные свойства. Среди скал вдоль реки произрастают многочисленные папоротники, в том числе *гравилят речной*, очень редко встречающийся в Туркестане. Затем статные скопления эремуруса (*Eremurus*)^[46] с огромными стеблями бледно-розовых соцветий: два вида *E. Robustus* и *E. Kaufmanni*. Оба введены в культурный оборот садов Европы из гор Туркестана, я мог любоваться ими в Хэмптон-Корт^[47] и на балконах флористов Лондона. Интересен вид полуплетистой розы, кизильника *Cotoneaster*, белая древесина которой превосходна для изготовления тростей и рукояток инструментов. Встречался также особый род жимолости, среди местных именуемый *уса мусса*, также очень ценящийся, особенно среди духовных лиц — мулл, как материал для посоха. Если содрать кору, то на твёрдой желтоватой, подобно слоновой кости, древесине этого кустарника ясно проявляется как будто искусно выгравированный узор.

Мелисса лекарственная, *Melissa officinalis*, распространенная всюду в изобилии, наполняла воздух лимонным запахом. Для меня сия трава оказалась ценной особенно потому, что если натереть ею лицо и руки, то можно работать с пчёлами без защитной маски. Она же обладает свойством отпугивать комаров, так что я от них не страдал. Хороша она и в высушенном виде как приправа. Рис,

сваренный с добавкою мелиссы и изюма, представляет собой отменный пудинг. Конечно, я интересовался здешними лесными богатствами не только как натуралист, но и как путник, стремящийся обеспечить себя пищей, ведь мои собственные запасы были скудны.

На самой вершине горы, выше границы леса, на узком участке альпийского луга я обнаружил *эремурус замечательный* (*Eremurus spectabilis*)^[48]. Молодые листья растения съедобны и очень вкусны. Нашлось и другое характерное для Туркестана растение, *рябчик Северцова* (*Korolkovia severzovu*)^[49], с круглыми мясистыми луковицами — хороший овощ, если изрядно проварить. На одной поляне близ моего лагеря рос в изобилии щавель, который очень хорош для добавки в супы, он как раз поспел для сбора. Чуть ниже произрастала *сыть длинная* (*Cyperus longus*)^[50], корневища которой служат хорошей приправой, особенно к грубой и однообразной пище. В такой обстановке, даже при полном отсутствии продовольствия, я смог бы, наверно, прокормиться кореньями и листьями. Благодаря providению, я имел возможность узнать, чем богат туркестанский край, и какую пользу можно извлечь из его природных богатств.

В течение нескольких дней обследовал я все окрестные ущелья, некоторые из которых очень интересны и картинны. Лес в долинах, тип которого известен как «фруктовый лес Туркестана», распространён в горах, особенно в Ферганской области. Я не сомневался, что поздним летом и осенью этот лес обеспечил бы меня достаточным количеством плодов. Однако существовала опасность, что местные жители начнут появляться здесь во множестве для сбора урожая, а это меня отнюдь не вдохновляло. Ведь мог последовать и неожиданный визит агентов ЧК, а те особенно подозрительно относились ко всем неподнадзорным русским.

Трудно судить однозначно о происхождении фруктовых лесов. Деревья грецкого ореха очень широко распро-

странены в горах Туркестана и, несомненно, представляют собой остатки обширных лесных массивов, покрывавших эти края и киргизские степи вплоть до Урала в период плиоцена^[51]. Фисташковое и миндальное деревья с их чудесными плодами являются, очевидно, эндемиками Туркестана. Дикорастущий миндаль обладает замечательным ароматом, но оболочка плода чрезвычайно жёсткая. Фисташка произрастает обычно в сухих предгорьях Туркестана и некогда занимала большие площади, но почти полностью была истреблена ещё в древности горнодобытчиками, которые предпочитали использовать уголь из твёрдой древесины этого дерева для выплавки металлов из руд. Равно и верблюды беспощадно вредили этому чудному дереву, поедая их листья и молодые побеги, так что теперь фисташку можно встретить лишь там, где верблюдов нет.

Не просто объяснить, откуда появились яблони в этом лесу, поскольку на слуху нет сведений, будто в местах нынешнего их произрастания существовали сады. По вкусовым качествам плоды лесных яблоней обычно уступают плодам яблоней культурных. К тому же редко можно видеть яблони в садах местных жителей, да и разнообразие культурных видов совсем иное. Вряд ли можно считать, что лесные яблони остались от садов древних поселений, поскольку в местах здешних в период до монгольского нашествия не существовало ещё населения оседлого. То обстоятельство, что ствол и ветви лесных яблонь покрыты шипами, свидетельствует о принадлежности к видам дикорастущим, а не культурным. Вид плодов разнообразен: небольшие круглые, продолговатые, окраска коричневая, жёлтая и красная. Часто мякоть настолько кислая и терпкая, что едва съедобна, но иногда встречаются плоды весьма сладкие и сочные. По видимости их качество в какой-то степени связано с месторасположением дерева и с плодородием почвы. У некоторых видов диких яблонь плоды созревают к концу июня, у иных в июле и августе, но встречаются и виды очень поздние, на кронах которых

яблоки висят вплоть до заморозков. Последние особо вкусны и ароматны. А иные так хороши, что не уступят по качеству яблокам культурных сортов. Если пересадить лесную яблоню в хорошее место, то даже при самом незначительном уходе она даёт превосходные урожаи.

Считается, что большая часть наших европейских сельскохозяйственных культур произошла из Персии, ещё более вероятно — из Туркестана, который на протяжении столетий был частью Персидской империи. И сейчас ещё на полянах и холмах встречаются, видом своим напоминающие культурные посевы, дикорастущие рожь, пшеница, ячмень и овёс.

Мой стол не отличался разнообразием: рис, пшеничные или ячменные лепёшки; последние особенно неудобоваримые и невкусные. Очень редким деликатесом были яйца, ещё более редкими — суп и плов, так как яйца и баранина были дороги и дефицитны.

Часто шли дожди, и мне не всегда удавалось развести костёр, хотя запас дров и трута имелся достаточный. Спички, низкого качества, в сырую погоду отказывались воспламеняться, и мне пришлось позаботиться о том, чтобы поддерживать в тлеющем состоянии угли в специально устроенном очаге из камней.

При посредничестве сартов, обеспечивавших меня хлебом, мне удалось нанять пару человек для постройки небольшого навеса на солнечной прогалине, а также небольшого погребца для дров и припасов. Из веток и трав, источавших приятные запахи, я обустроил себе очень удобное спальное ложе.

Лес был полон птиц. Всю ночь до раннего утра не умолкали соловьи, затем со своими трелями вступали дрозды. Мне особенно нравилось пение *дрозда лилового* (*Myiophonus temminckii*)^[52], довольно крупной птицы с оперением пепельного оттенка. Весь день раздавалось глубокозвучное и весьма громкое воркование голубей, коим вторили горлицы на более нежных нотах. Очень краси-

ва райская мухоловка (*Chitralia paradisea*)^[53]; у петушка хвостовые перья тонкие, ближе к концу широкие, что придаёт птице в полёте несколько необычный вид. Вообще-то она коренной житель жарких районов Индии, но гнездится в некоторых немногочисленных лесистых долинах наших гор и улетает в Индию только на зиму.

Неподалёку от моего жилища в густых зарослях чертополоха находили себе пищу стаи *щеглов восточных* (*Carduelis orientalis*)^[54], коих пение доставляло мне изрядное удовольствие. Отличались красотой, хоть и не были гостями желанными *золотистые щурки-пчелоеды* (*Merops apiaster*)^[55] со своим ярким золотистым и зелёным оперением — беспощадные истребители пчёл, коих поедают в огромных количествах. Те знают своих врагов и как только слышат их щебет, остерегаются покидать ульи. Щурки наносят существенный урон пчеловодству, так как одна особь может поесть до нескольких сотен насекомых в день. Пчелоеды любят отдыхать на ветвях, поэтому жители Семиречья размещают свои ульи на самых открытых местах, где нет деревьев и кустарника.

Однажды вечером в довольно поздний час я отдыхал под огромным деревом грецкого ореха и любовался игрою лунного света на травянистой поляне, когда услышал лёгкое шуршание и хруст веток в лесных зарослях. Я тотчас же насторожился и замер в ожидании. И через мгновение из леса явилось целое семейство кабанов. Впереди, как ему и положено, шествовал огромный боров, его клыки белели в лунном свете; за ним свиноматка и полдюжины почти взрослых поросят. Прошли спокойно всего в нескольких шагах от меня и скрылись в ближайшей лощине у реки, где принялись купаться. Я не имел оружия и упустил блестящую возможность обеспечить себя свежим мясом, столь редко появлявшимся на моём столе.

Другой раз, так же вечером, прогуливаясь по лесу неподалёку от своего жилища, я встретил самку дикобраза с семейством из восьми комичного вида детёнышей.

Они ничуть не были напуганы мною и спокойно удалились.

В скором времени прекратились дожди, и установилась чудная погода. Ночи были мягкие, и я мог наслаждаться прогулками по лесным тропам при свете луны. Пробиваясь сквозь листву, свет лунный придавал местности вид нереальный, фантастический. Я любил, стоя под деревьями, всматриваться в контрастно освещённые прогалины. Картина всякий раз была настолько волшебной, что казалось, вот-вот явится компания эльфов и гоблинов, которые закружатся и помчатся в своём безудержном танце.

Глава IX. Дама в белом

Однажды явился ко мне с визитом мой приятель Б. Он доставил несколько писем и газет, сообщил самые последние сведения о произошедших событиях. Особенно порадовали меня известия о наступлении Колчака. Долго обсуждали, что для меня было бы желательнее — оставаться на месте или же через горы перебраться в Семиречье, где я смог бы перезимовать с меньшими неудобствами и в большей безопасности. В любом случае мы не сомневались, что весной усилиями Колчака и Деникина Россия будет навеки освобождена от интернациональных мошенников, вырождаков и германских агентов, присвоивших себе громкозвучное имя «Правительства Рабочих и Крестьян».

Решили, что лучше всего мне было бы пройти сквозь Семиречье; главная трудность состояла в том, чтобы проскочить мимо очень опасного места в Чимкенте, где подвергают аресту каждого мимо проходящего и держат в заключение «до выяснения обстоятельств задержания». Мои ташкентские друзья брались обеспечить меня всем необходимым для похода, включая документы и всякого рода «мандаты».

Пренеприятнейшим известием был арест большевиком моего друга, полковника П. Г. Корнилова, брата знаменитого генерала. Полковник скрывался в окрестностях Ташкента. Он тщательно маскировался под киргиза, мог бегло изъясняться на языке сартов и настолько убедительно выглядел как местный житель, что когда однажды явился ко мне в таковом виде, никто в моём домашнем окружении не мог распознать в нём русского полковника, его принимали за киргиза, зашедшего по делам охоты или горного промысла. Ему ничего не стоило бы скрыться в Фергане или где ему угодно, но он предпочёл оставаться

как можно ближе к своей несчастной семье и малолетним детям. Они жили буквально как нищие, Советская власть отняла у них всё, что можно, даже детскую одежду и бельё. Корнилова случайно распознал почтальон, он же сообщил большевикам место, где полковник скрывался. Радость мерзавцев была безграничной, им для окончательного триумфа не хватало лишь моей поимки. Я же был несказанно подавлен арестом П. Г. Корнилова, это было как удар грома при ясном небе, и как раз в тот момент, когда моя созерцательная жизнь один на один с природой успокоила раны моей души и принесла некоторое утешение.

Объявился и ещё один весьма неожиданный посетитель, который, забредя по чистой случайности, появлялся в дальнейшем каждый день вплоть до моего отбытия. То была огромных размеров белая псина, киргизская овчарка. Конечно же, я был обрадован и приласкал мою гостью. Проявленное внимание настолько покорило сердце собаки, что та являлась потом каждое утро и оставалась на весь день, составляя мне компанию в прогулках по окрестностям. Она не была голодна, отказывалась от лепёшек, которые я предлагал. Хозяева, по-видимому, неплохо кормили животное, но не проявляли к нему особо нежных чувств. По вечерам овчарка возвращалась домой и находилась, наверное, на своём ночном посту, но с рассветом всякий раз оказывалась возле моего жилища. Ей были привлекательны и оказанное мною внимание и наши совместные прогулки по лесу, вряд ли таковые перепали ей от своих хозяев-киргизов.

Хлеб мне приносил сарт, мой товарищ, и вот однажды утром явился его брат. Тот целую неделю мучился невыносимой зубной болью. А надо сказать, что в глазах сартов каждый европеец является непременно врачом и имеет при себе полный набор лекарственных средств на случай любой болезни. Пришлось разочаровать беднягу, объяснив, что я вовсе не врач и нет у меня здесь в лесу вовсе никаких лекарств. Однако вместо того чтобы отправиться вниз до-

мой, несчастный мой пациент залёг под деревом и начал издавать там мучительные стоны. Бедолага явно испытывал сильную боль. Я сострадал ему и напрягал мысль, нельзя ли помочь чем-либо из трав, растущих поблизости, и тут вспомнил, что в моём *курджуме* имеется флакон со спиртовой настойкой мяты. Капля оной, пущенная в дупло зуба, тотчас же притупила боль, и парень, вполне довольный, отправился домой. А на следующий день он принёс мне, в качестве благодарности, три куриных яйца и пять лепёшек.

Вскоре снова пришлось выступить в качестве лекаря, ибо Осман привёл девушку, страдавшую сильным кашлем. На ближайших склонах я нашёл лакрицу и выкопал несколько длинных сладких корней растения, объяснил, как ими воспользоваться. Осман позже сообщил, что средство отлично помогло, и... доставил нового пациента, на этот раз с гноящейся раной на руке. Здесь я также преуспел как лекарь, применив горячую припарку из ряда трав, росших в изобилии на берегах ручья.

Вскоре я, однако, убедился, что моя медицинская практика начинает приносить мне неожиданную известность, вполне понятную, впрочем, ведь сарты и киргизы вообще большие любители медицины. Я объяснил Осману, сколь опасной для меня была сия «реклама», и просил впредь новых пациентов не приводить.

— Увы, ты прав, — согласился он и добавил: — время нынче такое, меньше болтать надо. Я ведь тоже собираюсь покинуть здешние места, бросить ферму и податься куда-нибудь подальше, ну хоть, к примеру, в долину Кафтар Кумыш (Серебряная Голубка). Добраться туда не просто, место совсем уединённое, а лес там даже лучше, чем здесь, и красота вокруг. Двинем туда! Возьму свою винтовку, будешь охотиться на *кииков* (диких коз) и кабанов. Там и медведи есть и руда серебряная!

— Слышал я о залежах серебра, — был мой ответ, — но прежде чем их разрабатывать, надо бы всех большевиков сначала перевешать!

— О, да! В прошлом году на базаре в Ходжикенте они обнаружили около фунта золотого песка у одного сарта, что намывал золото в долине Чаткала. Конечно же, отняли, а самого посадили.

Однажды после полудня собирал я в лесу дрова и услышал вдруг женский голос, который явно по-русски кого-то звал. Клич повторился. Кто-то приближался к моему жилищу. Упрятаться мне глубже в чащу было бы неловким манёвром, слишком подозрительным, и лучше казалось встретиться с неожиданным гостем смело лицом к лицу. Подняв и взвалив на плечо вязанку хвороста так, чтобы лицо моё было едва различимо, я вышел из чащи на поляну возле шалаша, где, к вящему своему изумлению, увидел госпожу П., супругу верного своего друга, как раз того самого, что снабдил меня разного рода «мандатами»; в своё время он же оказал немало ценных услуг для участников Белого движения. Увидев меня и сходу не узнав, она пришла в крайнее изумление, так мою внешность изменили отросшая борода и необычная одежда. Однако стоило мне заговорить, как она сразу же меня узнала по голосу.

— Как же тебе удалось разузнать, что я скрываюсь здесь, вот в этом самом лесу?

— Ради детей, дабы поправить их здоровье, пришлось несколько дней провести в горах, на усадьбе, что здесь неподалёку. Местные говорили, что выше в лесу обитает один русский, который слывет знатоком по части трав. Я сразу поняла, о ком идёт речь и попросила указать дорогу. Конечно, удивилась, встретив лицо столь неузнаваемое, лишь сердце подсказывало, что это всё же должен быть ты. Не заговори ты со мной, вряд ли убедила бы в том свой рассудок.

Конечно, я был искренне рад встрече. Мы долго обсуждали положение дел в Туркестане и России. Однако стало ясно, какую опасность явила моя самостоятельная врачебная практика среди местных жителей. И всё же просил госпожу П. вновь посетить меня, на этот раз вместе со сво-

ими дочерьми. Можно было бы использовать в дороге ослон и день провести здесь. Как раз поспевали яблоки, для детей полезное угощение.

Они прибыли через несколько дней, причём г-жа П. доставила ряд весьма ценных для меня подарков: несколько восковых свечей, первоклассных копчёных колбасок, бутылку мадеры и фунт настоящего чая. Надо сказать, что чай в ту пору стал своего рода роскошью. Правительство Советов, действуя по своим «социалистическим» понятиям, совершенно запретило частную торговлю и как бы возложило на себя ответственность за обеспечение местного населения продовольствием. Так появился чай «советский» — суррогат из мелко нарезанных сушёных яблок, по цвету похожий на китайский, но по вкусу не отличавшийся от компота из гнилых фруктов. Но даже эта жалкая подделка была малодоступна из-за высокой стоимости и ограниченного поступления на рынок. Местные его избегали, считая вредным, Некоторые употребляли свой напиток из сушёных персиков, чей аромат весьма приятен. Хороший заменитель чая получается также из смеси высушенных цветков жёлтого шиповника, дико-растущей кошачьей лапки, шалфея и Melissa. Другим составом, ценным в том отношении, что не требует сахара (доступного лишь красным комиссарам), является смесь из сушёных плодов шелковицы с изюмом. Живя в лесу, я готовил местный чай из молодых листьев *Sisimia loeseli*^[56], в изобилии растущей на лесных прогалинах и полянах. Ещё местные жители, не имея сахара, для приготовления сладостей собирали ягоды *катранги*, т.е. дерева *каркаса южного* (*Celtis australis*), высушивали их, измельчали и добавляли в муку. Вот таким образом «Мировая пролетарская революция» приучала местное население вновь и вновь обращаться к Природе в поисках пищи и её заменителей.

Не могу обойти вниманием ещё одно замечательное растение, которое непременно заслуживает внедрения

в европейское садоводство. Это так называемый пскемский лук (*Allium pskemense*, Fedch.). Сама луковица по форме не округлая, а продолговатая и бутылковидная, мякоть обладает тонким пряным запахом и потому служит великолепной добавкой в супы и рагу, придавая пище изысканный вкус, свободный от неприятного оттенка, присущего луку обыкновенному. Стебель разветвлённый, полый внутри, весьма высокий, так что внешний вид у растения необычный и привлекательный, весьма подходящий к излюбленным в Англии альпийским горкам. Растёт этот лук в самых труднодоступных горах, и нередко случалось так, что местные жители при добыче оного погибали, срываясь со склонов, подобно незадачливым сборщикам эдельвейса в европейских Альпах. Как-то мне удалось выкопать в горах несколько луковиц этого растения, и я стал разводить его в своём саду. Оно хорошо прижилось и цвело, но размножать его семенами, к сожалению, не удавалось, лишь вегетативный способ, делением корня, приводил к успеху. Всё же я полагаю, что можно потрудиться опытным путём найти условия для семенного размножения пскемского лука, тем более что сей ценный овощ того заслуживает.

Многие дни бродил я по склонам и наблюдал природу окружающих гор и ущелий. Внизу у самого речного обрыва видны были обнажения красных мергелей, покрытых конгломератами. Выше того места, где расположилось моё жилище, в массиве кристаллического известняка видны были толстые жилы роговообманкового порфирита^[57]. Я обнаружил несколько видов минералов, характерных для так называемой зоны контактного метаморфизма. А немного позже в узком глубоком ущелье нашёл обломки медной руды и свинцового блеска (галенита), свидетельствующих о том, что где-то поблизости могут быть значительные залежи этих минералов.

В одном из ущелий того же массива есть источник минеральной воды, которую местные употребляют для лечения ревматизма. В другом, в глинистых сланцах палеозоя,

пересечённых тонкими пластами углистых сланцев, среди фисташковых деревьев, обнаружили обломки железной руды — магнетита и комья шлака. Здесь, видимо, древние рудокопы выжигали древесный уголь для выплавки железа.

Возле одного из водных кулуаров, где протекали воды минерального источника, обнаружили загадочные развалины, в плане почти кольцевидные, нечто вроде древних укреплений. Скорее всего, это не что иное, как *дакхмы*, т. е. Башни Безмолвия, коими древние маги, следуя заветам Зороастра, явственно обозначали места своей кончины, дабы тела их здесь же были скормлены птицам-стервятникам. Обычай таковой широко был распространён в Средней Азии в период до арабского нашествия.

Напротив селения Ходжикент, картинно расположившегося в устье каньона реки Чаткал, на самом краю высокого откоса можно видеть развалины древнего замка или крепости. Это, вероятнее всего, оплот какого-нибудь Дек Хана. Так называли здесь феодальную аристократию в Средние века. К несчастью, повсюду в Туркестане столь интересные памятники седой старины безжалостно сносятся новыми ордами диких захватчиков с севера — русскими крестьянами.

На вершинах гор, сложенных кристаллическими известняками, и в схожих местах других областей Туркестана местные жители собирают интересное вещество, которое они называют *муми* или *мумиё* и приписывают которому чудодейственные свойства. Принимают его внутрь, в случае переломов костей, в виде пилюль размером с горошину. Похоже, средство оказывает побудительное действие на жизненные силы организма. Я знал нескольких русских, кто употреблял его при переломах и грыже; судя по накопленному опыту, исцеление ускорялось, костная ткань восстанавливалась быстрее. Мумиё выделяется, истекает из трещин в известняковых скалах и застывает в неподвижную массу. Её с удовольствием

поедают горные козлы, поэтому сборщики мумиё обычно закрывают камнями места проявления этой субстанции, высоко ценящейся во всём Туркестане. Впервые услышав о мумиё, я был настроен скептически и даже сомневался в существовании оно́го. Но однажды, когда я охотился в районе Ходжикента, один киргиз препроводил меня на самый верх мраморного горного массива и показал выходы мумиё на месте нахождения. Цвет массы темно-коричневый, ближе к краям красноватый, по твёрдости и хрупкости напоминает камфару, по вкусу — переваренное мясо, запах нельзя назвать неприятным, что-то наподобие бальзама (мелиссы). Я вначале подумал, что это вид битума, но мумиё легко и полностью растворимо в воде. В моей обширной коллекции туркестанских руд и минералов (в итоге разграбленной представителями «мирового пролетариата») имелось значительное количество данного вещества, до сих пор науке неизвестного. Я намеревался подвергнуть его тщательному исследованию с целью детального описания, но замысел этот остался в ряду тех, которые я так и не смог осуществить.

Настал месяц август. Слива (алыча) уродилась в огромном количестве; плоды её мелкие и разноцветные: красные, тёмно-красные, чёрные и жёлтые. Деревья, ими увешанные, исключительно красивы, но сами плоды в пищу едва пригодны, большинство чрезмерно кислы. Наступала пора яблок и винограда, причём их качество, как фруктов, было весьма приличным. Виноград был двух видов, чёрный и белый. Кисти небольшие, а виноградинки размером от лесного ореха (лещины) до смородины.

В это время года и дикие цветы тоже претерпевают изменения. Исчезла «стреляющая трава», завяли папоротники, зато появились мальвы, белые и жёлтые, вытянулись на семи-восьмифутовую высоту красавцы *Verbascum* («коровяк»)^[58] с большими розетками ворсистых серо-зелёных листьев возле основания и роскошным плюмажем жёлтых

соцветий на вершине стебля — столь декоративное растение послужило бы замечательным украшением для наших европейских садов.

Часто заходили кабаны, дабы полакомиться павшими фруктами. Кстати говоря, они же имеют обыкновение делать ночные вылазки на возделанные участки, нанося значительный урон зерновым и бахчевым культурам. Жаль, что нечем было в них пальнуть.

Однажды в тёмную ночную пору я вышел пройтись в сторону горной реки. И на окраине леса, как раз там, где начиналась тропа, ведущая вниз в долину, неожиданно увидел нечто странное: как будто высокая человеческая фигура в белом одеянии двигалась мне навстречу медленно и бесшумно. Столь необычный и таинственный фантом сразу же вызвал у меня крайнее любопытство. Сделав ещё несколько шагов, я остолбенел в изумлении: передо мной стояло легендарное привидение — знаменитая «Дама в белом», как изображают оную в романах и на картинках. Я отчётливо видел её высокую стройную фигуру в белом одеянии, но черты лица её оставались неразличимы. Моим первым чувством было удивление: с чего бы вдруг привидению явиться в столь удалённом месте — в горах Средней Азии, а не в более подходящем для него древнем замке Западной Европы. Я решил исследовать столь необычное явление вблизи и начал медленно приближаться, опасаясь лишь того, что видение вдруг растворится. Однако фантом замер, чётко обозначившись на фоне тёмных зарослей. Чем ближе я подходил, тем отчётливее видел, что передо мною точно Дама в белом. Но та вдруг неожиданно произнесла: «Павел Степанович, это вы?» Я был ошеломлён, ибо готов был примириться с полночным видением из мира потустороннего, но появление женщины во плоти и крови в таком месте и в такое время было совершенно неправдоподобно.

— Я сестра студента Г. Мы шли на встречу с вами, но сбились с пути и запоздали. Я следовала по тропе

на ощупь, используя посох. Брат поднимается вслед за мною, он должен быть где-то близко.

Вскоре прибыл и сам Г., доставив ряд важных известий. Не желая обнаружить, куда и зачем идёт, он не взял проводника и отправился в путь вдвоём с сестрой, ограничившись указаниями Б. о месте моего пребывания. Утром оба отправились вниз, а я стал готовиться к тому, чтобы навсегда покинуть это столь благодатное и природою одарённое место, на некоторый срок послужившее мне убежищем и домом.

В горах Туркестана есть немало таких живописных лесистых долин, будто нарочно созданных для садоводства, овощеводства и виноделия. Даже яблоки получаются здесь лучшими, нежели на чрезмерно жарких равнинах. И лучшие в мире сорта абрикоса для употребления в засушенном виде производятся именно в таких горных долинах. Виноград приносит отменные урожаи, вина получаются более тонкого вкуса вследствие лучших условий для брожения. Виноградники растут пышно и не требуют укрытия на зиму. Миндаль цветёт и плодоносит, а выращивание фисташки было бы весьма прибыльным делом, так как даёт поды ценные, из коих готовят лекарство и краситель. Ещё целое множество полезных растений можно было бы здесь разводить. Но природные богатства этих чудесных долин мало известны, может быть ещё потому, что некоторые труднодоступны, нет туда дорог и переправ через реки.

Бывшая российская система правления осуществляла своеобразную политику колонизации Туркестана. Она стремилась заселить его богатые земли бедняками и пропойцами, для самой России нежеланными. Людям с достатком трудно было наладить здесь фермерское дело, потакая социалистическому настрою русской интеллигенции. А нынешнее «Правительство рабочих и крестьян» знает только одно: грабить и разорять этот дивный край.

Глава X. Путь в Семиречье

Однажды прибыл Б. и доставил мне всё необходимое для отбытия в Семиречье, включая денежные средства. На сей раз, я был во всеоружии документов, свидетельствовавших, что предъявитель оных, Николай Иванович Новиков, является инженером-строителем и направляется в Семиречье для выполнения «гидротехнических изысканий». Такая замысловатая формулировка, непостижимая для полуграмотных большевиков, давала мне в некотором смысле преимущественное положение. Особые «мандаты» предписывали Советским органам оказывать мне в работе всяческое содействие и обеспечивать в дороге почтовыми экипажами и лошадьми. Тем не менее, из соображений безопасности, мне надлежало, по крайней мере, какое-то время избегать больших дорог и двигаться горными тропами, особенно в окрестностях Чимкента, где меня могли легко распознать или просто задержать «до выяснения обстоятельств», как это обычно водится у пролетарских властей, когда имеют дело с людьми образованными.

Накануне отправления прибыл сарт с осликом для моего багажа, и следующим утром, 19-го августа, ещё до рассвета мы тронулись в путь. Было грустно расставаться с укромным уголком, где в течение трёх месяцев я жил один среди красот природы и настолько свыкся с окружением, что сам стал неотъемлемой его частью. Горечь разлуки объяла меня, ведь я покидал своих верных друзей и уходил в Неизведанное, полное тревог и опасностей.

Долины ещё утопали в сумраке, но лучи солнца уже освещали вершину Большого Чимгана^[59] (3660 м), покрывая гранитные стены его пурпуром, а снежники горящим золотом. Мы двигались едва заметной тропой по горным склонам средь кустарника и деревьев, утёсов и скал, то

спускаясь к самым берегам горных рек, то круто взбираясь по откосам. Утро было сухим и прохладным, ибо в этой части гор (в такую пору — пер.) не бывает ни росы, ни тумана.

Спустились в главную долину, пересекая боковые ущелья, склоны которых покрывали свежие мхи и пышные травы, увлажнённые кристально чистыми водами речек и ручьёв, журчащих в тени деревьев, с водной растительностью вдоль берегов. Всё свежо, чисто, как будто здесь не ступала нога человека. Когда солнце уже достаточно поднялось и стало припекать, я с удовольствием утолил жажду сладким виноградом, чьи гроздья свешивались с кустов и деревьев вдоль тропы.

Около полудня мы подошли к краю разрушенного кряжа, который нам предстояло пересечь. И тут наш бедный ослик оступился, потерял равновесие и покатился вниз по очень крутому склону. К счастью, падение остановил плотный кустарник, так что когда мы с большим трудом добрались до несчастного животного, оно беспомощно лежало на спине с конечностями, торчащими вверх. Но ослик отделался легко: несколько ссадин на ногах и разодранное ухо. Мою кладь сорвало, но не повредило, даже бутылка мадеры, которую я прихватил для «медицинских целей», и та уцелела. Много сил и времени ушло вернуть бедное животное на тропу, так как склон был крут и труднопроходим из-за камней и густых зарослей колючего барбариса.

Через пару часов после этого происшествия мы пересекли реку и перебрались на другой берег долины. Именно здесь горный поток был относительно спокойным, а русло более-менее ровным. Мы сделали привал на тенистой лужайке возле реки, чтобы накормить ослика, перекусить и напиться чаю самим. Завтрак наш был скуден, только лепёшки, да и те надо было экономить. Дальше ущелье сужалось в теснину, а тропа серпантинном поднималась на высокий склон над потоком и петляла меж известняко-

вых кражей. Затем мы снова спустились к реке, где миновали пещеру, в которой ещё сорок лет назад обитали тигры. Теперь их в здешних местах не водится, но пещерой пользуются медведи во время зимней спячки.

Ещё раз или два взбирались мы круто вверх и вновь спускались к реке, которая спокойно текла в узкой долине среди зарослей ивы и облепихи крушиновой (*Hippophae rhamnoides*), увешанной массой ароматных жёлтых ягод. Оканчивался пояс горных лесов, и крутые горные склоны покрывала чудесная зелень трав — идеальные пастбища для стад овец и лошадей, но всё здесь теперь было в запустении. Коммунистическим порядкам немного понадобилось времени, чтобы разорить богатый край; горные киргизы, коренные хозяева здешних мест, разорились, и сотни тысяч акров отменных пастбищ оказались брошенными.

День склонялся к вечеру, и долина погружалась в тень. Пора было уже вставать на ночлег, но спутнику моему удалось склонить меня к тому, чтобы пройти ещё немного, а затем ещё и снова чуть дальше. Наконец я понял истинную причину его нежелания разбить бивак: впереди намечалось место киргизского кочевья.

— Однако что за радость в грязной юрте, — спросил я, — не лучше ли, имея всё, что нужно, заночевать на свежем воздухе, на травке?

— Как не понимаешь, — был ответ, — там люди, а здесь место дикое...

Его словами глаголил извечный страх горожанина остаться ночью наедине с природой. Для киргиза то было бы делом привычным; единственно, что могло привлечь его к аулу, это выпить кумысу да поесть баранины. Но для сарта ночь без жилища полна напастей и ужаса. Помимо разбойников он опасается многого, что наполняет темноту ночи его богатое воображение. Например, дети Шайтана — *джинны*, среди коих наиболее страшен *Жезтырнак*^[60] — чудовище в женском обличье со стальны-

ми когтями — даже молитва против него бессильна и заклинания бесполезны.

Всё же, вопреки всем ужасам предстоящей ночи на берегу потока в уединённой горной долине, я настоял на устройстве бивака в уютном местечке среди высоких трав. Заварил чаю, котелок настоящего ароматного чаю, и это преисполнило моего спутника столь поразительным бесстрашием, что он вынужден был пересмотреть своё отношение к ночлегу среди кошмаров. Впервые за последние годы вкусил он истинных благ земных. Трава была столь великолепна, что когда я постелил на ней плащ-палатку, то ощутил, будто возлежу на пуховой перине поверх пружинного матраца.

Утро выдалось прохладным, и трава покрылась росой. Нам предстоял подъём на высокую береговую террасу, что необходимо было для обхода глубокого и узкого каньона, в котором река извивалась едва видимой лентой под навесом известняковых скал. Вдали виднелись снежные вершины Угамского хребта^[61].

Перед выходом на гребень наше внимание привлекло необычное поведение пары золотистых щурок-пчелоедов, возбуждённо порхавших над скалистым бугром и неистово кричавших, словно безумные. Как только птицы увидели нас, тотчас стали метаться то в нашу сторону, то обратно, как будто пытались привлечь внимание к месту, где что-то их в высшей степени беспокоило. Поднявшись туда, я увидел греющуюся на солнышке гадюку. Я размозжил ей голову посохом, и птицы сразу успокоились. Змеи — опасные враги щурок, так как легко проникают в их гнёзда, устроенные в виде полостей на крутых откосах. Примечательно же то, что птицы признали в нас союзников, способных уничтожить их врага.

Перевалив через хребет, мы спустились в широкую, ровную, красивую и плодородную долину Кызыл-Тал (красная ива — пер.). Река здесь течёт спокойно и разветвляется на несколько рукавов, образуя тем самым ряд

островов, заросших кустарником, с пятнами болотистых участков, поросших ярко-зелёной травой. Вокруг разбросаны поляны клевера, небольшие водяные мельницы, сады и юрты киргизов. Возле первой же мельницы я распрощался с моим проводником-сартым и его осликом, подождал немного, пока те скроются за перегибом. Потом нанял киргиза с верховой лошастью и двинулся по долине. Итак, мой первый проводник не смог бы никому толком сообщить о моём дальнейшем маршруте.

На болотистых участках встречалось множество огарей, иначе — красных уток (*Casarca rutila*)^[62], они замечательно выделялись своим ярким насыщенно-золотистым оперением среди зелени трав. Когда мы приближались, они взлетали, оглушая нас пронзительными криками. Справа и слева зеленели предгорья, а за ними вздымались горы, покрытые альпийскими лугами, увенчанные скальными утёсами. То было отменное место для охоты на горного козла. Весьма любопытно, что и летом и зимой самки с козлятами пребывают стадами на восточных склонах долины, а старые козлы на западных. У последних рога достигают иногда огромных размеров, до полутора метров. В осеннюю пору козлы на какое-то время присоединяются к самкам и все вместе они спускаются в предгорья, дабы полакомиться ароматными травами. В это время их нетрудно подстрелить.

В этой долине в изобилии произрастал дикий черноостый овёс. Трава интересная, встречается в горах повсеместно, как на засушливых склонах, так и на влажных участках; растёт плотными группами, предпочитая старые пастбища, которые постепенно заполняет такими плотными массами, что создаётся впечатление искусственных посевов; никакая другая трава не может с нею соперничать. Встретилось огороженное каменными стенками поле, совершенно забитое диким овсом, и не верилось, будто всё это выросло само по себе без помощи рук человеческих; трава была мне по пояс и густа невероятно. Были

удачными попытки сбора и выращивания семян, они крупнее и жирнее, нежели у овса обычного, но усвояемы ли они желудком лошади, остаётся под вопросом. В любом случае дикий овёс годится в корм на стадии ранней зелени^[63].

В долине этой я задержался на сутки, а затем нанял проводника с верховой лошастью и отправился через горы к местности, где русские поселенцы обосновались у дороги, ведущей в Семиречье. Путь наш змеился вверх извилистой лентой к высокому крутому перевалу через известняковый кряж, и подъём занял часа два с половиной. На этих высотах, среди фантастических известняковых башен — выветренных скальных останцев, произрастает низкорослый можжевельник *Juniperus pseudosabina*, на тюркском *арча*.

С перевала предстала пред нами воистину дивная панорама. На востоке, в самом низу узкого ущелья, в глубоком каньоне серебристой лентой извивалась река Угам^[64], а дальше один за другим, исчезая в бесконечной дали, вздымались хребты, увелённые вечными снегами

— то простирались горы Тянь-Шаня, постепенно растворяясь в пустынях Джунгарии. А на запад путь шёл вниз к волнообразным предгорьям и, насколько мог различить взгляд, — в смутные дали солнцем выжженной равнины Сырдарьи.

В первом же ауле я отослал назад своего проводника и нанял другого, киргиза. Лошадь при нём оказалась старой, зато отменной туркменской породы, с хорошим шагом и быстрой рысью. Идти на ней верхом было истинным удовольствием, так что на некоторое время я смог забыть, что на следующий день мне предстояло оказаться в русском поселении и, возможно, встретиться с органами Советской власти.

Проведя ночь в киргизском ауле, мы прибыли в разорённый русский посёлок под названием Дорофеевка, а иначе — Джангали, от тюркского *джангал*, что значит ча-

щоба (отсюда английское *джунгли*), которое название наблюдательный и смыслённый киргиз тут же переименовал в Джанганчи, что значит жулики.

Мы остановились возле большой крестьянской избы с вывеской «Местный Реввоенком», то есть «Революционный Военный Комитет». Пришлось какое-то время ждать «товарища» — главу этого учреждения. Тот был, разумеется, коммунистом и бойцом Красной Армии, и потому облачён в новенькую униформу, недавно введённую в Туркестане, — тёмно-синяя куртка с жёлтым галуном и красные шаровары. По роже был явный мерзавец и головорез. Медлительно и долго читал он мои «мандаты» и внимательно рассматривал печать. Я не очень волновался, ведь все мои документы с печатями и подписями не были подделкой.

— А почему, товарищ, вы следуете редко посещаемыми тропами, а не по главной Чимкентской дороге? — испытующе спросил он.

— Как же я могу проводить свои гидротехнические изыскания на главной дороге? — ответил я со снисходительной улыбкой.

— Хм... да... конечно, — с некоторым смущением промямлил Глава, — на дороге ничего..., нужно в горах. Но всё же, ваш путь должен быть распланирован.

Тут он взглянул на меня с бравой улыбкой. Но я не сдавался и отвечал с улыбкой превосходства, употребляя при этом как можно больше длинных слов, дабы оставить допросчика в дураках:

— Да как можно планировать путь исследований гидрогеологии региона и замера дебита артериальных потоков и его дренажной системы?

— Хм... да... конечно... это так... я вполне понимаю, товарищ. Видите, по правде говоря, не имел я времени учиться науке, так как от природы имею талант к политике, а науку учил в основе... — тут он срезался окончательно и завершил: — Что ж, хорошо... Эй, товарищ Хромов!

Распорядитесь, чтобы Исполком обеспечил топографа Новикова верховой лошадей и проводником.

Исполком, должно пояснить, есть слово «собирательное», означающее Исполнительный Комитет, и это слово среди коммунистов одно из самых излюбленных.

Я отправился вместе с моим проводником к караван-сарая, а по дороге купил большую ароматную дыню, послужившую мне на пользу в двояком отношении: не только в качестве отменного и освежительного завтрака, но и в роли неожиданного защитника от весьма грозной опасности. Неожиданно встретился я взглядом с человеком, которого знал раньше — геодезистом из Туркестана, — тот шёл мне прямо навстречу. Большевиком он не являлся, но с ними сотрудничал. Рядом шагал субъект, с головы до ног облачённый в чёрный кожаный костюм, верный атрибут коммуниста. Оба о чём-то сосредоточенно беседовали, но встреча лицом к лицу казалась неизбежной. Тут я поднял дыню к своему носу, будто с целью насладиться ароматом её, и лик мой оказался скрытым, если не считать взъерошенной бороды поверх кожаной куртки. Пожелай они заговорить со мною... ох!, навряд бы выпало мне писать эти строки.

Казалось, лошадей придётся ждать целую вечность, так что, пренебрегая опасностью пребывать на виду всего посёлка, пришлось вернуться в Исполком, дабы ускорить дело с лошадьми. Я застал членов комитета во дворе, в компании крестьян, лениво споривших, на чью долю приходится дать лошадь и стать проводником. Все твердили, что, дескать, теперь самая уборка урожая, пора горячая, время рабочее, все предельно заняты и т.п., хотя сами спорящие «труженики», из коих половина пребывала в подпитии, околачивались в посёлке без дела.

Устав ждать и стремясь как можно быстрее покинуть столь опасное место пребывания среди неприятного окружения, я, в конце концов, обратился к самому Председателю и заявил ему решительно:

— Послушайте! Я не для забавы рискую своей головой, разъезжая по горам, а исполняю задание Правительства рабочих и крестьян, которому все мы должны быть преданы, а потому, товарищ председатель, пожалуйста, поторопите своих подчинённых и дайте указания тотчас предоставить мне лошадей.

— Эй, вы там! Поживей! Хватит базарить. Забирайте вон тех лошадей и прочь, а не то... — заорал Председатель на крестьян, которые между собой по-прежнему спорили.

Я выехал через час и к вечеру прибыл в село Трёхсвятское, расположившееся в предгорьях плодородной долины. Здесь вновь пришлось остановиться возле дома председателя исполкома; им был сравнительно молодой человек, служивший ранее солдатом в царской армии. Занят он был тем, что пристально следил за обмолотом весьма приличного урожая. То был первый населённый пункт на моём пути, где наблюдалось изобилие зерна и продовольствия вообще. Начиналась местность, где посевы и скот не были ещё разорены посредством разного рода коммунистических выдумок и большевистского грабежа.

Видя такое изобилие, я дивился, отчего они не шлют зерно отсюда в голодающий Ташкент, где фунт хлеба стоит уже сотню рублей. По невероятной своей глупости вкупе с непоколебимым упрямством, коммунистические власти, взявшие на себя проблему снабжения и продовольствия, запретили не только вывоз товаров из голодающих областей, но также их ввоз! Красные дозоры на всех путях изымали у проходящих и проезжих даже пустяковые кульки с мукою, провозимые в город, вероятно, тайком для родни и друзей, страдающих от голода.

Во время чаепития, принимающий хозяин мой всюю распространялся касательно своих политических воззрений. По рассуждению его выходило, что для России непригодны не только советское или большевистское правление, но также правление царское и даже любая «буржуйская» республика; подходящей формой должна быть республика

«демократическая». Будучи немало удивлён столь возвышенным политическим мировоззрением простого деревенщины, я расспросил его о предмете несколько более подробно и, к своему разочарованию, обнаружил, что под демократической республикой он понимает такой порядок, при котором русские колонисты могут свободно забирать все земли у киргизов Туркестана и делить их между собой.

— У них, свиней, земли предостаточно! — заключил он своё политическое кредо.

Чай готовила его супруга; она сервировала стол вкуснейшей сметаной, сливочным маслом, яйцами и превосходным пшеничным хлебом; такого я не видал уже пару лет, а в Ташкенте о подобном и думать забыли.

— Ешьте, ешьте, — напутствовала она, — будьте как дома; извините, что хлеб самый обычный, булочек не напекла.

В ту ночь, весьма прохладную, спал я на ворохе свежего сена, мягкого и тёплого. Наутро по распоряжению председателя исполкома молодой киргиз привёл лошадей, и мы двинулись дальше. Путь шёл вдоль подножья горной цепи, далеко простиравшейся в восточном направлении. Холмистая местность, кое-где прорезанная ложбинами быстрых горных рек, сплошь была покрыта полями зерновых и клевера, пастбищными лугами, фермами киргизов и русских. Заночевали в русской деревне Май-Булак, что по-киргизски значит нефтяной родник. Пожилой хозяин дома, где мы остановились, предложил мне осмотреть расположенную неподалёку в горах старую шахту с обширными подземными выработками, где было найдено множество древних орудий труда. По его рассказу, в дореволюционное время киргизы обычно поставляли оттуда, с тех гор, первоклассный уголь для кузниц. «Нынче всё пропало, бог знает куда, а у нас нет угля вообще», — завершил он.

Здесь, равно как и в других русских поселениях в Семиречье, я был поражён, до какой степени русские посе-

ленцы находятся в зависимости от киргизов. Последние делали всё: трудились на полях, заботились о скоте, возили уголь каменный и древесный и т. д. Иногда они даже брали в аренду свои же собственные земельные угодья, отнятые у них прежним правительством в пользу переселенцев из России. Такова была система колонизации этого края, она же послужила основной причиной недовольства киргизов русскими властями и привела к восстанию 1916 года^[65]. Власти пытались придать своим порядкам вид законности такими словесными увёртками, как «благотворное влияние русских переселенцев на диких кочевников» — таковое же проявилось в приучении киргизов пить водку на благо имперским доходам, тогда как сами по себе киргизы, как истые магометане, — народ в высшей степени трезвый.

Мне крайне важно было как можно скорее покинуть столь опасные для меня окрестности Чимкента, так что пришлось отклонить заманчивое предложение осмотреть старую шахту, сославшись на недостаток времени.

«Тогда приезжай снова, — уговаривал он. — Здесь вокруг так много интересного. Вот, к примеру, ты ведь будешь переправляться через Аксу, там, в теснине одной из впадающих в неё рек есть целая гора „стальной руды“. А в следующем посёлке когда-то жил кузнец, что нашёл золото в одном из тех ущелий. Он уходил туда на два-три дня и возвращался с фунтом золотого песка, потом кутил, пока всё не пропьёт. Пропал, в конце концов».

Утром следующего дня мальчик из местных, лет четырнадцати, привёл лошадей. Одна из них, доставшаяся мне, была типичной киргизской лошадкой: сильная, с прямой шеей, с длинной густой гривой и большим пышным хвостом. Отличная кобыла, ещё исполненная сил, она сразу же взяла хороший аллюр, не дожидаясь хлыста и шпор. Несколько вёрст живой рыси, и начался крутой спуск в долину реки Аксу, которая протекала здесь по дну глубокого и тесного каньона среди отвесных

стен из конгломератов. Головокружительный спуск круто ниспадал к мосту через поток, срывающийся в пропасть и бешено ревевший в своей теснине. Мост представлял собой ряд длинных брёвен, своими концами опиравшихся на контрфорсы из прочных балок и крупных камней. Поверх брёвен уложены связки хвороста, присыпанные землею. Всё это сооружение, выполненное без гвоздей и вообще каких-либо узлов из металла, типично для горных районов Средней Азии; подобные мосты строятся местными жителями во всём Туркестане вплоть до гор Индии. Этот же отличался особой длиною и одним своим видом приводил в трепет. Киргизёнок мой, до того на всём пути державшийся первым, у моста осадил и принял в сторону, как бы предоставляя мне честь первому сорваться в зияющую пропасть. Но я уже знал, что подо мною крепенькая киргизская кобыла, которая в жизни своей повидала многое и знает своё дело; к тому же постоянная опасность оказаться в лапах врагов притупила во мне чувство страха, и я подал лошадь вперёд без особого волнения. Та выступила отважно, полным шагом. Мост затрясся, будто был на пружинах, но кобыла шла, как ни в чём не бывало, и бодро преодолела крутой дальний конец его. Тогда мой спутник двинулся следом. После полудня, однако, его лошадь начала сдавать, так что пришлось заехать в ближайший аул и сменить её на другую. Путь пошёл вверх по небольшой долине к перевалу, где поперёк пути предстал внушительный скальный барьер, за которым внизу на многие мили в северном направлении простиралась равнина, плоская как стол, а за ней виднелся другой высокий горный хребет, Каратау. Мы стояли на взбросе большого разлома в известняках, из которых преимущественно сложены окрестные массивы. Путь вниз не составлял труда, и мы резво направили лошадей в долину. Моя кобыла пошла самым изящным аллюром, её приходилось больше сдерживать, нежели прищипывать.

На закате дня достигли села Высокое, где остановились на постоялом дворе. В тот день за 10 часов преодолено было 72 версты горного пути, и пришлось задать лошадям двойную порцию овса — роскошь не малая в то время.

Утром, в то время как готовились лошади, владелец постоялого двора стал жаловаться мне, что, дескать, невыносимое время настало для всех из-за этой большевистской революции: обиды, всеобщее разорение, грабёж зерна у крестьян; жаловался, что Правительство Советов запретило наёмный труд, а это всё равно как запретить сельское хозяйство.

— В прежние времена молодёжь наша была жизнедеятельна и хлопотлива, а нынче стала несносной, и ничего с нею не поделаешь. Киргизские дети лучше, у них хоть советь имеется, — заключил он.

Когда-то я слышал, что где-то неподалёку от этой деревни в горах, среди почти неприступных скал есть пещера, где некогда была установлена статуя, некий идол из терракота; будто бы русским удалось туда проникнуть; идола они повергли, а под ним нашли серебряное блюдо с некоторым количеством очень старинных золотых монет. Спросил, что-нибудь известно об этом?

— Конечно же, знаю о том, пещера почти недоступна, но парни наши спустились туда на верёвках; они сорвали идола и нашли под ним старинные монеты. Точно как ты сказал.

— Так что же стало с монетами?

— Да переплавили их и пропили. Боже, у них столько было денег, что за целый век, казалось бы, не пропить!

— А зачем же идола-то бросили, — спрашиваю, — могли бы продать за хорошие деньги.

За одно только блюдо могли бы получить больше, чем за монеты.

— Да лень было. Идол-то тяжёлый, и тащить его из пещеры стоило хлопот немалых. Вот как раз то ж вышло

с механиком насосной станции на Арыси, когда тот расстрелял вдребезги статуи китайский.

— Что ещё за статуи? — удивился я.

— Механик тот с друзьями, что тайно вели раскопки среди развалин Отрара, нашли подземную комнату. Извлекали оттуда, говорят, много интересного. Преуспевали! Подняли и куклу китайскую, метра полтора высотой. Кольцо у неё такое на голове и дырки в ногах, для прикручивания к полу, наверное. Долго валялась она у механика во дворе, но однажды, в день рождения его, пришли дружки, напились до чёртиков и стали упражняться в стрельбе из ружей. Разнесли её вдребезги!

Вероятно, немало реликтов буддистского искусства пали жертвами пьяных выходов со стороны русских крестьян. Буддизм в здешних местах был весьма распространённою верой до арабского завоевания. Отрар являлся богатым средневековым городом, расположенным неподалёку от слияния рек Арысь и Сыр-Дарья, торговым центром между Китаем, Персией, Византией и Европой. Разрушен монголами, но восстановлен из развалин и процветал при Тамерлане, который в том городе и скончался. Современные руины Отрара покрывают значительную площадь ныне безводных земель близ станции Тимур Ташкентской железной дороги.

Пополудни добрался я до почтовой станции села Бурное. Предъявил свои «мандаты» властям и получил экипаж одвуконь; двинулся дальше как заправский советский чиновник, трудящийся во славу Правительства рабочих и крестьян.

Земли вокруг расстилались плодороднейшие, дивные пастбища и луга оживляли речные долины. А справа по ходу (на юге — пер.) вздымались горы, увенчанные снегами, откуда ниспадали бесчисленные горные потоки.

Воистину казалось, будто целая вечность прошла с тех пор, как я последний раз путешествовал на почтовых. Радостный звон бубенцов под дугой и мерный стук копыт

по травянистой степи пробуждали память о моей ранней юности, когда частенько доводилось мне перемещаться вот таким способом по Южному Уралу и степи оренбургской — о них напомнили мне окрестные пейзажи!

Многие из здешних горных рек золотоносны. В теснине одной из них — реки Талас, на отвесной скале найдена была загадочная надпись, высеченная буквами, которые не встречались в азиатской письменности, древней или современной. Позже я выяснил, что таковыми же начертаны знаменитые письма Орхона, на далёком Енисее. Со временем они были разгаданы датским археологом профессором Томассеном, который доказал их принадлежность к языку Уйгурскому, т.е. древнему языку тюркских народов, называемых теперь киргизами. Интерес представляет тот факт, что знаки Орхонской письменности идентичны, с одной стороны, киргизским *тамга* — то бишь, родовым знакам отличия и клеймам^[66], а с другой стороны, соответствующим древнему арамейскому алфавиту — письменной основе языка Палестины во времена нашего Спасителя, который (язык) и заменил собою древнееврейский (т. е. Ветхзаветный — пер.) и стал национальным. Трудно сказать, заимствованы ли *тамги* из языка арамейского или они старше. Отдельные из них, что нередко встречаются на скалах в Киргизии, относятся к весьма древним эпохам. Тюрки сами по себе являются народом с культурой античной, и не следует забывать, что самая древняя из всех известных цивилизаций, даже более древняя, нежели ассирио-вавилонская, была цивилизация шумерская, а шумеров считают родностью, относящейся к тюркской группе.

Такие вот размышления о далёком прошлом человечества может вызвать нехитрое тавро на крупах киргизских лошадей — обычное клеймо их владельца!

Глава XI. Пишпек

Затемно прибыл я в Аулие-Ата^[67], что в переводе значит Гробница Патриарха. Подобно многим вновь появившимся русским городам, этот был разбросан на несообразно огромной территории. Как будто здесь замыслил кто-то создать конкурента Петрограду либо самому Парижу. Базар по размерам не уступил бы Площади Согласия, так что даже пересечь его оказалось делом не из лёгких. Конечно же, здесь никто ничего и не думал планировать. Но с другой стороны, каждый дом представлял собой полноценную усадьбу с огромным подворьем и садом. Все здания выполнены из необожжённого кирпича. Ни мостовых, ни тротуаров, ни водопровода. Все сооружения, на что бы ни притязали, равно и мастерские почтовой станции, были в самом ужасном полуразрушенном состоянии. Лошади не ухожены, экипажи поломаны. Управление почтовой службой района изначально осуществлялось подрядчиком, но перешло в руки «пролетариата рабочих и крестьян». Весь день туда-сюда носились конные двойки и тройки с полупьяными рабочими и возчиками, что сквернословили безбожно и хлестали лошадей безжалостно. Несчастные животные все в поту и пене, с глазами дикими, несли экипажи, словно безумные. Вокруг шум, вопли и крики...

— По что так издеваетесь над бедными созданиями? — вопрошаю начальника станции.

— А что я могу? — отвечает. — Пролетариат во власти и заново объезжает лошадей, национализированных у киргизов. Наши-то загнаны насмерть или почти загублены.

Лишь к вечеру удалось найти пару лошадей, чтобы прочь убраться из этого мерзкого пристанища. Только я

собрался трогаться, как подошли маленькая девочка с матерью, попросились в попутчицы; мать работала учителем в посёлке, что прямо по пути, но вот «мандата» для найма почтовой повозки не имела. В моей же места было достаточно, и две пассажирки могли придать мне более «мирный и респектабельный» вид, так что я с радостью согласился.

Как только выбрались из города, предстало нам пересекать вброд реку с быстрой, удивительно чистой и прозрачной водой. Глубоко было настолько, что дно повозки накрыло, и тут мои попутчицы извлекли пиалы и, не сходя с места, зачерпнули воды и с видимым удовольствием утолили жажду.

Ночевали на ближайшей станции и весь следующий день почти всё время плелись по сухой и пыльной равнине; к вечеру добрались до посёлка Луговое, где встретились с некой «военной миссией» — большевистской группой из Копала; это как раз на границе Семиречья, в местности, захваченной белоказаками и киргизами из Сибири.

В этом отдалённом, обособленном и плодородном сельскохозяйственном районе никогда не существовало ни помещиков или крупных землевладельцев, ни пролетариев, ни фабрик и заводов, ни «эксплуатируемых масс» или просто люда безземельного, а потому непостижимо, что и как здесь нашлось в качестве идей и забот для коммунистов. Члены большевистского комитета — «делегаты», как они сами себя именовали — с виду типы допотопные, а по сути — дикари. Когда прислужница запоздала с самоваром для чая, пара этих самых делегатов решила, что надо бы «врезать ей по челюсти». Они было поднялись исполнить дело, но тут уж я принялся их урезонивать, напоирая на то, что девушка, как и они сами, происхождения пролетарского. В ответ прозвучало что-то вроде следующего:

«У нас всего достаточно, мяса и хлеба, и всё дёшево, а вот товаров нет. Мы рады принять в партию каждого,

но им придётся идти на фронт и сражаться с казаками. А не захотят бороться за социалистическое отечество, так мы им зададим хорошую порку!» Сами-то они были, видимо, довольны тем, что возвращаются в Ташкент, где и надеются задержаться подольше, чтоб как можно дальше быть от фронта и всякого рода «гражданских позиций».

Ночь следующую провели в Мерке — поселении, некогда процветающем и богатом, а ныне пребывающем в крайнем запустении. Здесь, однако, впервые за весь путь нам удалось раздобыть яиц и поесть плова, что несколько улучшило наше расположение духа. Мерке расположен у самого подножия гор, чрезвычайно богатых дичью, как-то: горный козёл, кабан и дикая овца, включая очень редкий дикий вид *Ovis heinzii*^[68]. Когда-то здесь были превосходные охотничьи угодья.

Утром остановились для завтрака в посёлке, где дорожным инженером как раз служил брат моей попутчицы. Молодой парень прямо и открыто говорил, что не намерен работать на большевиков и всерьёз рассматривает замысел бежать через Балхашскую степь в армию Колчака, к чему уже начал свои приготовления. Также сообщил, что в посёлке есть тайная организация, содействующая тем, кто желает сменить «коммунистический рай» на свободу. Сестра идею одобрила, а мать-старуха благословила сына на путь долгий и рискованный. Звал он и меня с собою, но я отказался, ибо не видел в его замысле хорошо продуманного и ясного плана.

Весь день ехали по отменным лугам и пастбищам, часто встречали кочевников-киргизов, и потому имели чудесную возможность вкушать первоклассный кумыс (кобылье молоко) — это наилучшее освежающее и восстанавливающее силы питьё, питательное и бодрящее. Затем потянулись русские посёлки, устроенные довольно странным образом: улица длиною миль тридцать, да и только! Это целая серия деревень с такими названиями как Белые Воды, Кара-Балта, Александровка, Дунган-

ка и т.п., и все они слились в такую вот бескрайнюю непрерывную улицу, одновременно являющуюся почтовым трактом. Несмотря на сухой сезон, дорога местами была почти непроезжей. Колёса нашей повозки вязли по ступицы, и лошади вытягивали её с трудом. Каждый дом имел свою усадьбу, зачастую весьма обширную, но разбросанную без всякого видимого порядка. Вдоль улицы ряды деревьев. За избами обширные подворья, сады и поля клевера, всё на фоне густой зелени вязов, ив, тополей.

Во время Киргизского восстания 1916 года посёлок Белые Воды подвергся нападению повстанцев; много жителей было убито, несколько женщин похищено киргизами. Но когда восстание было подавлено, поселенцы взяли жестокий реванш: свыше семисот киргизов уничтожили, включая и многих из тех, кто в восстании не участвовал. Страсти и злоба разгорелись настолько, что даже русские женщины вилами выкалывали глаза у пленённых киргизов.

Причина недовольства киргизов русским правлением была связана с несправедливым изъятием земель в пользу русских переселенцев; были и многочисленные правонарушения со стороны местных властей при реквизиции скота, лошадей, юрт и т. д. в военное время под предлогом удовлетворения государственных нужд. Разумеется, восстание было подготовлено и осуществлено германскими агентами и турецкими военнопленными при молчаливом одобрении со стороны высшей так называемой «русской» администрации. Петроградское правительство не сумело придумать ничего лучшего, как назначить на должность генерал-губернатора Туркестана в военное время немца фон Мартсона^[69], а военным губернатором Семиречья другого немца, Фольбаума^[70]! Фон Мартсон спровоцировал восстание мусульман Туркестана умышленно, принудив их к тыловым работам в прифронтовой полосе.

Конфискация земель у киргизов в пользу русских поселенцев была не только незаконно, но и грубым экономическим просчётом. За счёт малозатратного животноводства в Киргизии России удалось занять выгодное положение в Европе в отношении продаж огромного количества лошадей, овец и крупного рогатого скота, дешёвого мяса, кожи и молочных продуктов. А русские крестьяне могли производить лишь зерно, вывозить которое из здешних мест не было никакой возможности. Сверх того, большевики «исправили» ошибку имперского правления, но действовали по своим понятиям. К тому времени, когда я очутился в Семиречье, большая часть русских поселений была выжжена, разорена и полностью разрушена, а сами поселенцы либо перебиты, либо покинули свои плодородные земли, которые при управлении более благоразумном могли бы обеспечить благополучие всеобщее. В одной из деревень попутчицы меня покинули, и я продолжил путь один. На первой же станции, где надлежало сменить лошадей, почтмейстер сказал, что располагает одной лишь тройкой, и она уже затребована парой красных комиссаров, следующих в Верный (Алма-Ата, совр. Алматы — пер.).

— А покажите-ка их мандаты, — в свою очередь потребовал я, выражаясь как можно более официальным тоном. Рассмотрев их тщательно, я нашёлся с ответом:

— Смотрите-ка! Мандаты их выданы Исполкомом Верного, а мои — центральным руководством Ташкента и поэтому имеют приоритет. Ваш долг передать тройку мне.

— Вы правы, — вынужден был согласиться почтмейстер. — Я распоряжусь, чтобы тройку запрягли в вашу повозку.

Но теперь объявились сами комиссары и начали оспаривать права на лошадей, я же твёрдо стоял на своём, заявив решительным тоном о необходимости соблюдать «революционную дисциплину». Они тотчас же успокоились, но предложили компромисс: поскольку у них много

военного груза, а у меня вещей немного, запрячь их экипаж, который по размерам больше моего, и двигаться дальше сообща. На это я согласился, и мы направились в Пишпек.

— Ведь Ваша фамилия Новиков, не так ли? — спросил один из комиссаров. — В Верном есть несколько Новиковых, быть может, они Ваши родственники?

— Они староверы, старообрядцы?

— Да.

— Тогда родственники наверняка. Напомните им обо мне, когда встретите.

Вот так я окончательно утвердил свою подложную личность. Об этом курьёзе стоит упомянуть, так как по чистой случайности, как раз в это время был один такой комиссар в Верном, коммунист, совершеннейший негодяй... с моей фамилией — Назаров!

Город Пишпек получил своё название от одного киргиза, чьи стада некогда паслись в местах здешних. Расположен в уютной зелёной долине у подножия Александровского хребта (ныне Киргизского, Кыргыз-Алатоо — пер.), являющегося частью Тянь-шаньских гор. Сей кряж вздымается круто от края долины до зоны вечных снегов, и в чистом воздухе легко различить многочисленные теснины ущелий, массивы гор меж ними, сверкающие ледники, яркие снежные откосы. Великолепная панорама!

Бесчисленные горные потоки чистой холодной воды стремятся с отрогов этого величественного хребта. Русл рек как будто выложены мозаикой из яшмы, конгломератов и прочих разноцветных пород, смытых с горных склонов. Улицы города, там и тут потоками горных рек пересекаемые, имеют вид своеобразный. Пишпек раскинулся на большой территории, как, впрочем, и другие города Семиречья. Широкие улицы окаймлены деревьями, много мест открытых, местами сплошь заросших травой, многочисленные сады, оросительные каналы по обеим сторонам улиц. Когда въезжали в город, заметил я парочку птиц-

песчанок (песочник, мелкий кулик — *Calidris* — пер.), что прогуливались возле дороги с независимым видом.

Подъехали к гостинице, единственной в городе. Пока готовили мне комнату, вышел я на лестничную площадку, откуда, как с наблюдательного поста, был свидетелем забавного случая. Женщина, не слишком молодая и привлекательная, однако прилично одетая по тогдашнему времени в белое, нервно прогуливалась взад и вперёд возле лестничного марша, очевидно, кого-то поджидая. Вдруг она подхватила с обочины улицы приличных размеров булыжник. Спустя несколько минут из двери гостиницы вышла молоденькая девочка, плохо одетая и вида самого домашнего. Словно тигрица, женщина в белом набросилась на девочку и нанесла ей удар камнем по голове. Брызнула кровь, и обе заорали и завизжали как бешеные. Я уж решился разнимать дерущихся, когда те, выкрикивая что-то, переместились на улицу. Отовсюду стал прибывать народ, явился запыхавшийся *милиционер* — то бишь подобие полицейского, и я решил, что благоразумным будет для меня смыться в свою комнату. Но даже после этого судьбе было угодно, чтобы стал я свидетелем окончания столь необычной сцены. Попив чаю, вышел я в коридор гостиницы и увидел женщину и девочку, сидящих бок о бок. А перед ними с видом оратора на митинге, с двумя пистолями на поясе, весь в обличье чёрной кожи, предстоял комиссар, который оказался мужем женщины в белом. С самым внушительным видом он распространялся перед обеими о «коммунистической системе нравственности», красноречиво описуя, как они своим неприглядным поведением принижают достоинство и честь его как комиссара, коммуниста и командира местной милиции. Разъяснял он, как в Коммунистическом сообществе не бывало и не может быть места столь вульгарному чувству как *ревность*. Ревность! Что за буржуйщина! Чудовищно! Достойны наказанием было бы расстрелять обеих, но он по сердечному милосердию сво-

ему, как истинный сын пролетариата, готов великодушно простить. Красноречие командира местной милиции, очевидно, возымело своё действие на провинившихся, поскольку вечером я увидел всех троих мирно сидящими на нижних ступенях лестницы и лущащими семечки подсолнуха.

Позже отправился я в прогулку по городу. Некогда богатый, с процветающей торговлей город был мёртв. Базар пустовал, магазины закрыты и заколочены; люди вид имели подавленный и несчастный, взгляды их исполнены страха. Нигде не услышал я отголоска песен, не встретил улыбки. Не только русские, но и киргизы, сарты и дунганы^[71] выглядели горестно-печально. Диктатура пролетариата тяжестью навалилась на эту удалённую, но богатую провинцию, где изначально каждый, за исключением горстки солдат и служащих, был сам себе господином, каждый горожанин имел свой дом и сад, каждый сельский житель — своё поле и двор, где до революции пуд пшеницы стоил десять копеек, мёд применяли для смазки колёс, так как стоил лишь семь копеек за фунт, а масло машинное — вдвое дороже. Здесь был край, где киргизы имели табуны из десятков и тысяч лошадей, пасли стада из сотен и тысяч овец, где доподлинно бедняк скитался по аулам в поиске подаяния верхом на лошади.

Отребье городов и местные криминальные сообщества явились в Туркестане строителями «коммунистического рая».

Чудовищные плакаты на стенах домов и в витринах пустых магазинов оповещали трудящиеся массы об успешном развёртывании мировой революции; грандиозную картину изображали карты мира, раскрашенные красным цветом в тех местах, где революция свершилась. Красной была вся Россия, Германия, Венгрия; темно-красной — Франция, Англия, Италия. Вся в огне Ирландия, Афганистан, Индия и Египет. Соединённые Штаты подпалены, и красные пятна появились в Австралии

и Новой Зеландии. Только моря и океаны оставались ещё белыми.

Когда бродил я по базару в надежде купить немного свежего хлеба, то вдруг услышал звуки военной музыки: из-за угла одной из улиц показалась процессия с красными флагами. Ради предосторожности я занял позицию позади опоры здания одного из пустующих магазинов. Как обычно впереди шла ватага мальчишек и собак, а вслед за ними группа коммунистов с красными флагами. Среди них я распознал Александровича, бывшего директора технической гимназии в Ташкенте, который был уволен за воровство и считал себя обиженным «кровавым царским режимом». Далее шествовали солдаты Красной Армии и оркестр, фальшиво исполнявший Интернационал. За ними тащилась пара пулемётов и старое оружие. Процессию замыкал отряд Красной кавалерии. Обыватели, прохожие и прочие подданные «наисвободнейшей страны мира» робко прятались по своим домам и за ближайшими дверями.

На следующий день после моего прибытия в город, когда уже наступали сумерки, я вышел на мостовую возле гостиницы. Мой взор случайно пал на окошко, ярко освещённое стеариновыми свечами, что было роскошью тогда, доступной лишь комиссарам, и увидел лицо, мне знакомое: комиссара Гриневича из Ташкента. Во время войны он был немецким шпионом, а ныне — «полноценным» коммунистом, членом ЧК, сотрудничал с Пролетарским Университетом. Гриневич знал меня в лицо, а потому следовало мне скрыться от него как можно быстрее.

На следующий день я посетил дом одного моего знакомого, который прибыл в Пишпек из Ташкента несколько раньше меня. Дом его расположился над широкой долиной реки Чу, поросшей изумительно пышною зелёною травой, которая местами выше человеческого роста. В долине есть озеро, где обитает множество уток, и фазаны изобилуют в прибрежных зарослях; каждое утро в одном

и том же направлении летят стаи дроф, а осенью прибывают огромные стаи стрепета (*Microtus tetrah*) — охотничьи-промысловых птиц, ценящихся в гастрономическом отношении.

Как раз во время охоты на фазана знаменитый наш исследователь Н. М. Пржевальский неосмотрительно напился сырою водой, в результате чего заразился тифозною лихорадкой и скончался на берегу озера Иссык-Куль. Долина Чу (название имеет китайское происхождение) чрезвычайно плодородна, нигде более не встречал я столь великолепных овощей и такого отменного картофеля.

Климат Семиречья не столь жарок по сравнению с Ташкентом; зимы более протяжённые; снег выпадает ежегодно и держится месяц или два; весною достаточно дождей; лето не так продолжительно как там, но всё же достаточно сухое, так что в большинстве мест для ведения сельского хозяйства и промышленного садоводства требуется искусственное орошение. Хлопок здесь не произрастает, но великолепны условия для зерноводства и виноградарства, особенно в ряде горных долин со слегка каменистыми почвами. Вина здешние не столь крепки как ташкентские, но с лучшим ароматом, истинно великолепные столовые вина. Один мой хороший друг, А. Н. Иванов, специально изучавший виноградарство во Франции, заложил отменные виноградники под Пишпекком и стал производить вина. Он вложил в это предприятие значительные средства, но в 1919 году был расстрелян большевиками как «буржуй и эксплуататор трудящихся масс». На плоскогорьях и в межгорных долинах превосходно вызревают яблоки и груши, а в некоторых, защищённых от северных ветров, — даже абрикосы и персики.

Арбузы здесь не столь крупны как в Ташкенте, но по сочности и ароматности им нисколько не уступят, возможно, вследствие большего разнообразия сортов. Арбуз даёт такие обильные урожаи и настолько сладок, что,

как будет показано дальше, даже явился источником «злоключений» для этой благословенной страны. Отличные результаты даёт в горных долинах табаководство, и табачный лист ни в чём не уступит крымскому. Опиум Семиречья пользуется большим спросом в Кашгаре. Природа щедро наделила край разнообразием полезной растительности.

Я покинул Пишпек и направился в Верный, где благодаря моим официальным рекомендательным документам, я устроился на службу в одном учреждении и был направлен осуществлять свои «гидротехнические изыскания» в долине реки Чу. В моё распоряжение был предоставлен лёгкий экипаж с парой лошадей и возничим. Это было как нельзя более кстати, так как давало свободу и независимость для жизни среди столь излюбленной мною природы.

Глава XII. В Семиречье

Моей первой экспедицией была поездка в горные леса верховий реки Чу и долины её притока Кебен. Благоприятным сентябрьским днём выехали мы из города в восточном направлении. Лошади были свежими и взяли хороший темп рысцей по гладкой дороге, лёгкая повозка шла свободно. Легко было и у меня на душе, так что я с интересом озирался по сторонам, наблюдая края, мне до сей поры неизвестные. Слева протекала Чу с её заливными берегами и прибрежными зарослями; справа вздымались горы на фоне ясного утреннего неба, их заснеженный кряж сверкал как расплавленное серебро, а бесчисленные горные теснины, рассекавшие его, были темны и таинственны. Миновав ряд русских деревень с их неизменными трясинами грязи, мы выехали на обширную возвышенность, где покоились развалины древнего городища Баласагун^[72]. Среди сухой глинистой и бесплодной земли я мог отчётливо различить следы улиц, конюшен, оросительных каналов и крупных построек. Различимы были останки древних городских стен, башен, укреплений и палат. В Средние века это был населённый и процветающий город с множеством садов и красивых строений; он осуществлял бойкую торговлю с Европой и далёким Китаем. Его склады полнились дорогостоящими товарами, вышивными изделиями, драгоценностями... Но в двенадцатом столетии, после долгой и разрушительной войны, город был захвачен и разграблен Кара Китаем^[73], вторгшимся с востока. Сорок и более тысяч жителей, включая женщин и детей, были подвергнуты резне на улицах Баласагуна; земля пропиталась кровью, и некогда процветающий город превращён был в кладбище и пустыню, в каковом виде пролежал восемьсот лет в центре богатого и плодородного края. Инте-

ресные предметы зачастую удаётся обнаружить среди развалин, особенно после сильных дождей, такие как древняя утварь, изделия ремёсел, драгоценные камни и ценные украшения. К счастью сухая почва возвышенности, на которой стоял город, ревниво укрыл эти археологические ценности от добытчиков будущих поколений, в частности от варварства русских крестьян и жадности законченных бандитов — коммунистов.

Эта часть Семиречья изобилует останками древности, курганами, старинными сооружениями и укреплениями: край плодородный и для жизни благоприятный, он всегда привлекал осёдлое население с давних времён. Одним из наиболее замечательных реликтов являются оссуарии^[74]. Они представляют собой удлинённые вместилища, выполненные из обожжённой глины с крышкой длиною от двух до двух с половиной футов в длину и от полутора до двух футов в ширину. Наружность украшена нехитрым орнаментом и иногда рисунками человеческих фигурок, голубей или животных. Внутри всегда находят человеческие кости, а более ничего; оные кости всегда заботливо очищены, без следов прилегающей плоти. Иногда окрашены красным. Каких-либо надписей в оссуариях не находили.

Что за народ установил столь необычный способ захоронения и когда сей народ жил? Описанный вид погребальных урн встречается в Туркестане повсеместно, где есть оседлое население, и явно соотносится с разными эпохами. Иногда, но редко, находят экземпляры с несторианским крестом на крышке. Много было предпринято попыток разъяснить значение этих урн, но все они более или менее умозрительны. Мне кажется, что ответ к загадке кроится в глубоко укоренившемся в человеке желании, чтобы его кости-останки покоились в его же собственном доме. Вплоть до настоящего времени в Средней Азии существует обычай останки богатых и выдающихся людей, скончавшихся где-то, возвращать в дом, который ранее был их собственным. Известный натуралист Н. А. Зарудный^[75] расска-

зывал мне, как однажды он встретил в пустыне Кызыл-Кум двух киргизов, увлеченно занятых очисткой костей полуразложившегося тела с целью размещения их в жилище. В прежние времена, разъяснили киргизы, подобный способ «погребения» был широко у нас распространён; люди немагометанского вероисповедания, обычно использующие для захоронения тел гробницы и саркофаги, изготавливают погребальные урны для костей покойников из числа друзей и выдающихся людей, скончавшихся вдали от дома, дабы возвратить останки в родное жилище.

Въехав в большое и процветающее русское село Ивановка, где сделали остановку для еды и отдыха лошадей, был я немало удивлён царившей здесь атмосферой всеобщего веселья. Мужчины и женщины шествовали по улице в тесном содружестве; дикие вопли звучали повсюду; тут и там маячили какие-то пьяные люди, одни валялись без чувств на земле вдоль арыка, другие, промокшие до нитки, все в грязи и глине, цепляясь за изгороди, пытались выбраться из канав, в кои видимо недавно рухнули. И всё это с какой-то лёгкостью сердца... и головы. Воздух полнился пьяными криками, непристойными песнями и нечистой руганью, столь характерными для русских крестьян. По всей видимости некое празднество было в самом разгаре, и вся обстановка резко противостояла той, что царила в угрюмом и придавленном городе, который я покинул. В ряде жилых домов наблюдалось сильное оживление: женщины рубили арбузы на большие куски и швыряли их в чаны...

— Что это тут у вас за празднество такое? — спросил я служащего почтовой станции, где остановился. — Празднество? Какое там, — ответил тот презрительно, — нагнали самогона из арбузов и третью неделю пьянствуют. Научились делать заменитель водки и больше ничего другого делать уже не хотят.

— И долго ещё это будет тянуться? — А пока все арбузы в водку не перегонят. Боюсь, что ещё месяц будут пить и горланить.

Одна добрая женщина поднесла мне несколько отменных яблок, и взять за них деньги отказалась.

— Я работаю здесь, — говорит, — в конторе Комиссии по орошению, сторожем-смотрителем. У меня хорошее жалование и чаевые, наверное, больше чем у вас.

— Я получаю двенадцать сотен рублей в месяц.

— Ха! А я — три тысячи шестьсот.

— Как? Это больше, чем имеет наш начальник, у него оклад две тысячи. Что это за работа у вас такая?

— Платят не за работу, а сколько потребно для семьи. У меня четверо детей, а работа небольшая, пол подметать, да и то не всегда, раз в неделю, — весело отвечает собеседница.

Вот такие принципы у коммунистов — положение, как основа начисления дохода. Талантливый, многоопытный инженер получает меньше простой уборщицы. Каждому по потребности, хотя потребности рассчитаны на голодную диету. Хлеб двадцать пять рублей за фунт, мясо — сто пятьдесят.

Возле Ивановки есть очень интересный источник, где вода содержит селитру. Местные охотники воду выпаривают и получают селитру для изготовления хорошего ружейного пороха.

Дорога в город Токмак^[76] шла через травянистую низину, местами поросшую кустарником: стога сена тут и там; фазаны, свободно бегающие возле дороги и среди кустов. Стаи уток над головой держали путь в края изобилия; телеграфные провода прогибались от бесчисленных ласточек, собиравшихся в осеннее путешествие на далёкий юг. Я с тоской и завистью смотрел на них. «Счастливы, маленькие птички! — думал я. — Свободны аки воздух! Вот бы и мне так улететь в волшебную землю Хиндустана!» Но, к несчастью, не было свободы в моей бедной стране, только рабство и насилие.

Ночь провели в Токмаке, ужасающе грязном городе, расположенном в низинной болотистой местности.

В дождливую погоду ряд улиц для движения закрыт, поскольку есть настоящая опасность для экипажей быть поглощённым безвозвратно грязью. Были случаи, когда лошади тонули в трясине вместе с повозками и гибли. До сих пор ещё имеется некий запас камней и галечника в непосредственной близости от города, отменно подходящих для мощения улиц. Но, сохрани бог! — кто станет думать о подобных вещах в этой счастливой стране?

Ещё тридцать лет тому назад тигры встречались в окрестных тростниках, заходили в город и наводили беспорядки. Нынче о них забыли и думать, единственными дикими животными остались шакалы.

В Токмаке большевики не успели произвести существенных перемен. Город уберёгся и от ужасов, которым были подвергнуты Пишпек и другие города Семиречья. Деятели Советов здесь — все местные жители, никоим образом не расположенные к коммунизму; они просто изображали себя большевиками чисто внешне, дабы защитить свой город и район от вторжения грабителей и убийц. Часто даже так называемые комиссары, как авгуры (т.е. обманщики — пер.) древности, едва могли сдерживать улыбку при исполнении своих правовых обязанностей. Но даже такие обстоятельства не смогли защитить некоторых деятелей, когда несколько неподдельных коммунистов с довольно дурной криминальной биографией появились на сцене. Доподлинно известно, что несколько из *настоящих* большевиков были расстреляны под тем или иным предлогом местными лже-коммунистами. То было хорошим приёмом, так как одновременно удовлетворялась кровавая жажда Центральной Советской Власти, доказывалась собственная активность, и пресекался приток отъявленных негодяев.

Я воспользовался преимуществами духа свободы в Токмаке и преуспел в добывании ружья — старой армейской берданки и боеприпасов в военных магазинах.

Один из ветеранов старой армии, ставший настоящим большевиком, занял должность командующего арсеналом.

Зная из собственного горького опыта, какие удивительные и таинственные дела могут творить письмо и чтение, он откровенно сомневался, что стоящий перед ним тип в потёртом армейском плаще и старой кожаной куртке способен достичь подобных высот образования. Он произнёс: «Товарищ, если ты неспособен поставить свою подпись здесь, поди позови кого-нибудь расписаться за тебя». «Да ладно, — отвечаю, — уж как-нибудь изображу». И старательно вывел мною присвоенное имя — Новиков. «Знал бы ты, кого вооружаешь!»

В «Реввоенкоме», где надлежало мне получить мандат на оружие, председатель заявил, что не может выдать документ ранее, чем через три дня, поскольку болен секретарь, и некому заполнить форму.

— Но позвольте, — удивляюсь, — почему? У вас в конторе полно служащих, смотрите, вон сколько девушек!

— Так-то оно так, — соглашается председатель, — но они могут лишь переписывать готовые бумаги, а новых составить не умеют.

— Ну, коли так, позвольте мне самому себе выписать разрешение.

— А что, вы сами на это способны? — спрашивает недоверчиво.

Я быстренько набросал требуемый мандат, позволявший мне иметь ружьё и получать боеприпасы в Государственном арсенале, и запрещавший кому-либо изымать у меня всё это.

Стиль и содержание мандата понравились ему чрезвычайно, и он тотчас же подписал его и заверил печатью с серпом и молотом — символами Советской Социалистической Республики.

Затем он вдруг плотно закрыл дверь кабинета и обратился ко мне с вопросом:

— Я вижу, вы человек интеллигентный. Скажите, ради бога, когда *всё это* кончится?

— Что вы подразумеваете под *всем этим*? — спросил я в свою очередь.

— Ну, эта драгоценная наша свобода... всё это безумие, Господи ты Боже! Я сыт по горло! Никто больше терпеть это не может. Проклятые мерзавцы, что они делают с нами и с бедной несчастной Россией, эти Советы... — и голос председателя, исполненный искренности, зазвенел.

— Взгляните хотя бы на это! — продолжал он. — Смотрите и удивляйтесь! Вот на эту пьяную еврейскую харю! — он указал на портрет Бронштейна, *по кличке* Троцкого, висевший на стене. — Во времена прежние мы размещали на стенах в присутственных местах святые иконы, портреты военных, царей или национальных героев, таких как Суворов или Скобелев..., а они заставили всё снять и выставить это Богом проклятое дерьмо!

Воистину, Троцкий отнюдь не красавец, и его портрет больше смахивал на карикатуру, нежели на подобие человека.

Я, уходя, размышлял над всем этим. Что смогло заставить русский народ, всегда считавшийся религиозным, преданным Родине, верным Императорской фамилии и государственному строю, позабыть всё, что он уважал, и низвергнуть до уровня всего того, что было им презираемо? Желал ли он плётки в руках Ленина и Троцкого, гнавших русских в логовище Коммунизма, так же как и палки Петра Великого, приобщавшей насильно к культуре европейской и миру цивилизованному?

Почти целый день потребовался для переезда из Токмака в село Самсоновка. Я продолжал свой путь мимо русских поселений, растянувшихся вдоль дороги, и всюду жители были почти поголовно пьяны; были киргизские деревни, полностью разрушенные, буквально до основания; в них ещё неполных года три назад шумели базары, процветали фермы, окружённые садами и полями люцерны. Теперь повсюду пустыня. Просто невероятно, как можно было за столь короткий промежуток времени сте-

реть с лица земли посёлки со всем их отлично развитым хозяйством. Только пристальный взгляд мог различить русла арыков да пни росших здесь деревьев.

— Народ наш сельский поносил дома, вырубил деревья, выкорчевал сады, перекрыл арыки, так что всё пересохло быстро, и поля клевера погибли... — пояснил мой возничий.

— Зачем же? — спрашиваю.

— А дураки. Нынче жалеют о том. Весь клевер, что исчез, теперь пришёлся бы куда как кстати! — он говорил о люцерне (*Medicago sativa*), которая по-русски неверно зовётся клевером.

Разрушение арыков, т.е. оросительных каналов, быстро превратило эту местность в пустыню, погубило всё бывшее здесь высокоразвитое сельскохозяйственное производство, стёрло следы мирных поселений. Только на заливных лугах и низинах вдоль рек можно было что-то возделывать.

Когда киргизы подняли восстание, совет старейшин принял решение не убивать и не грабить мирное население. Это было, несомненно, благородным намерением и свидетельством доверия (к русскому населению — пер.), однако трудно было обуздать однажды проявившиеся звериные инстинкты человеческого естества, даже среди народа, обычно считавшегося цивилизованным. Восстание разгорелось, а с ним немедленно начались убийства, грабежи, зверства, изнасилования. Без сомнения, много русских женщин и детей было захвачено и переправлено на территорию Китая. Киргизские военные отряды находились под командованием турецких офицеров, военнопленных, бежавших из Сибири. Киргизы дрались храбро, нападали отчаянно, предпринимая порою конные атаки на пулемёты и тяжёлые орудия русских; но им не хватало стойкости, целенаправленности и дисциплины. Случалось часто, что после удачного предприятия они прекращали наступательные действия

и возвращались домой... пить чай и есть свою жареную баранину.

После подавления мятежа настал черёд русских поселенцев вернуться к власти и прибегнуть к отмщению: грабились аулы, угонялся скот, отнималось имущество киргизов, безотносительно того, из числа повстанцев ли они или из мирных, сохранявших верность правлению. Все без разбора были ограблены и перебиты, включая и тех, кто воевал на стороне русских.

По сути дела, в долговременной перспективе, русское население получило значительную выгоду от восстания, поскольку в их руки перешло немало ценностей, и многие после военных действий стали зажиточны. Те же киргизы, что ограбили русских в самом начале восстания, бежали за кордон в Китай и там были дочиста обкраданы китайскими властями^[77].

На лужайке в Самсоновке, внутри маленькой ограды расположены могилы русских, убитых во время восстания, среди них одна могила молодой и красивой девушки и студента, с таким же именем, как у меня. Они находились в ботанической экспедиции в горах, когда появился киргизский отряд. Спутники этих молодых людей торопили их садиться верхом и скакать как можно быстрее, но девушка оказалась слишком медлительной, собирая свои вещи и коллекции. Молодой студент, как истинный джентльмен, отказался бросить ее, и оба были убиты мятежниками.

Помимо насаждения коммунизма и принудительного труда для всех подданных Республики Советов, другое несчастье постигло киргизов. Как раз во время моего бегства в Семиречье власти издали декрет, по которому киргизы привлекались к сельскохозяйственным работам. Мобилизованное мужское население, вместе с лошадьми, было распределено среди русских крестьян; отказ от работ или побег влекли за собой смертную казнь. Так Советская Власть, в сущности, узаконила рабство в Семире-

чье. Показательный пример для социалистов всех мастей, мечтающих о «торжестве диктатуры пролетариата»!

Переночевав в Самсоновке, я выехал утром вместе с двумя моими спутниками по дороге через горы в долину реки Кебин^[78]. Как раз перед отправлением моё внимание привлекла большая серая собака, нечто вроде эрдельтерьера, она неслась ко мне, приветливо вертя хвостом. Самое удивительное в ней было то, что она *смеялась*, да-да, именно смеялась, обнажая пару рядов отменных зубов и крупные клыки. Странно и необъяснимо было видеть собаку, улыбающуюся почти как человек. То не было обычным собачьим оскалом, а действительною человеческою улыбкой, молчаливым смехом. Я раньше слышал, но не верил, что бывает такое у собак. Эта оказалась знаменитостью в округе.

Путь лежал среди низких травянистых холмов. Долины меж ними, увлажнённые многочисленными потоками и родниками с кристально-чистой водой, утопали в густой растительности, в летнее время — во множестве цветов. Деревьев и кустарника не было, но травы были изумительные. Такие пастбищные земли могли бы прокормить многотысячные стада, но теперь они исчезли.

Дважды встречались развалины домов европейских поселенцев, пчеловодов, убитых киргизами. В пустующих дворах, среди руин встречались во множестве каменные куропатки (*Caccabis chukar*)^[79], как будто совершенно не пуганые.

В Семиречье отличные результаты давало пчеловодство. За лето один улей мог давать более 60 кг отменного белого мёда, густого как масло, с удивительным ароматом, характерным для этой местности. Всё это стало теперь лишь приятным воспоминанием.

Когда проезжали около зарослей необычайно высокой травы, я услышал треск и шелест, как будто там пробиралось крупное животное. Я натянул поводья, когда выбежала стая куропаток. Один из моих попутчиков мгновенно

вскочил и, выстрелив по выводку из своего дробовика, убил нескольких птиц. После выстрела шум в траве не смолк, а когда компаньон отправился подобрать добычу, из зарослей вышел красивый самец косули с великолепной головой и направился к склону холма. Пока я передавал вожжи и заряжал своё ружье, зверь был на расстоянии ста пятидесяти шагов. Я выстрелил... и промахнулся. Выстрелил снова... и опять промахнулся. А тем временем животное скрылось за скалою. Я не мог понять причины неудачи в такой выгодной для меня позиции, пока позже не испытал ружьё и не нашёл, что бьёт оно на метр вверх и полметра вправо. Старая берданка оказалась ни на что не годной. Так мы лишились оленины на ужин.

Чуть дальше сделали остановку напоить лошадей; здесь был родник, вокруг которого собрались гурьбою кеклики, — видимо, обычное их место водопоя. Птицы эти, разновидность куропаток, любят проводить жаркие солнечные дни возле чистых вод горных источников. Они были повсюду, среди скал, на склонах ущелий и оврагов; сидели на камнях и траве, купались в дорожной пыли и, не обращая внимания на лошадей, путались под их копытами. Куда ни глянь — повсюду куропатки. Попутчик застрелил нескольких для котелка, но птицы даже не обращали внимания на грохот выстрелов. Никогда раньше не встречал я такое скопление куропаток. Жалко даже было убивать их из дробовика, нарезное ружьё было бы уместнее. Кеклик не только легко одомашнивается, но и тяготеет к человеческому жилищу. Прирученный, он любит сидеть на плече хозяина и ласкать его щеку своей головкой, слегка при этом воркуя. Кажется даже, что птица хочет, чтобы её приручили. Если бы в неё не стреляли, обитала бы возле дома, сада и подворья. Я встречал куропаток, высиженных из яиц домашними птицами. Эти полуодомашненные особи днём паслись на своих излюбленных местах, но вечером неизменно возвращались на домашние насесты.

Следующая наша остановка для отдыха была в долине реки Кебин, среди прибрежных зарослей кустов и нагромождения гранитных валунов. Галечник этой реки золотосен, и на берегу противоположном можно было видеть развалины древних кирпичных домов. Интересно то, что на самих кирпичах оттеснены буквы алфавита древнеуйгурского языка^[80].

Уже в сумерках, в сопровождении проводника-киргиза, имея при себе меховую одежду и подстилки, мы начали подъём на горный кряж в зону еловых и пихтовых лесов. Несколько часов подряд мы забирались вверх по травянистым склонам, пересекая немногочисленные горные ручьи, двигаясь серпантинами по кручам. Становилось всё холоднее и холоднее, воздух становился весьма бодрящим, ветер крепчал. Наконец вошли в хвойный лес и забрались на гребень кряжа, где снежки ярко вырисовывались в ночной темноте. Здесь среди огромных пихт мы развели отличный лагерный костёр, быстро согрелись и, развернув свои овечьи шкуры, заснули сном праведников.

Рано поутру мы пытались разыскать в округе косуль — *иллик*, как называют их киргизы. Местность была наикрасивейшая; далеко внизу едва виднелась речная долина; лесистые склоны с глубокими каньонами круто ниспадали; вдали виднелась заснеженная горная цепь Тянь-Шаня. На хребте, куда мы забрались, произрастали пихты огромных размеров, средние по высоте и небольшие, образуя вперемежку с можжевельником непроходимую чащобу. Над лесным поясом высились крутые скалистые отроги, среди них во впадинах блестел снег. На лугах альпийских толстым слоем лежали роскошные мхи.

Что касается охоты, то здесь меня преследовали сплошные неудачи. Моё ружьё никуда не годилось, и попугайчик одолжил мне восьмимиллиметровый маузер, отличное оружие, но к нему имелось лишь два патрона. А между тем дичи для охоты было довольно. Вот огромный чёрный вепрь невозмутимо прошествовал по склону,

а я не смог вовремя подойти ближе для выстрела, и добыча скрылась в зарослях. Появилось множество косуль, но пока я выбирал самого крупного самца, все поразбежались. Забавно, что азиатская косуля (*Capreolus pygargus*)^[81], хотя и большая по сравнению со своим азиатским сородичем (*C. caprea*), когда скачет по высокой траве этих горных лугов, выглядит не крупнее зайца.

Оставшись с одним лишь патроном, я изыскивал возможность использовать его наилучшим образом и, как это часто бывает в подобных случаях, когда постоянно ищешь лучшего, я упустил то, что было хорошим, и в конце дня остался всё при том же единственном несчастном патроне. Охотник европеец едва ли сможет понять, через что нужно пройти в Советской России, дабы с риском для жизни своей держать при себе ружьё и несколько патронов к нему. Пролетариат, сражающийся за свою собственную шкуру, дико боится оставить в руках буржуя, да и любого культурного человека, даже безвредное гладкоствольное ружьё.

Мы вынуждены были пользоваться негодными старыми ружьями, которые были бесполезны, если не сказать — опасными. Не имея хорошего оружия, я всерьёз задумывался, не вооружиться ли мне луком и стрелами, чтобы добыть дичи для котелка.

Ранее, будучи в этих местах, я имел возможность наблюдать интересные тектонические трещины в земле, произведённые землетрясением 1910-го года, когда был разрушен город Верный^[82]. За последние несколько лет эти большие провалы затекли, но всё ещё были весьма глубоки и напоминали военные траншеи, протянувшиеся параллельными рядами по горному склону.

Довольно долгое время мы спускались по узкому боковому ущелью поперёк крутого горного склона и сделали привал на самом дне долины возле ручья в густых зарослях берёзы и смородины. Вся местность вокруг была необычайно похожа на Южный Урал и напомнила мне

речные долины холмистых районов Башкирии. Сколь приятно было отдохнуть здесь после утомительного пути и перекусить перед обратной дорогой. Вернувшись в Самсоновку, я вновь воспользовался экипажем с лошадьми и отправился в долину Шамей^[83].

Семиреченская порода лошадей, может быть, не столь красива внешне, зато имеет ряд хороших черт. У них сильные ноги, добрый нрав и великолепная выносливость. По преимуществу она происходит от лошадей киргизской степи. Район этот вообще хорош для коневодства, несколько конных заводов в последнее время там занялись разведением смешанных пород от киргизских кобыл и английских чистокровных жеребцов, и они показали хорошие результаты в скачках. Также и чистопородные кобылы жеребились в Семиречье, и потомство, выращенное на горных пастбищах, оказывалось отменным, лучшим, нежели киргизские лошади, не только в отношении выносливости и ретивости, но и способности преодолевать дорожные нагрузки при недостаточности корма.

А вот кучера, напротив, здесь совершенно безнадёжный народ, не имеющий ни малейшего понятия о том, как управлять поводами или ухаживать за лошадьми. Оттого-то повозки столь часто опрокидываются, и пассажиры обычно ломают руки и ноги. Мало таких, кто побывал в Семиречье и вышел сухим из воды, не опрокинувшись ни разу. Получил свою долю и я. Мой кучер, киргиз, не управлял экипажем вовсе, и лошади шли вдоль дороги по вящему своему усмотрению, сам же возница довольствовался тем, что дёргал попеременно то одну вожжу, то другую без нужды и без ритма. В том месте, где надо было спускаться по берегу реки, он повернул повозку так резко, что та опрокинулась, и я мгновенно очутился в воде прямо под нею. Немалых усилий потребовалось мне, дабы высвободить голову из-под всего того багажа, что свалился на меня. Вода подбиралась к моему подбородку, а я застрял и освободился лишь с помощью нескольких кирги-

зов, пришедших на помощь. Мой же злополучный возница лишь беспомощно сновал туда-сюда вдоль берега и вопил «О, Аллах! О, Пирим!»

Дунганы любят лошадей и хорошо за ними ухаживают, они и кучера отменные. Лошадей своих приучают слушаться команд «вправо, влево, стой, быстрее» и т.д., и редко применяют вожжи. Интересную картину представляет тяжеленный фургон, доверху гружёный и запряженный тройкою или даже пятеркою лошадей, ползущий по горной дороге и управляемый словесными командами дунгана, восседающего на самом верху. Их фуры без тормозов, однако спускаются на них и по крутым извилистым дорогам, целиком полагаясь на лошадей.

Долина Шамей спускается в теснину меж отвесных известняковых стен, дорога вьётся вдоль каньона то вверх, то вниз. А там несётся стремительный поток с таким напором, что ворочает огромные каменные глыбы, и те с грохотом сталкиваются друг с другом как гигантские бильярдные шары. Вскоре каньон раскрывается в обширную округлую долину, подобную цирку, верхние участки которой поросли сосновым лесом; там водятся кабаны и косули, река изобилует форелью. Семиреченская форель не крупная, но очень вкусна. Нам удалось раздобыть рыбацкую сетку, которую мы использовали для метания, и таким способом за раз вылавливали десяток или дюжину. Там где вода глубока и спокойна, например, возле больших камней, отличная рыбалка на форель при помощи удочки; корзинку можно наловить за час.

В окрестных горах множество горных козлов. Киргизы как-то показывали мне восемь пар рогов этих красивых животных, их запросто убили после того, как заманили прямо в аул среди зимы. Баран животное сильное и может постоять за себя даже перед волком. У него своеобразный способ защиты: не бодается, как другие козлы, *горизонтально*, а встаёт на задние конечности и всю массу своего тела, которая весьма значительна, обруши-

вает вниз стремительный удар узловатыми рогами, будто кавалерийскою шашкой. У меня в саду был один такой с огромными рогами. Играя с моими охотничьими собаками, он иногда ненароком ударял их изрядно, и я боялся спускать его с привязи, как бы своею неуклюжею забавой не покалечил их или не убил вовсе. Есть, однако, у горного козла неожиданный враг, более страшный, нежели волк или барс, и враг этот есть не кто иной, как трусливо-подлый шакал. Зимой, когда пищи недостаточно, шакалы сбиваются в большие стаи и охотятся на крупного зверя, подобно стае охотничьих собак. В такую пору даже волки, медведи и барсы держатся от них подальше. Горные козлы тяжелы, проваливаются в глубоком снегу и устают, становясь добычей голодной стаи. Движимые страхом, они иногда ищут защиты даже у злейших врагов своих — людей, в надежде (боюсь, по большей части напрасной) на их добросердечие и охотничью порядочность. В прошлую зиму, когда снегу выпало много, стая шакалов преследовала стадо из восьми горных козлов. Объятые страхом животные в отчаянии искали защиты в киргизском ауле. Шакалы не осмелились приблизиться, но киргизов чувство сожаления нисколько не обременяло, для них загнанные животные были всего лишь дарованным небом источником мяса. Не следует нам судить о том чересчур строго. «Священное право убежища» для преследуемых, как многие из русских беженцев смогли убедиться на собственной шкуре, стало пустой формулой даже среди культурных народов.

Охотиться на крупную дичь в настоящее время лучше в соседней долине Кегеты^[84]. Она, подобно всем горным долинам этой части Семиречья, берёт своё начало в горах на юге и впадает в реку Чу. Более широкая нижняя часть представляет собой угодыя русских поселенцев. Верхняя часть превращается в скальную теснину, через которую можно проникнуть верхом на лошади дальше в область скал и морен старых ледников, поросшую сосновым

и пихтовым лесом. Эта часть ущелья очень живописна и напоминает виды Швейцарских Альп. Путник может без особого труда подняться этим путём до зоны альпийских лугов и снежников. Здесь обитель горных козлов, где встречаются их стада числом несколько дюжин. В нижней части долины мы любовались множеством этих прекрасных созданий, пасущихся на травянистых откосах. А здесь на этих альпийских высотах можно было видеть какого-нибудь старого барана с рогами до самой спины, гордо стоящего на вершине горного кряжа и обзирающего мир вокруг, или целое стадо, прячущееся от дневной жары в тени скал или в снежной котловине, с козлятами, скачущими и резвящимися, пока более взрослые отдыхают. Ранно поутру либо вечером горные козлы спускаются с высот к пастбищам ниже. Тут нетрудно подобраться к ним ближе или залечь в засаде среди камней возле самых излюбленных ими полян. Мне это удавалось осуществить при посредстве опытных киргизских охотников, которые гоняли животных с окрестных высот. Поразительно то, по каким жутким кручам могут спускаться горные козлы, и потрясает их умение не просто передвигаться, но и скакать галопом по совершенно отвесным скалам, делая при этом просто невероятные прыжки с одного выступа на другой, как будто птицы в полёте, а не скачущие четвероногие. Только изучив строение тела горного козла можно понять, до какой превосходной степени приспособилось животное к жизни среди скал и горных кряжей: развитость мускулатуры ног под стать какому-нибудь охотнику из английского графства; пятки упруги и эластичны, будто сделаны из наилучшего каучука; копыта прочны как сталь.

Тау теке, иначе горный козёл, — достойная добыча охотника; мясо, хотя иногда и жестковатое, имеет хороший запах и даёт первоклассный бульон. Шкура годна для красивой, крепкой и тёплой меховой одежды, отличной тем, что чем больше изнашивается и чем больше стирается волос, тем более гладкой и красивой становится. На-

ряду с типичным представителем вида *Capra sibirica*^[85], мы имеем второй вид в Тянь-Шане, отличный по форме рогов.

Самая верхняя часть ущелья Кегеты, уже в районе горного хребта на высотах 2 — 3 тысячи метров над уровнем моря, превращается в обширное мягко-волнообразное плоскогорье, покрытое степной растительностью. Странное получается впечатление, когда, минуя зону альпийских лесов, оказываешься не среди вечных снегов и ледников, а в степи. Горам Тянь-Шаня свойственны труднопроходимые теснины в средней части ущелий рек и степные плато наверху. Позже я объясню это необычное явление.

В подобных местах встречается множество диких овец — архаров, *Ovis karelini*^[86], пасущихся большими стадами. Охотиться на них не трудно, можно с подъезда верхом на лошади под прикрытием холмистой местности, спешиться для выстрела уже на близком расстоянии. Довольно часто можно встретить очень красивое создание — снежного барса или ирбиса (*Felis irbis*).

Лазурно-голубые озёра здешние изобилуют форелью. Зимой долины этой части Тянь-Шаня своим климатом напоминают Сан-Мориц или Давос; несмотря на то, что снегу довольно много, солнце сияет весь день, воздух тёплый, ветра нет; лето прохладное и без дождей, а осень сухая и тёплая. Когда протянут железную дорогу в Пишпек, до прекрасных долины этих можно будет добраться за день. Воистину, дивное будет место для летнего отдыха, охоты и зимнего спорта.

Глава XIII. Убежище в сопках

Из долины Кегеты надлежало мне возвратиться в Ивановку. Путь лежал от устья долины вниз, с небольшим уклоном к северу. Уклон почти незаметен, когда движешься вниз, но достаточно велик, если смотреть вверх со стороны реки Чу. Довольно долго едешь по краю глубокого ущелья, а рядом течёт довольно большой арык, направление которого образует острый угол с плоскостью дороги. В итоге получается странный оптический обман: кажется, будто вода в арыке течёт в гору. Видимость настолько явная, сколь и несуразная, и люди жарко о ней спорят. Подобное наблюдается и в других местах Туркестана, даже существует мнение среди русских, будто сарты обладают секретом, как заставить воду течь вверх. Трудно убедить людей в обратном. «Да я видел это своими глазами!» — упорно твердят они. Вот вам пример несомненной «значимости» свидетельских показаний.

В Ивановке стал я свидетелем забавного случая, подтверждающего правило, что всеобщее пьянство неизбежно влечёт за собою несчастье. Видный член Коммунистической партии в припадке безумия откусил нос председателю! Как обычно, это был тот случай, о котором говорят *cherchez la femme* (фр. «ищи женщину» — пер.). Оказалось, что председатель слишком уж явно ухаживал за супругой обиженной стороны, а Компартия не преуспела в искоренении вульгарных *буржуйских* чувств, таких как ревность, даже среди своих членов. В отделе Исполкома состоялось открытое партсобрание, где рассматривалось дело «об откусении носа».

Я тоже пришёл, дабы послушать и посмотреть на комедию. Большое, замаранное и дурно-пахнущее помещение, ранее служившее конторой местного самоуправления, бы-

ло задымлено, покрыто копотью и тускло освещено маленькою керосиновою лампой; народу было битком. В самом конце за столом, застеленным красною клеёнкой, восседал партийный «президиум», а на столе в фарфоровой склянке помещён был *corpus delicti* (лат. *вещественное доказательство* — пер.), т.е. откушенный председательский нос!

Из детального доклада президиума можно было понять, что поначалу они постарались вернуть нос на прежнее место в надежде, что тот укоренится и прирастёт. Но после того как утром убедились, что это не сработало, решили нос засолить, поскольку надо было сохранить его для вынесения решения на пленарном партийном собрании, долженствующим быть при открытых дверях.

Я не дождался прений, поскольку атмосфера в зале была столь спёртою, что просто нечем было дышать. Главным впечатлением, мною вынесенным из этой истории, было крайнее удивление силою и остротою зубов оскорблённого коммуниста: нос был срезан чисто, будто ножом. Впрочем, после целого месяца безудержных возлияний арбузного самогона, можно ожидать всякого.

Здесь в Ивановке повстречался я с одним интересным молодым киргизом по имени Турды, который увлекался археологией. Он был самоучкою, в совершенстве знал русский и хорошо начитан. С большим старанием и усилиями ему удалось собрать в окрестностях обширную коллекцию предметов старины. Говорил, что была у него старинная уйгурская рукопись на пергаменте двухметровой длины, но всё разом погибло в пожаре, когда его аул Кебин был сожжён местными русскими поселенцами в отместку за киргизское восстание. Известна лишь единственная целая рукопись на древнеуйгурском языке, также найденная в Семиречье, которая в настоящее время является одною из самых редких ценностей публичной библиотеки в Петрограде.

По пути из Ивановки, в долине р. Иссыгаты^[87], я проезжал мимо руин некоего старинного городища, относящегося к неизвестно какому историческому времени^[88]. Внушительных размеров башня, видимая издалека, поднималась над неглубокой долиной предгорий. Киргизы называют её Буранà^[89], по имени небольшой речки Буранà-су, протекающей среди развалин. Архитектура сооружения поистине впечатляющая, башня выложена из кирпича с орнаментом, так что в целом снаружи является некое подобие ковра. На значительной высоте от основания башни виден дверной проём, откуда начинается внутренний восстающий коридор. От основания к проёму ранее имелся прямой путь, по которому можно было забраться на самый верх башни. Но русские поселенцы каменную лестницу разобрали и продолжают ещё растаскивать кирпичи основания, у которого ныне такой вид, будто кто его подгрыз, и недалёк тот день, когда замечательный памятник старины рухнет от рук варваров с севера.

Ещё можно было видеть развалины каких-то очень больших сооружений, по-видимому, даже бóльших, нежели самоё башня. Теперь это лишь груда мусора, кирпичей и пепла. Обгорелая кирпичная кладка и многочисленные фрагменты расплавленного стекла свидетельствуют о грандиозном пожаре, разрушившем некий дворец, ибо в местах здешних лишь дворцы да храмы строились из кирпича, а в храмах нечему было гореть, и не имелось изделий из стекла. В окрестностях есть два старых арыка, ныне сухих, и места, где вероятно были шлюзы. Всё огорожено стенами, которые образуют квадрат, ориентированный по сторонам света; они превратились в груды земли и лишь на западной стороне ещё довольно высоки. Восточная сторона городища прилегает к руслу высохшей Бурана-су, чьи воды ныне разобраны для орошения. По берегам арыка виден так называемый «культурный слой» почвогрунта, в котором я нашёл кости людей и животных, черепа, осколки глиняной посуды, стекла и тому подоб-

ное. Кто они были, эти люди, построившие крепость с её башней и дворцом? Кто жил здесь и когда? И кто разрушил то, что должно было стать наиболее великолепными сооружениями Туркестана? Ни письменные свидетельства, ни предания не дают ответа на вопросы. Какой же впечатляющий вид должна была являть во времена своего расцвета сия высокая и статная башня в окружении зеленеющих садов, отражавшихся в гладких водах, в окружении больших красивых зданий и дворцов на фоне зеленеющей степи у подножия высоких гор, покрытых вечными снегами! Ныне всё суть пустыня и смерть! Земля, лишённая вод оросительных, суха и выжжена, а руины служат лишь пристанищем для скорпионов бесчисленных.

Нижняя часть долины Иссыгаты бесплодна; здесь мощными слоями легли осыпи и галечники, сквозь которые стремится бурлящий поток горной реки. Решено было встать на ночь лагерем в месте, где дорога через мост переходит на левый берег реки Туук и выводит в боковую долину Иссыгаты. В верхней части её имеется горячий источник. Ночь была холодная, и к утру земля покрылась инеем.

Довольно интересное наблюдение удалось мне сделать в этой части долины, а именно, что процесс горообразования здесь ещё продолжается, и высота хребта, названного русскими картографами Александровским^[90], увеличивается. Река течёт не по середине долины, а будто ножом прорезает небольшой отрог северного склона; со стороны дороги вид такой, что отрог неразрывен. Очевидно, что поток, сохраняя свой уровень, размывал постепенно возвышавшееся основание русла. В этой примечательной долине имеется ещё ряд свидетельств непрерывного поднятия гор.

Долина Иссыгаты почти лишена растительности и сплошь покрыта огромными глыбами гранита и других кристаллических пород. Лишь на склонах гор видны клочки чахлого можжевельника.

Есть тут небольшое русское поселение, и когда мы сделали остановку, чтобы купить хлеба, повозку мою окружила кучка пытливых обитателей, закидавших меня вопросами: кто я такой, откуда прибыл и куда направляюсь? Один из молодых парней протянул мне пригоршню плодов можжевельника и спросил, для чего они годятся, хороши ли для медицинских целей? Я вспомнил об использовании таковых в приготовлении можжевелевой настойки, но умолчал о том, не желая потакать российскому производству *самогонки*, и без того уже более чем достаточному. Хотя, с другой стороны, для них небесполезно было бы знать, как готовится джин, ведь арбузы в долине не растут, и приходится им гнать водку из зерна.

Далее, уже возле источников, ущелье становится весьма живописным. Воды источников бьют из-под земли на правом склоне ущелья у подножия вершины с зубчатым гребнем и снежниками наверху. Воды разнятся по составу и температуре и считаются в высшей степени целебными. Имеется ряд примитивных купален и домиков для посетителей. Выше источников в изобилии произрастает малина, и пока я таковой лакомился, вышла из зарослей пара коз и спокойно прошествовала вверх по склону.

Облака клубились над вершинами гор, но ниже сияло солнце, и воздух был сухим, прохладным и бодрящим. Река Иссыгаты красивыми водами своими цвета бирюзы стремилась вниз, пенисто бурля по огромным валунам. Отсюда, через горы, по головокружительным кручам над обрывами лежит путь в высокогорную долину Суусамыр^[91], известную своими пастбищами, куда летом киргизы перегоняют свои бесчисленные стада и табуны. Имеется множество свидетельств, что долина золотоносна. Пронюхав о её богатствах, большевики выслали туда своих агитаторов с целью обратить местное население — исконных кочевников в веру «евангельскую» по Карлу Марксу. Но киргизы не оказали миссионерам должного гостеприимства, зато спросили напрямую: «Когда вся эта ваша „свобода“ сгинет и вернётся

Ак-Паша (т. е. Белый Царь)?» Не приняли близко к сердцу киргизы доктрину коммунизма.

Неподалёку от целебных источников, на гранитной стене высечена тибетским шрифтом сакральная формула буддистов «Ом мани падме хум». Задолго до появления православных завоевателей, задолго до внедрения ислама мирно процветали здесь бок о бок и гуманное учение Заратустры, и мрачная религия манихеев, и христианство, и буддизм. Рукою какого-то буддистского монаха из далёкого Тибета высечено было на цельной скале священное заклинание во имя Творца, давшего человечеству целебные источники в этой пустынной долине Тянь-Шаня — Гор Небесных.

Несколькими годами позже, когда судьба забросила меня через пустыни Средней Азии, вздымающиеся горы Кунь-Луня и Каракорума в Западный Тибет, и я спустился вниз по гранитным ступеням с заоблачных высот Караул-Давана в сказочную долину Нумбры^[92], то видел подобные письма во множестве на скалах возле бьющих из-под земли благотворных источников.

Кеклики (каменные куропатки) встречаются в долине Иссыгаты во множестве, и на выводки их натыкаешься постоянно. Петушки любят занять видное место на камнях и скалистых выступах, своим кличем зовя соперников к поединку. Они вовсе не обращали внимания на мою повозку и подпускали на расстояние вытянутой руки. Из ущелья Иссыгаты я направился прямо в долину Чу, в Пишпек, а кеклики всё бежали вдоль дороги и впереди экипажа, будто получая от этого удовольствие.

Там, где дорога выводит из ущелья в небольшую долину, можно видеть отложения каменной соли, достаточные, чтобы обеспечить потребности большей части Семиречья, однако даже такая несложная вещь как извлечение соли из раствора для нынешней «грамотной администрации» коммунистов — вещь непостижимая, в итоге налицо в крае нехватка соли, и стоит она дорого.

Затем я осматривал долины к западу от Пишпека, вдоль рек Сукулук, Ак-Су, Кара-Балта и др. Природа там почти та же, что и в местах, мною вышеописанных, только нет хвойных лесов; то же касательно животных и дичи. По дороге из села Дунганка на юг в долину Ак-Су, чуть западнее, мне удалось видеть крайне интересные доисторические остатки. На обширной плоскости протяженностью несколько миль в направлении подножий Александровского хребта расположились несколько рядов внушительных курганов, т.е. погребальные холмы. Таковые нередки в российских степях, поодиночке они разбросаны по всей южной России, степям Киргизии и равнинам Западной Сибири, но редко встречаются группами. В результате раскопок, которым были подвержены некоторые из южнорусских курганов, были найдены существенные археологические ценности. В нижних отделах, уже глубоко под землёю, обнаружены камеры с останками скифских вождей вкупе с их военачальниками, жёнами, слугами, любимыми боевыми лошадьми, оружием, одеждой, домашней утварью и т. д. — словом, со всем тем, что окружало покойного вождя при жизни. Нигде, однако, не видел я такого огромного количества курганов, как здесь. Помимо очень больших, были размера обычного. Без сомнения, это некрополь скифских царей древности, и разрастался он на протяжении столетий. Может быть, как раз те самые «Имперские Гробницы Скифов», о коих, наряду с жуткими ритуалами, с ними сопряжёнными, столь образно упоминал Геродот? Ежели так, сколь ценным представляется данное место для историков и археологов!

В октябре и ноябре я целиком был занят исследовательскими поездками в горные долины и ущелья южных областей Тянь-Шаня. Здесь местами лежат вечные снега; среди них нередко приходилось мне располагаться лагерь и добывать себе воду из снега и льда горных озёр. Немало страдал я от холода здешних высот, ибо не имел

тёплых одежд и даже головного убора. Мой скромный достаток не позволял обзавестись подобной роскошью. Моя истрёпанная старая военная форма была единственной защитой от холода, и по ночам я спасался, дабы не замёрзнуть насмерть, только посредством добротного большого киргизского ковра, в который заворачивал себя на ночь.

Снег в этих горных долинах выпадает неравномерно. В некоторых снег накапливается в столь огромных количествах, что передвигаться невозможно, а иные остаются бесснежными всю зиму — таков бассейн озера Иссык-Куль, где снега не бывает никогда. Долина Арпа зимою много снежна, в то же время расположенная рядом Ак-Су являет собою пастбища, где скот может великолепно перенести зимнюю пору и даже набрать вес. Реки южных долин, например Туйюнь, текут по направлению к границе с Китаем, они засушливы и летом и зимой, осадки там вообще редки. Как раз тут я был свидетелем одного престранного явления. Стояли сильные заморозки при полном безветрии, тёмно-голубое небо было ясным, прозрачным и безоблачным, атмосфера же весьма разрежена, ибо высота составляла около трёх тысяч метров над уровнем моря. Воздух был насыщен электричеством. Хвосты и гривы лошадей вздыбились самым необычайным образом, так что каждый волос торчал отдельно от других, что придавало животным вид весьма странный. Лисий мех на киргизских шапках издавал треск при поглаживании. Ночью всё, к чему прикасалась ладонь — кожа, обувь, волосы, одежда — начинало искрить и сверкать. Вода, пролитая из ковша, падала на землю как горошины, большими замёрзшими каплями, похожими на градины. Странно выглядело всё это, особенно падение замёрзших капель на сухую и пыльную землю.

Большую часть времени я проводил в поездках. В тёплую погоду я предпочитал ночёвки под открытым небом, где-нибудь возле реки с хорошим выгоном для лошадей. Однако с наступлением зимы ничего не оставалось кроме

стоянки в русских деревнях, что было для меня истинным страданием. Гостиниц в крае нет, и нет даже почтовых станций. Чем-то близким к таковым являются караван-сарай или, по-местному *караваны*. Таковые даже внешне ничем не похожи на настоящие караван-сарай Кашгара и Бухары, ибо каждый представляет собою не что иное, как неимоверно грязный двор с единственной тёмною комнатёнкой без окон и очага, с земляным полом. По ночам всё это бывает наполнено грязною публикой, кишашей паразитами. В таких притонах воздух всегда удушливый, всё черно от копоти, и вонь стоит неопишуемая. Я не мог оставаться в таких местах ни минуты, предпочитая спать в повозке, завернувшись в своё киргизское войлочное одеяло, даже когда температура снижалась существенно ниже нуля.

Вдобавок ко всем прелестям ночёвки в караван-сарай имела ещё вероятность удостоиться визита красного дозора с целью проверки документов. Прибытие такового возвещали тяжкая поступь сапог, грохот оружия и потоки неистовой брани, ни на что конкретно не обращённой, а извергаемой, так сказать, для проформы, ради хвастовства.

Семиречье действительно славится низостью и грязью своих обитателей. Даже весьма зажиточные крестьяне обитали в крошечных грязных сараях с земляным полом, никогда не проветриваемых. Городские дома также не имели систем вентиляции, и зимой окна плотно и тщательно запирались и заклеивались. Зачем уходить теплу?..

В то время, о котором я повествую, категорически было запрещено иметь слуг. Советские постановления утверждали принципы равенства и принудительного труда. По субботам всему взрослому населению вменялось в обязанность являться на т.н. «общественные работы по благоустройству города» — то бишь очистки улиц, уборки снега и т. п. Разумеется, толку от этого было мало. Улицы оставались непроезжими от грязи; мосты через потоки, вы-

полненные из больших, просто наваленных плит из камня, разрушались водой и превращались в подобие руин.

Поскольку я не состоял членом какого-либо красного профсоюза и не был зарегистрирован в казённых списках, то являлся, по сути, «свободным гражданином» и не обязан был участвовать в подобных работах. Но с другой стороны не был я и «трудящимся» и потому лишён был возможности добывать себе пропитание, равно покупать что-либо в советских магазинах, каковые только и были в наличии. Вообще не было ничего не национализированного и не «принадлежащего народу». Итак, я вынужден был обеспечивать себя пищей и всем необходимым для жизни, как мог. Но поскольку был уже приучен в течение долгого времени к «робинзоновскому» существованию на необитаемом буржуйском острове посреди океана Коммунизма, сии обстоятельства мне не сильно досаждали. Я не только не погиб от голода, но как ни странно, снабжал ещё своих друзей всякими излишками, даже мог посылать своей семье в Ташкент некоторое количество муки, масла и сала.

Недостаток был во всем, не только в продовольствии. Я делал всё от меня зависящее, дабы оказывать помощь моим друзьям, а потому род моей трудовой деятельности в городе был весьма разнообразен. Женщинам варил я мыло, изготавливал шпильки для волос; возвращаясь с гор, привозил им шерсть, чтоб вязали чулки и перчатки; удавалось раздобыть масла и мёда. Не говорю уже про охоту и рыбалку. В узких семейных кругах читал я популярные лекции по биологии. В деревнях торговал *матой* — грубой не беленой хлопчатобумажной тканью из Кашгара. Я правил повозками и даже пас свиней! Последнее занятие, по своей сути, было наименее приятным из всех прочих, ибо вовлекало меня в прогулки с одной молодой и очаровательной дамой. В ту пору все женщины благородного происхождения были вынуждены подчас заниматься самым тяжёлым и грязным трудом, как-то: мыть полы, пилить дрова, ухаживать за скотом, таскать воду, становясь тем

самым предметом постоянных насмешек, колкостей и оскорблений со стороны «сознательных» пролетариев обоих полов.

Было настоящею катастрофой для девушки или женщины, если она обладала талантом в пении, танцах или в игре на музыкальном инструменте, либо просто имела привлекательную внешность. Таковые неизменно подвергались опасности быть привлеченными к тому, чтобы веселить и развлекать «трудящиеся массы» в народных театрах и коммунистических клубах. Спектакли, танцевальные вечера и маскарады всякого рода устраивались часто и были неизменно посещаемы «элитой» коммунистического сообщества, членами Партии в своих кожаных куртках и грязных штанах, с револьверами на поясе, красноармейцами, ну и, соответственно, — коммунистическими дамами. Посещение сборищ таковых, где пролетариат развлекал сам себя, безусловно, было делом небезопасным. Каждый подвергался неизбежной «проверке документов», то есть детальному осмотру — и мужчины и женщины, за исключением «партийных товарищей», имевших перед остальными особое преимущество в присвоении всего, что окажется под рукой и сгодится для Социалистической Власти, например, полевой бинокль, серебряные монеты и т. д. Представьте сцену, когда однажды обыскали одного сарта и под халатом нашли топор; таковой, разумеется, был изъят, так как ввиду нехватки полезного инструмента топоры были объявлены общенародной собственностью. Несчастный же сарт был отправлен в тюрьму. За сокрытие особо ценных предметов, таких как золотые монеты и украшения, можно было заплатить жизнью.

Люди образованные и смышлённые трепетно отсиживались в своих бедствующих жилищах, тщательно занавешивая окна, дабы луч света не проник на улицу и не выдал буржуя, занятого чтением или работой — таковые могли быть достаточным основанием для вторжения Красного дозора и неизбежного ареста.

Нигде не было ни книг, ни газет, равно в обиходе ни писем, ни телеграмм. Вообще не было никаких новостей из России и внешнего мира. И только разные слухи кругом, ... будто генерал Юденич взял Петроград, ... что армия генерала Деникина достигла Курска, ... что конец Советской власти близок...

Однажды воскресным утром произошёл весьма интересный и, можно сказать, пророческий случай: во время завтрака служанка спросила меня, что мне снилось? Я отвечал, что снилось, будто мы остановили советский поезд, все вагоны которого были набиты комиссарами-коммунистами и деньгами.

— А в каком виде были деньги, бумажные или монеты? — вдруг попросила уточнить служанка.

— Деньги бумажные, старые добрые императорские банкноты.

— Значит, вы получите письмо с хорошими известиями, причём скоро, потому что сны перед праздником сбываются перед обедом, — заключила служанка.

— Буду надеяться, — вздохнул я, — ибо сто лет прошло с той поры, когда получал я весточку из Туркестана.

Чуть позже, когда приступили мы к своей скромной трапезе, подъехала к дому коляска, в коей сидело двое в кожаных куртках и шапках. Это могли быть, конечно же, коммунисты либо сотрудники ЧК.

«Вот они меня, наконец, достигли!» — промелькнула мысль. Перед тем как отпереть дверь, одна из женщин взяла меня за руку и препроводила в свою комнату. Открыв окно, она произнесла: «Если вдруг я громко окликну собаку, выпрыгнете в окно и бегите в том направлении». Она вышла и заперла за собою дверь.

Затем наступила пауза. Я сосредоточенно вслушивался и мог различить, как люди вошли в комнату, их разговор, смех; я ждал сигнала с минуты на минуту. Высунувшись из окна на улицу, я подумал, что если придётся выпрыгнуть, то надо будет закрыть окно за собою.

А затем они ушли. Дверь распахнулась, и младшая из женщин позвала меня с радостным оттенком в голосе: «Это не большевики, а два инженера, мы их знаем; они заглянули по пути из Ташкента в Верный и доставили огромный тюк, наверное, для вас. Ваш сон сбылся!»

Воистину, так оно и было! Большая упаковка содержала тёплую одежду, меховое пальто и шапку, в коих я нуждался столь отчаянно, и несколько писем от семьи. И всё-таки я утратил веру в подобные сновидения, где не раз снились мне деньги, но сны эти более уже никогда не сбывались!

Новости оказались дурными: гибель адмирала Колчака, приведшая большевиков в состояние неистового восторга. По сему случаю произведён был столь яростный салют из двух устаревших пушек на рыночной площади, что от выстрелов повывлетали стёкла в домах близрасположенных, и это как раз в то время, когда новых стёкол достать было негде. Мы были в подавленном настроении. Одна за другой рушились надежды на освобождение страны от бандитов, свергнувших её в рабство.

Однажды, идя вдоль по улице возле дома, где проживал, встретил я одного знакомого из Ташкента; тот шёл прямо мне навстречу. Человек он был порядочный, ярый противник большевиков, однако я по-прежнему старался скрывать своё настоящее место пребывания. По таковой причине я сделал вид, будто сморкаюсь, прикрыл лицо платком и перешел на другую сторону улицы. Через пару дней я встретил его опять. На сей раз, попытка улизнуть оказалась бесполезною. Я отчётливо услышал, как он тихо назвал меня по имени, и потому приветствовал его по-дружески.

— Как это вы меня узнали? Неужто моя одежда и борода меня не скрывают?

— Разумеется, узнать не просто, но прошлый раз, увидев, сразу обнаружил контраст между лицом вашим и костюмом, а, взглянув ближе, узнал по глазам. Следует быть

осторожным, ибо многие бежали из Ташкента в Пишпек во избежание голодной смерти; вас легко могут узнать.

К опасностям я привык, друзья мои всегда за меня опасались, когда в одиночку отправлялся я за пределы города, однако это было необходимо.

И дабы впредь избежать подобных встреч, подыскивал я подходящий повод для отлучек и говорил, будто отправляюсь охотиться на кабана в район нижних плёсов реки Чу. Река в самом конце своём исчезает среди пустыни, образуя ряд озёр и болот, поросших тростником — приют бесчисленных животных всяческих видов. Устанавливалась очень холодная зима, заморозки крепчали, и для поездок подобного рода складывались самые подходящие условия.

Глава XIV. Снова в опасности

В тростниковых зарослях реки Чу водятся олени и козули; сюда зимою спускаются с гор дикие овцы, и в особенном изобилии водятся кабаны; можно ещё встретиться с азиатским тигром; антилопа сайга (*Saiga tartarica*)^[93] находит здесь убежище от слепящих метелей дикой степи. Последнее животное особенно интересно, ибо является последним представителем обширного рода антилоп «с хоботом», что были многочисленны в миоцене. Наиболее известен род *Sivaterium*^[94] — огромное животное с небольшим хоботом, чьи останки были найдены в третичных отложениях холмов Сивалик в Индии.

У сайги имеется короткий, но совершенно ясно выраженный хобот, особенно заметный у самцов. Сайга — обитатель травянистых равнин, но не пустынных мест, — особенно многочисленна была в степях юга России вплоть до середины последнего столетия. В послеледниковый период являлась важным объектом охоты и пропитания племён каменного века, ареал обитания простирался на запад вплоть до восточного побережья Англии. Но теперь сайга на грани исчезновения, так как истребляется беспощадно ради добычи рогов её, что ценятся от 4 до 5 сотен золотых рублей за пару, т.е. порядка 40 или 50 гиней; продают их в Китае, где используются как средство народной медицины. Рога сайги с виду как у газели, но цветом подобны полупрозрачному янтарию. Российское правительство ничего не предприняло для защиты животного, а уж когда народ русский был осчастливлен «свободою, дарованной товарищами от коммунизма», возник даже особый вид спорта: явились охотники на «охотников на сайгу». Таковые отслеживали счастливого добытчика пары сайгачьих рогов, поджидали его в засаде, и, всаживая ему пулю в тело, ста-

новились обладателями добычи, легко превращаемой в денежный приз. Лишь безлюдная степь была свидетелем преступления.

Я содержал сайгу в домашних условиях; животное быстро приручается, если взято в раннем возрасте, и в неволе способно размножаться. Стоило бы разводить сайгу в степи, как маралов, для тех же целей; разведение маралов стало прибыльным делом в лесистых местностях Алтая, причём рога подлежат вывозу в Китай.

Помимо решения чисто охотничьих задач, эта поездка могла бы стать для меня полезной в отношении добычи свежего мяса для моих друзей и для меня лично. Мясо вообще стало очень дорогостоящей и трудно добываемой пищей, и в моём рационе оно исчезло вовсе. К тому времени мне удалось выправить свою берданку путём срезки части ствола и наладки прицела; теперь старушка стреляла исправно, в чём смог я убедиться, охотясь на дрофу.

Непросто было разыскать возничего, ибо не было желающих в лютую стужу отправляться в тростником поросшие дали. В конце концов, по распоряжению Совета рабочих, удалось заполучить молодого русского парня по имени Фёдор. Он был коммунистом, но я не особенно волновался на сей счёт, поскольку имел способ вышибить из его головы коммунистический бред, когда выехали мы в пустынные пределы. Напутствуемый сердечным прощанием от моих добрых друзей и хозяев дома, пожелавших мне избежать чрезмерных опасностей и не быть съедённым тиграми, отправился я в свою охотничью экспедицию.

Мой возничий не имел ни малейшего представления об управлении лошадьми и давал им полную волю двигаться по дороге, как им заблагорассудится, довольствуясь лишь тем, что дёргал иногда то за одну вожжу, то за другую. Он даже и не предполагал необходимости держать вожжи в руке, а просто привязал их к навесу коляски у себя над головой. Стоит ли удивляться, что мы имели

неприятности уже до того как покинули пределы города: просто вывалились из экипажа, когда тот опрокинулся. К счастью я сумел вовремя выпрыгнуть. После того я, невзирая на коммунистические «возражения» Фёдора, настаивал на том, чтобы он держал вожжи в руках постоянно, и разъяснил ему основы управления лошадьми. Однако вдолбить в тупую башку русского мужика, который абсолютно убежден, что наделен природой всеми знаниями от рождения и стоит гораздо больше, чем любой барин, можно разве что при помощи дубины. Когда мы спустились по крутому склону к мосту через реку Чу, то едва избежали волн глубокого бурлящего потока. То послужило своевременным уроком, вложившим в его коммунистические мозги толику здравомыслия. Далее на протяжении нашего пути уже не было особых происшествий.

Заночевали в русской деревне в доме престарелой пары зажиточных крестьян. Хозяин со своею супругой оказались учтивы и предоставили мне приемлемо чистую комнату, а сами вместе с Фёдором разместились на кухне.

Пока я пил чай и скромно ужинал, появился некий молодой человек, видимо, сын хозяина дома, подсел ко мне и представился как секретарь местного коммунистического комитета; он спросил, почему я сижу тут один со своим чаем и не приглашаю Фёдора присоединиться к ужину.

— Да потому что он мой кучер, — спокойно ответил я.

— Но он ведь тоже человек, как и вы. А все люди равны.

— Ни в коем случае, — возразил я.

— Но это доказано наукой!

— Как раз наоборот, наука доказала, что люди, равно как и животные, отличаются друг от друга, и на этом основан прогресс и развитие человечества.

— Но ведь оба вы граждане одной страны и равноправны; оба служите в одном учреждении и делаете одно дело, — продолжал упорствовать юный коммунист.

— Вовсе нет, — возражал я, — сможет ли ваш Фёдор заполнить гидрографический обзор вместо меня и начертить геологический разрез?

— Но он делает ту работу, что ему поручена!

— И делает её из рук вон плохо, не имеет о ней ни малейшего понятия. Я могу править лучше, чем он, и ухаживать за лошадьми также. Вот завтра поутру я сяду на место Фёдора и стану править, а он пусть следит за моими инструментами и делает съёмку русла реки.

— Но его этому не учили, — настаивал сей ученик Карла Маркса.

— Не считаете же вы, что те двенадцать лет моей жизни, что потратил я на своё образование, не даёт мне никакого преимущества перед тем, кто едва способен читать и писать?

— Все люди с рождения имеют равные права на все блага жизни, а потому всё должно быть поделено поровну среди всех, — от души твердил юноша избитые слова.

— С этим согласен, — ответил я с улыбкою, — отец Фёдора владел парой сотен акров земли, фермой, садом, четырьмя лошадьми, тремя коровами, овцой, свиньями, домашней птицей и т. д. Фёдор вместе с ним поставлял десятки фунтов сала, изрядное количество хлеба и масла, и всё это ничего ему не стоило. Коль скоро все люди равны, нам и платят поровну, двенадцать сотен рублей в месяц. На свой хлеб я трачу сто рублей и за кило колбасы плачу ещё шесть сотен рублей. Что остается сверх того и на сколько дней ещё хватит? Я с радостью готов разделить собственность Фёдора и отца его между нами поровну. А моя собственность вот она вся здесь. — И я указал на свой скудный багаж.

Коммунист промолчал, посидел ещё немного, встал, вышел вон и уж более не появлялся. Вскоре вошла его мать, которая подслушала наш спор за дверью. Она принесла яиц, отменную сметану и хлеб, и шепотом произнесла: «Не обращайтесь внимания на молодого дурачка»

и не обижайтесь на него. Он повелся с большевиками и совсем помешался».

На следующий день в момент отъезда моего она категорически отказалась принять деньги за гостеприимство.

Всю ночь падал снег, и дорога стала трудно проезжей, колёса вязли, и лошади с трудом тащили повозку. К темноте едва сумели добраться до следующей русской деревни, где надлежало нам сменить колёсный экипаж на сани. Помещение, которое нам удалось найти для ночлега, оказалось столь грязным и душным, что я предпочёл заночевать в повозке прямо во дворе. Ноги мои мёрзли, ибо кожаные ботинки не спасали от холода, пришлось ботинки снять. Пурга не унималась, меня заметало снегом, тапочки мои смёрзлись так, что я едва смог их надеть после того, как те немного оттаяли и стали мягче.

Благодаря саням мы стали двигаться значительно быстрее; перед нами простиралась бесконечная заснеженная равнина, сливавшаяся со свинцово-серым небом на горизонте. Лошади тянули бодро, колокольчики на сбруе весело звенели, а холодный свежий ветер перехватывал дыхание. Всё это живо напоминало мне о юных годах моих, об оренбургских заснеженных степях, когда в метель и бураны зачастую терял я дорогу и вынужден был ночевать под открытым небом.

Было уже позднее время, когда добрались мы до деревни Воскресенское, последней на моём пути. Неподалёку от околицы возле дороги, зловеще при свете луны выступали три недавних могилы, обнесённые невысокой изгородью; то был памятник Большевистской Власти. Жертвы были расстреляны не за какой-то проступок, но просто так, *pour encourager les autres* (фр. чтобы другим неповадно было — пер.); для коммунистов это дело обыкновенное. Система беспощадного террора, благодаря лишь которой Ленин добился успеха, преследовала нас даже здесь, в затерянной среди бескрайней степи деревне.

В Воскресенском ждало меня разочарование: дальше ехать было невозможно, снег завалил в степи все дороги, для лошадей не было пищи. Утешением могла послужить лишь новость, что можно пострелять фазанов и зайцев здесь, сколько душе моей угодно. С горечью приходилось отказываться от заветной мысли о поездке в район, не только изобилующий дичью, но и для меня незнакомый, однако видел я немыслимость проехать ещё пару сотен вёрст по степи в столь суровых условиях.

«Однако с чем буду охотиться на фазана? Нет у меня дробовика», — невольно воскликнул я. «Найдём для тебя хорошее ружьё», — услышал я в ответ.

Вскоре принесли мне обрез из старой винтовки калибра 0,4 дюйма, с виду как длинный пистолет; нарезка ствола изношена; несколько старых обойм могли вместить лишь немного патронов; порох был самодельным, а пижи изготовлены из клочков газетной бумаги.

— Мыслимо ли убить кого-либо из подобного ружья! Это не более чем игрушка!

— Не беда, в краях наших птицы непуганные, мы ловим фазанов руками.

И то оказалось правдою. Когда выпадает много свежего пушистого снега, фазаны в него проваливаются, начинают барахтаться и проваливаются более, пока не выбьются из сил. Тогда можно брать их голыми руками. Рано поутру принесли мне живую птицу, пойманную таким образом в ближайшем огороде.

Так вот началось моё своеобразное «преследование фазанов», тем манером, как это часто делается в России и Сибири при охоте на тетерева. Стрелок на саях приближается как можно ближе к птицам, которые на зорях собираются на возвышенных участках побережья реки Чу, где снег растаял и можно отыскать немного зёрен и семян для прокорма. Птицы позволяли подобраться на саях совсем близко, так что я мог стрелять по ним из своего нелепого оружия.

Сходу ружьё, как правило, давало осечку, так что частенько приходилось спускать курок два, три и даже четыре раза подряд, пока наконец ружьё выстреливало. Хорошо, что фазаны при этом оставались настолько спокойными, что продолжали разгуливать и как бы ожидали, когда я смогу по-настоящему выстрелить. Иногда сила выстрела была столь незначительной, что заряд, ударившись в птицу, не причинял оной никакого вреда: та лишь отряхивалась и, как ни в чём не бывало, отходила чуть подальше. При сильном морозе оперение фазана становится очень жёстким, а под ним есть ещё слой пуха, в котором заряд и застревает, так что от слабого выстрела у фазана имеется хорошая защита. Иногда птицы пытаются спрятаться в снегу, но их длинные хвосты при этом остаются торчать снаружи и выдают их тем самым. Те, которых мы добыли, были очень жирны и в виде пищи вкусны чрезвычайно. Несмотря на примитивность моего оружия и прочего снаряжения, в течение трёх дней охоты удалось добыть изрядное количество фазанов, зайцев и уток. Подстрелил я также горностая; помимо того, с помощью моего спутника и его сети, удалось наловить более 20 кг жирных сазанов. Позже удалось выменять ещё 5 кг масла, так что можно было возвращаться в Пишпек с запасом провизии для меня и моих друзей. Стояли холода, и всё добытое могло быть сохранено в самом лучшем виде.

Через несколько дней после моего возвращения в город, на большом митинге, по сведению друзей, там присутствовавших, заявлено было о приговоре, вынесенном Советской Властью над другим моим полковником П. Г. Корниловым, и о казни его в Ташкенте. Даже измученный пытками и едва способный стоять на ногах, он держался героем, с достоинством истинно благородного человека, перед бандитами, что разыграли над ним трагикомедийную пародию на судопроизводство. Судьями его были сплошь преступники, вызволенными из тюрем революцией. В зачитанном сообщении большевики выказали

огорчение по поводу того, что «главному организатору мятежа в Туркестане, Назарову, удалось скрыться, но Советское правительство делает всё возможное для его отыскания».

Здравый смысл подсказывал, что настала пора укрываться от карающего меча Советской Немезиды. Путь был только один — бежать в Кашгар, на территорию Китайского Туркестана. Я уже давно начал осознавать неизбежность такого шага и собрал все доступные сведения о пути в том направлении, но в данную пору, в средину зимы, путь был для меня закрыт. Все перевалы заснежены. Помимо того, появление незнакомого лица в столь необычное для передвижения время неизбежно привлекло бы внимание и закончилось незамедлительным арестом. Итак, не было иного выхода, как проводить время в непрерывных разъездах и от города держаться подальше.

Трагичность моего положения состояла ещё в том, что я, если окажусь в клещах большевистских, неизбежно подвергну смертельному риску не только дорогих мне людей, но и тех любезных друзей, что дали мне убежище, не догадываясь, кого приютили, и даже не подозревая, что я скрываюсь под вымышленным именем.

А тем временем снег днём уже начинал таять, на дорогах появились лужи, хотя по ночам всё замерзало вновь; солнце пригревало, становилось всё теплее. В воздухе всё явственнее ощущалось дыхание весны. Заснеженные пики гор круто возвышались на фоне ярко-синего неба — вершины, за которыми была земля, в коей уповал я обрести покой и отдохновение. Часто взирал я на этот горный хребет. Оттуда из краёв полуденных прилетали стаи лебедей, и слышен был их мелодичный свист, подобный гласу серебряной фанфары. Треугольники огромных гусиных стай, что зимовали на просторах далёкой Индии, косяк за косяком, пролетали в сторону озёр степей киргизских. Всё это будоражило душу и не давало спать по ночам; этот проникновенный клич «хонк-хонк» так дорог для слуха настоя-

щего охотника! Следом потянулись, словно из какого-то волшебного мешка, несметные количества уток всех сортов, покрывших не только озёра и болота, но и поля тающего снега, многие осмеливались располагаться прямо в посёлках. По вечерам главные дороги, где снег таял быстрее, нежели в полях, буквально сплошь были покрыты дикими утками, те не желали отлетать прочь из-под колёс моей повозки, рискуя быть раздавленными.

На равнине становилось всё теплее, снег исчез почти всюду, и в степи начала пробиваться зелень трав. Появились бекасы и другие болотные птицы, и я имел возможность сделать ряд первоклассных выстрелов, ибо теперь у меня в руках была превосходная бескурковая двустволка. Также появились стрепеты и дрофы, рябок песчаный (*Pterocles arenaria*)^[95] всевозможные зуйки-ржанки и прочие промысловые птицы. Я подстрелил очень крупную дрофу, что весила почти 20 кг и послужила отменным угощением к Пасхе.

В ту пору я готовился к поездке в северные области озера Балхаш, малоизученные, но весьма богатые. Достаточно упомянуть, что горный хребет Кан-Тау, простирающийся к западу от Балхаша, до сих пор на картах точно не обозначен. Кан-Тау означает Рудничные горы, и такое название оправдывается изобилием в тех горах полезных ископаемых. Имеется тут следы древних выработок неизвестной эпохи. Ныне лишь немногие киргизы выплавляют из руд свинец для пуль, извлекают также и некоторое количество серебра.

Встречаются среди песков естественные залежи селитры, подобные тем, что в Чили, но селитра здесь калиевая, а не натриевая. Под рыхлым слоем поверхностного грунта имеется слой глины с прожилками нитрата калия. Таковые отложения не имеют ничего общего с теми, что часто встречаются в Туркестане на территории старинных городов и поселений. Во время Великой войны (Первой мировой — пер.) я принимал деятельное участие в разработке

таковых. Есть подобные естественные отложения в других местностях Семиречья, например, близ поселения Белые Воды. Природные нитраты могут когда-нибудь стать предметом выгодного производства.

Немало есть богатств, каковыми щедрая Природа наделила Семиречье, вот, к примеру, «сапропелит» — ценный продукт, как бы специально уготовленный для благ человечества не только в течение последних веков, но и буквально на наших глазах. С виду он похож на озокерит, но отличается поведением в поляризованном свете; происхождение его органическое^[96]. При сухой перегонке сапропелит даёт керосин, бензин, парафин, церезин и производные бензола, в том числе до 40% толуола, важного для парфюмерии и для военной промышленности (получения взрывчатого вещества тринитротолуола — пер.). Огромные количества сапропелита залегают под слоем песка вдоль берегов залива Ала-Куль, являющего частью озера Балхаш, но ещё большие запасы его лежат на дне его обширного мелководья. Сапропелит есть продукт превращения водоросли-макрофита *Botryorchis brauni*, в огромных количествах обитающей в Ала-Куле; встречается он и в многочисленных озёрах и внутренних морях России и Европы, но нигде его нет так много, как здесь. Битумные сланцы, что стали нынче важной составляющей европейской промышленности, есть не что иное, как отложения сапропелита древних геологических эпох. Мне известен лишь один случай применения сапропелита Ала-Куля: семиреченский казак по фамилии Плотников сумел изготовить из него смазку для колёс, но изобретателя расстреляли большевики как буржуя и «эксплуататора трудящихся масс».

Рискуя утомить читателя перечислением всех благ Семиречья, где провёл-то я не так уж много времени, должен я упомянуть ещё об одном естественном продукте, могущем сыграть важную роль в текстильной промышленности. Это растение *турка* или *кендырь* (*Аросунум венетум*)^[97],

встречающееся во многих речных долинах Туркестана, но особенно много его на нижних участках долин Чу и Амударьи. Это невысокий кустарник с красивыми узкими листьями и маленькими розовыми соцветиями. Его молодые побеги, будучи срезанными весной, дают яркое белое волокно, из которого получается первоклассная ткань, совсем как шёлк. Осенью волокно приобретает коричневый оттенок и становится более грубым, но всё ещё ценным. В Хиве срезку делают по осени и волокно используют для веревок и сетей, имеющих то важное свойство, что не гниют в воде и не портятся от сырости даже при длительно воздействии. *Турка* — растение дикорастущее, но которое было бы не сложно культивировать. Всё что требуется, это расчистить участок с подходящей почвой, удалить иные растения и сделать посадки. Предпочтительны неплодородные болотистые почвы, на которых ничто иное не растёт. Этот кустарник мог бы стать для Туркестана тем же, чем для Индии стал джут. Россия изобильна, но народ русский ленив. До сего времени страна слишком была занята мировыми социальными проблемами и нынче, разумеется, совершенно не способна культивировать не только источник сырья для текстильной промышленности, но и разводить что-либо вообще.

Берега озера Балхаш, камышовые заросли, болота и травянистая степь вокруг с островами кустарника изобилуют всеми видами живности, пернатой и облачённой в мех. В камышовнике фазанов тысячи, а летом водное пространство буквально забито гусями, лебедями, утками и прочей пернатой дичью. Множество кабанов также нашло приют в зарослях камыша, сами служа добычей для тигров, которых здесь также немало. Балхашский тигр знаменит своим густым мехом^[98]. На степных просторах пасутся стада газелей и сайгаков, и что примечательно, в зарослях кустарника среди холмов встречаются не только косули, но и олени, олени крупные, коих киргизы называют *маралами*. Конечно, это

иной вид, нежели марал сибирский, подобный вапити (*Cervus canadensis*, v. *maral*, канадский олень — пер.). Олень русского и китайского Туркестана малоизучен, и я не сомневаюсь, что имеется несколько его разновидностей, науке неизвестных.

Район озера Балхаш — край привлекательный, щедро природою наделённый, и в то же время первозданно-дикий, ещё не разграбленный жадностью человеческой. После большевистского переворота многие жители Туркестана не смогли приспособиться к новым социалистическим порядкам и отправились искать себе убежища в отдалённых и уединённых землях по берегам озера Балхаш. Некоторые мигрировали вместе с семьями. Образ жизни был у них вольный и независимый, как у охотников. Кабаны давали первоклассную свинину, воды озера — отменную рыбу, вплоть до крупной озёрной форели, на сочных травах степных скот быстро тучнел и размножался. Плодородные земли давали баснословные урожаи. Таковые охотники обитали в разнесенных усадьбах. Зимой они торговали с городами, поставляя ветчину и рыбу. Среди повсеместной нищеты и необузданной травли в условиях большевистского террора, таковые места оказались единственными островами во всей нашей бескрайней империи, где человек мог ещё жить и дышать свободно.

Люди здешние гостеприимны и доброжелательны к тем, кто почитит их своим посещением. У них даже заведен такой порядок, чтобы по очерёдности принимать и обслуживать гостя. Меня наперебой приглашали, чтобы выбрал я себе пристанище среди них в этих поистине райских для охотника местах, куда не достали ещё лапы большевиков.

Предпочёл же я, однако, путь для себя более деятельный и тревожный, дорогу в дальний и неизведанный Китай, прочь отныне и навсегда из этого ада «мира рабочих и крестьян», дикой тюрьмы, что зовётся у них Советской Социалистической Республикой.

Когда я был уже в безопасности в Кашгаре, в конце 1920-го, Советское правительство направила особую карательную экспедицию на Балхаш, и та быстро изничтожила свободно-независимое население благословенных мест. Большевики перестреляли всех: охотников, их жён и даже детей малых.

Весна была уже в разгаре. Зацвели фруктовые деревья. Под моим окном заблагоухали соцветия *черёмухи обыкновенной* (The Birdcherry, *Prunus padus* — авт.). Это дерево, столь излюбленное для многих русских, в Туркестане не растёт, и в течение многих лет не мог я наблюдать его цветения, живо напоминающего мне родные места на Урале. Каждый божий день посещаемая была черёмуха краснопёрыми птицами, именуемыми большая чечевица (*Carpodacus rubicilla*)^[99], и я глаз оторвать не мог от этих в багровый цвет наряженных созданий, что порхали среди белоснежных соцветий. Отныне всё это, моя родина и народ мой, всё должно быть оставлено позади на многие-многое дни, а может статься, что навсегда. Я двигался в изгнание, в улёт из страны моей в края незнакомые, дикие, страну незнаемую, где обречён искать себе убежища и покоя.

Целых две недели дождь лил беспрестанно, ливень перемежался с порывами ветра, молниями и градом. Наконец после особенно сильного натиска бури, заставшей меня на открытом месте и принудившей укрываться вместе с лошастью от града под накидкой, пробилось, наконец, солнце, сгинула облачность, и настал длительный промежуток отменно ясной погоды.

Природа пребывала теперь в полной красе своей: места невозвышенные уже покрылись густою зеленью трав и ковром цветов разнообразных и чудеснейших, среди них и мой в Туркестане любимейший тюльпан (*Tulipa greigii*)^[100], с его широкими пятнистыми листьями, расцветкою подобными леопарду. Нигде тюльпан не достигает столь больших размеров, как в Семиречье: толстый стебель его

длину имеет более 60 см, а тёмно-красный цветок — размером с чашку.

Холмы, что повыше, покрылись ярко-зелёной невысокой, нежною травой, чрез которую по всем склонам пробивались тысячи тюльпанов иного вида, *Tulipa hesneriana*^[101], золотисто-жёлтых, розовых, белых, бело-розовых, жёлтых и красных, в любом разнообразии расцветок, и все с изумительным ароматом. Воздух был свеж и бодрящ, исполнен дивных ароматов. Таковую картину помнил я с дней моего детства в степях Оренбуржья, где по весне как раз такие тюльпаны украшали травяные пространства.

Весна была уж в полном разгаре. Дороги открыты. Пора настала готовиться к длительному и опасному путешествию. Официально считалось, будто я направляюсь далеко в горы для геологической съёмки.

Мои друзья организовали прощальный пикник, во время которого мы набрали массу грибов, а также цветов лютика (*Adonis vernalis*), что так ценится в больницах при недостаточности лекарственных средств.

Чувство глубокой грусти сжимало сердце моё при расставании, возможно навсегда, со всем тем, что было мне столь дорогим при жизни в любимом мною Туркестане, где провёл я лучшие годы жизни своей, изучая природу края и его минеральные богатства. Предстояло мне изнурительное странствие в земле неведомой, одинокое и бесприютное существование в бедности, без друзей в стране чужой, незнакомой...

Но чтобы достичь хотя бы этого, надо было ещё немеченным выйти за пределы «социалистического отечества» через кордон, ныне бдительно охраняемый Красными пограничниками. Правительство рабочих и крестьян не позволяло никому покинуть пределы созданного имирая на земле, таковое дело возможно было осуществить лишь с риском для жизни.

Глава XV. Возвращение на тропу

Из Ташкента прибыл мой друг с тревожным для меня известием: советские власти установили, что я скрываюсь где-то в Семиречье, и отдан приказ местным органам ЧК сделать всё возможное для моей поимки. Стало жизненно необходимым убраться из Пишпека как можно быстрее.

Дабы сбить с толку их агентов и замести свои следы, я устроил дело таким образом, будто официально командирован в окрестности озера Балхаш с целью разведки полезных ископаемых, а на самом деле двинулся прямо в противоположную сторону, на юг, к ущелью реки Нарын, что на границе с Китаем близ Кашгара.

Я выехал из Пишпека 18-го мая (1920 г. — пер.) на небольшом экипаже, запряжённом тройкой лошадей. В мои намерения входило воспользоваться одной лошадью на пути от границы до Кашгара, а повозку с двумя остальными отправить обратно. На сей раз извозчиком был молодой киргиз Азамат-бек, смыслённый парень, чья надёжность не вызвала сомнений. Ранее он был весьма богат, но в 1916 году разорён совершенно. Тогда во время восстания русские похитили всё его имущество и запасы, убили престарелого отца его, несмотря на то, что оба к русским были доброжелательны. Сам Азамат немало для пострадавших сделал, например, избавил от плена семнадцать русских девушек и женщин, которых киргизские повстанцы угоняли в Китай. Конечно же, я не посвятил его в детали моих намерений, и он не догадывался о том, куда я направляюсь, а просто полагал, что совершаю обычную свою поездку в горы.

Погода установилась чудесная, тёплая и ясная. Всё вокруг зеленело, степь пестрела разнообразием цветов всяческого вида. Взгляд привлекали тёмно-синие колокольчики чудесных лилий (*Ixiliridion tartarica*)^[102], что способны расти повсюду и достойны внедрения в садоводство. Другой очаровательный весенний цветок, который заслуживает внимания любителей цветоводства, — это миниатюрная разновидность ириса нежно-фиолетового оттенка с удивительным запахом; он может произрастать из луковицы в самых крошечных горшочках и очень подходящ как для закрытых помещений, так и в саду в качестве альтернативы крокусам.

Заночевали в Токмаке, а следующий день как раз пришёлся на большой православный праздник, Вознесение. День был чудесный, солнечный, и мелодичный звон больших колоколов разносился в спокойном утреннем воздухе. В последний раз внимал я гласу родной церкви, будто прямо к сердцу моему взывавшему!

По окончании церковной службы толпа прихожан вывалилась из храма, мужчины и женщины в ярких разноцветных одеждах и косынках. Собравшись вдоль церковной ограды, они составили яркий и своеобразный фон для военного парада, который долженствовал быть вскоре — парада Красной армии на манер дней стародавних, когда подобное действо было неотделимо от важных церковных праздников. Поводом служила вторая годовщина рождения Красной пролетарской армии. Якобы-большевики Токмака оставались верны своим повадкам, просочетав коммунистическую демонстрацию со старинным русским церковным праздником.

Я устроился на большом камне поближе к ораторам, откуда мог всё хорошо наблюдать и слышать. Произносились были пламенные речи, равно русскими и мусульманами. Ораторы изгалялись в красноречии по поводу насущной необходимости «общенародного вооружения» ради поддержки «мировой социалистической революции». Де-

скасть, Царская армия создана была империалистами ради всемирного кровопролития, защиты интересов капиталистов и помещиков, но вот теперешняя Красная армия создана для защиты «трудящихся масс и интересов мирового пролетариата». «Капитал отныне уничтожен, — хрипели они, — и осталась лишь задача единения и вооружения международного пролетариата и создания всемирной Красной армии, а потом наступит век всеобщего благоденствия, товарищества всех наций, мир во всём мире, „священная империя трудящихся масс“. Оружие пребудет лишь в музеях, пушки переплавят на сельхозорудия».

Я слушал, и мне казалось иногда, что оратор говорит с иронией и лукавством, едва сдерживая улыбку от собственных слов своих, вида своего и всего этого вычурного, вздорного и смехотворного жаргона, к которому верховная власть его приучила, и на котором приходилось ему читать проповеди перед публикой. Всю эту комедию разыгрывал приличного вида парень, бывший капитан царской армии, который и командовал теперешним парадом.

Далее под звуки Интернационала в боевом порядке промаршировала горстка позорно выглядевших красноармейцев. За ними хорошим строем и в подходящем виде проследовали «игрушечные солдаты», то бишь мусульманские детишки — киргизы, сарты и татары, распевавшие Марсельезу на своём языке. Впереди шла девочка с красным флагом, а позади — подразделение Красного Креста, дети с носилками и «врач» в белом халате, и, наконец, маленькие «сестры милосердия» с красными полумесяцами на груди.

Сию игру в солдатики наблюдать было весьма забавно, но огорчительно мне было то, что все эти «бравые ребята» попадут в тиски большевиков, сколь и огорчителен был вид оратора, несшего свой вздор, егоже ненависть и презирая. Обидно было и за простецкую сельскую толпу, что глазела мутным взором на Советский парад, безразлично внемля большевистской чепухе.

Глубоко врезалась в мою память последняя картина русского городка, последняя сцена из драмы русской жизни в моём отечестве, что покидаемо было мною, возможно, навсегда...

Никак не удавалось мне изгнать из головы своей навязчивый вопрос: «И что это за немыслимый народ такой, русский, с которым горстка бандитов с толстою дубиной смогла сделать всё, что хотела, даже обратить в учеников Карла Маркса, в коммунистов? А в то же время коренные народы Туркестана, на коих взирали как на тёмные и дикие, упорно цеплялись за свои права, независимость, обычаи, веками установленный образ жизни. В других уголках Туркестана, в Фергане, оказано было ими упорное сопротивление властям советским».

Даже по прошествии нескольких лет, когда гробовая тишина объяла Россию, и многие из высших кругов общества российского пошли на компромисс с Советской властью, к большевизму приспособились и продали честь свою, — по-прежнему «презренные» басмачи Ферганы восставали вновь и вновь против ненавистного ярма, занимая целые селения и города и убивая коммунистов. Ни большевистское золото, ни буденовская кавалерия, ни лживые обещания Советов, ни даже приукрашенная пропаганда национальная автономия, не смогли погасить священного огня ненависти в сердцах мусульманских басмачей.

Пополудни мы двинулись дальше. Сады Токмака утопали в цветах яблонь, персиков и черешни. Прибыли в сравнительно недавно образовавшийся посёлок Бердовка, чья репутация в районе была не из лучших из-за жителей его, ревностных большевиков. Как только в посёлок въехали, то увидели большую толпу народа, наблюдавшего за скачущей галопом лошадью, к седлу которой привязан был мальчишка лет двенадцати. Оказалось, что парнишка захлебнулся во время купания, потому и был подвергнут столь необычной методе приведения в чувства.

В промежутке между этим посёлком и следующим, именуемым Белый Пикет, где провели мы следующую ночь, местность пустынна, хотя до Киргизского восстания (1916 г. — пер.) была плотно населённой. Вдоль по всей дороге располагались многочисленные киргизские усадьбы и фермы, караван-сарай, чайханы и сады фруктовые, насаждения высоких тополей, ив и вязов. Изобилие было во всём, и на всё цены были низкими. К примеру, полное ведро яблок стоило пенни, а киргиз с радостью отдал бы овцу в обмен на 7 кг риса. Здесь была овцеводческая провинция, откуда сотни и тысячи баранов и овец поставлялись в Туркестан и Фергану.

Ныне всё здесь разрушено, и лишь несколько несчастных развалин да останков деревьев видны посреди пустыни. Диву даёшься, до чего же быстро в Средней Азии всякий след оседлой жизни и цивилизации исчезает и превращается в пустыню, особенно когда за дело берутся такие мастера своего дела, что, прежде всего, вырубают деревья, а потом уничтожают системы орошения.

Деревня Белый Пикет славится самогонварением в промышленном масштабе. Ещё тени ночные не пали на хребты Тянь-Шаня, а уж вся деревня закурилась смрадом сивушного масла: то заработали сотни кустарных самогонных агрегатов. Я видел множество «фабрик» сей процветающей отрасли «народной индустрии». Все они по конструкции суть устройства в высшей степени грубые. Большой железный котёл ставится на медленный огонь и покрывается сверху другим, соединение замазывается глиной; конденсатором-холодильником служит ружейный ствол, вставленный в отверстие в верхнем котле и покоящийся в желобе, по которому постоянно течёт холодная вода из кувшина. С нижнего конца ствола собирается в приёмную бутылку густая и дурнопахнущая жижа. За ночь удаётся нагнать несколько бутылей. Вся установка может быть разобрана моментально, причём каждая деталь размещена на самом видном месте, так что все следы неза-

конного производства прячутся, за исключением, конечно же, воздуха, насыщенного запахом сивухи.

Однако описанного вида аппарат всё же относительно сложен, и построить его чего-то да стоит. Но в одной из деревень Семиречья видел я такой, что по совершеннейшей простоте своей был воплощением идеи гениальной: в нём отсутствовал холодильник или иные агрегаты, была только обычная кухонная посуда, как-то ведро, чашки, тарелки и т.п., всё суть невинные предметы жизни повседневной. Тот агрегат был изобретен простою русскою бабой, и должно признаться, я был безмерно удивлён её изобретательностью. Удивительно, что американцы не наткнулись на подобную идею; искусность российская их тут сразила бы наповал.

Вновь приходилось проезжать через Самсоновку, и там нашёл я пьяный дебош в полном разгаре; компании мужиков шатались по улицам, иные валялись в стельку пьяные на земле. В то время как раз был какой-то коммунистический праздник или что иное, и людьми произносимы были бесконечно-длинные и бессвязные речи...

Грандиозная теснина ущелья Буам является *латеральной* (курсив пер.) долиной реки Чу^[103], прорезающей самый северный хребет Тянь-Шаня, Александровский. Вход в северную часть ущелья размерами изряден; дорога круто ниспадает к красивому деревянному мосту, смело возведённому над глубоким руслом реки, и вновь устремляется вверх. Внушительные горы сторожат проход. Слева в глубине каньона можно видеть Кебен, впадающий в Чу с востока. Воды обеих рек цвета аквамаринов, но, смешиваясь, вскипают белой пеной, которая мчится и бурлит в страшной глубине, приглушённым грохотом своим достигая нашего слуха.

Много веков назад, вероятнее всего в третичную эпоху, река Чу проделала себе путь через Александровский хребет, в то время не очень высокий, и, будучи стоком вод обширного бассейна, выносила огромное количество размы-

тых пород, отлагавшихся в предгорьях. Горы Тянь-Шаня постепенно поднимались, а вместе с ними — и образовавшиеся таким образом галечники. Река, можно сказать, старела, т.е. теряла свой напор и разрушительную мощь, её течение становилось всё более спокойным и перемещало всё меньшее количество грунта. Затем в процессе горообразования наступил временный перерыв, и река продолжала течь среди ею же нанесённых конгломератов. Позже, в геологическом масштабе времени совсем недавно, вновь началось поднятие и продолжается до сих пор. Горы вздымались, их самые высокие области стали накапливать больше осадков в виде снега и льда; больше воды стекало в реку, отчего та становилась напористее и принялась размывать конгломераты, ранее намытые; река прорезала их как нож и углубляла своё русло соответственно тому, как поднимались горы.

Неподалёку от почтовой станции Джиль Арык (Канал Ветров), по левому краю долины видна гора, сложенная из красных песчаников и серых глин, вероятно юрского периода; там есть залежи угля, который имеет большую зольность, но годен для кузнечного дела.

Теснина Буам бесплодна, нет в ней ни деревьев, ни кустарника; склоны гор лишь кое-где имеют травяной покров, но местность всё-таки живописна. Дожди здесь бывают, однако когда вы проходите сквозь горловину ущелья и попадаете в просторную долину Кок Майнак^[104], то сразу замечаете засушливость климата и типичную для пустынной местности растительность. Долина опоясана холмами, сложенными из грязеподобного лёсса вперемежку с гравием, смытым с окрестных гор; земля покрыта огромным количеством булыжников. По склонам гор видны озёрные отложения и береговые террасы — несомненные доказательства, что некогда озеро Иссык-Куль простиралось до входа в теснину Буам.

На сухой почве произрастает здесь в изобилии трава, именуемая *чий* (*Lasiagrostis splendens*)^[105]. Стебель имеет

прямой и ровно-гладкий, твёрдый как проволока; достигает высоты более трёх метров, но в толщину имеет не более 6 миллиметров; верхнее соцветие очень красивое, а при основании длинные, очень узкие листья образуют толстый пучок. Чий растёт группами и образует обширные заросли, полные фазанов и зайцев. Столь необычная трава характерна для тех мест Средней Азии, где мало дождей, но уровень грунтовых вод не очень низок, почвы предпочитает песчано-глинистые. Удивительно то, что лошади и скот домашний охотно поедают соцветия и даже стебли, но не листья.

На высоких глинистых холмах, как на пьедесталах, расположились заросли другого типичного представителя флоры Средней Азии, *Nitraria stroberi*^[106], кустарника с белыми стебельками и небольшими сочными листьями. Летом образует черные плоды, довольно сладкие, но солоноватые, которые съедобны, но не очень вкусны. Это наиболее распространённый житель пустынь, что встречается повсюду на территории Тургайской степи и всей Средней Азии. Я встречал его в Тибете и на равнинах Индии. И что особенно удивительно, растёт также и в пустынях австралийских. Корневая система сильно ветвится и проникает глубоко в почву. Через некоторое время песок засыпает всё растение, оно же снова прорастает на верхушке бугорка. Так продолжается его упорное стремление вверх, и наконец образуется холм, имеющий странный вид сплетения корней с ветвями на вершине. Хорошо растёт кустарник также на тяжелых глинистых почвах и среди камней.

Склоны гор вокруг сухие и пустынные. Вся атмосферная влага, которую местность получает исключительно с запада, то есть с Атлантики, осаждается на самых западных вершинах, и мало что остается для долин Кок Майнак и котловины Иссык-Куля. В горных районах жарких стран таковая картина является весьма общей и объясняет тот странный факт, что рядом с заснеженными

и покрытыми вечным льдом горами соседствуют настоящие пустыни.

По берегам горных рек расположились негустые заросли крушины (*Hippophae rhamnoides*)^[107] и мелколистной ивы. Было очень холодно, и дул пронизывающий ветер. Весна здесь только ещё начиналась, и листья растений едва распускались. Несколько мелких куликов (песочников, песчанок — пер.) порхали туда-сюда по песчаным берегам рек, пронзительно свистя, а в зарослях громко кукарекали петухи-фазаны.

В дикой степи Кок Майнака тянь-шаньские бараны (*Ovis carelini*) и горные козлы спускаются ранним утром к реке Чу на водопой.

Мы переночевали в полуразрушенном здании почтовой станции и на следующее утро продолжили путь по дороге, повернувшей теперь вслед за Чу к востоку и следовавшей по широкой и плоской долине, где река текла среди подвижных песков, галечников и глины. Растительность стала несколько богаче; встречались зелёные поля и густые заросли *чия*. В последних жизнь была ключом, и было интересно проезжать поблизости. Видели стадо диких свиней, пробиравшихся сквозь заросли на противоположном берегу реки; фазаны с важным видом, как бы по нахалке, вышагивали возле дороги, а на полянах зайцы продолжали пастись, нисколько не страшась моего приближения. Семиреченский заяц — приятель смелый и забавный, не чета характером своему робкому европейскому собрату, хотя размерами он заметно меньше. Кеклики бегали по каменистым склонам холмов, встретилось несколько выводков серой куропатки — вида сходного с обычной куропаткой европейской, но явно от последней отличного.

Мы добрались до Иссык-Куля ранним утром. Дорога проходила на некотором отдалении от озера, но я не мог отказать себе в удовольствии подъехать к берегу как можно ближе, дабы рассмотреть сей знаменитый и чрезвычай-

но интересный водоём, о котором сочинено множество мифов и легенд. Несмотря на пустынную местность вокруг, вид озера великолепен.

Вся панорама окрест, словно картина искусного художника, выполнена мягкими и выдержанными контурами в синеватых тонах. В заозёрной дали, на юге можно было видеть голубую горную цепь с белоснежными пиками (Тескей-Ала-Тоо — пер.); на востоке водная гладь плавно уходила в голубую смутную даль, исчезая за горизонтом. Всё покрыто бледною серовато-лазурною дымкой и чем-то напоминало роспись на датской керамике. Даже стаи ослепительно белых лебедей и тысячи уток, плававших возле берегов, не нарушали общего тона панорамы.

Озеро простирается в восточном направлении на двести километров. Ни мимолётного паруса нет, ни клубка дыма, ибо нет лодок, бороздящих водную гладь. Озеро, чьи воды слегка солоноваты, зимою не замерзает, откуда происходит и его название, на джагатайско-турецком наречии означающее *тёплое озеро*. Теплота исходит из окружающих горных долин и обуславливает мягкие зимы. Берега озера, покрытые галькою, пологи, однако дно очень быстро углубляется по мере удаления от берега. По вечерам, когда задувает восточный бриз, воды становятся бурными, пенистые гребни волн обрушиваются на берег, и откатные волны гремят галькою. Чувство такое, будто стоишь на берегу моря.

Давно известно, что возле южных берегов озера на значительной глубине можно различить какие-то древние сооружения, а после бурь на берег нередко выбрасывались кирпичи, осколки керамики и т. п. Сие дало повод к множеству легенд и побудило генерала Чайковского к написанию увлекательнейшей книги «Туркестан и его река по Библии и Геродоту»^[108]. Таковое сочинение служит серьёзным предупреждением об опасности полагаться на так называемые «свидетельские показания истории», которые могут привести к самым фантастическим выво-

дам, и показывает, как легко и просто столь удивительные теории могут быть опровергнуты малейшим прикосновением естественнонаучного метода.

Генерал Чайковский, основывая свои доводы на повествованиях Геродота и свидетельствах библейской истории, обсуждает доисторическое прошлое Туркестана в общем и Иссык-Куля в частности. По нему выходит, что средоточием жизни в древнем Туркестане когда-то служила огромная река, впадавшая в Каспийское море, тогда как Амударья и Сырдарья были её притоками. Река происходила из бассейна Иссык-Куля и питаема была множеством рек, стекавших с гор и щедро увлажнявших то, что ныне представляет собою пустынную область, дававших начало жизни и процветанию. Многие «народы Земли» мирно и счастливо обитали в те дни в благодатных тех землях.

И вдруг произошла ужасная катастрофа. Чудовищное землетрясение раскололо горы; истоки реки Туркестана были перекрыты, и впадина Иссык-Куля — долина среди гор — превратилась в озеро. Так свидетельствует Библия. Лишённые влаги цветущие долины Туркестана превратились в песчаные пустыни, а реки Амударья и Сырдарья затерялись в песках, образовав Аральское море. «Народы Земли» покинули свои погибшие места обитания, оставив множественные следы древнейшей цивилизации. И здесь стоит рассмотреть, в какой мере история долины Иссык-Куля, основанная на древних литературных источниках, согласуется с фактами, что предоставляет нам сама Природа и наши геологические наблюдения.

С первого же взгляда становится очевидным, что возраст озера несравненно больше, чем вся историческая или доисторическая древность человека, что в последнюю геологическую эпоху оно было большим, нежели сейчас, и простиралось даже, как мы видели, до теснины Буам. Не так давно река Чу впадала в озеро, а другая река из него вытекала. Затем Чу, из-за отложений, ею же нане-

сённых, отрезала себя от озера и потекла мимо него, соединившись с рекою, из озера вытекавшей. Так получилась река Чу, которую теперь имеем. Лишённые притока, воды озера стали засоляться. Можно и теперь видеть следы потока из озера в Чу, и лет двадцать тому назад он ещё существовал, да и ныне случается так, что некоторое количество озёрной воды сливается в реку^[109].

Действительно, суть множество легенд, преданий и выдумок, даже среди европейцев, касательно таинственных и малоизвестных областей Средней Азии. Всё, что малопонятно, загадочно и таинственно, от начал «арийских» наших предков до «махатм», выдуманных моею даровитой соотечественницею, мадам Блаватской^[110], — всё восходит к пустыням Средней Азии и к её недоступным горным высям. Легенды о Средней Азии сочиняются и поныне, причём не только людьми полуграмотными, но и авторами премного одарёнными, однако дурно осведомлёнными в области географии, и все оные наперебой выкладывают свои фантастические теории; встречаются среди сочинителей и мужи учёные. К примеру, во многих т.н. «научных» трудах имеются отсылки к существованию в относительно недавнем прошлом некоего внутреннего моря в центральной части Азии — Хань-хай^[111], коим китайская фантазия наполнила возвышенные долины нынешней Кашгарии и пустыни Такла-Макан. Читал я статью одного немецкого историка, который соотносил «Всемирный Потоп» с низвержением вод Хань-хая в долины Туркестана, Сибири и Прикаспийской низменности. Внимал я с изумлением и доводам хорошо известного русского ботаника, который в своей лекции связывал образование ледниковых морен и озёрного шлама на Тянь-Шане с тем же пресловутым китайским Хань-хаем. Корни предположений о том, что долины Средней Азии недавно были дном морским, следует искать, конечно же, в подвижных песках и солёных болотах пустынь, которые в глазах обитателя неоспоримо указы-

вают на существовавшие тут океанские глубины. Можно отметить, что дно мифического Хань-хая ныне расположено на такой же высоте, как и Риги Кульм^[112] в Швейцарии, т.е. на высоте 1800 метров над уровнем моря, и что вся область не только в глубокой древности и в начале античности, но и на протяжении предшествовавшего геологического периода и большей части третичной эпохи представляла собой безводную пустыню.

Другое ошибочное суждение о Средней Азии состоит в том, будто она пересыхает, т.е. процесс обезвоживания продолжается и поныне, и что обезвоживание явилось причиною упадка древних цивилизаций. Специально, дабы проверить эту теорию, которая не была основана ни на каких научных данных, американцы снарядили в Туркестан известную научную экспедицию Пампелли, внёсшую большой вклад в наши знания о крае^[113]. Выполненные недавно наблюдения Л. Берга за уровнем Аральского моря показали, что Туркестан не только не пересыхает, но напротив, количество осадков увеличивается. Города и цивилизации разрушались вследствие уничтожения оросительных систем. Вполне достаточно, к примеру, перекрыть каналы Боссу и Зах, чтобы за несколько лет превратить цветущий район Ташкента в солнцем выжженную пустыню.

«Свидетельства истории» — по сути вещи очень ненадёжные, с их помощью можно доказать всё, что душе угодно, и вывести любое заключение, какое хотите. Вы можете заложить основы учения Карла Маркса или исторических смен высыхания и наполнения Аральского моря, если будете действовать тем же манером, каким Элизе Реклю^[114] исходил из сочинений султана Бабура^[115]. Но если напрямую сопоставить факты и методы точных наук, все эти дивные теории обращаются в прах.

Глава XVI. Спасение близко

Все почтовые станции на дороге были в руинах — следствие Киргизского восстания. Одна из них, Кутемальды, явилась местом храброй обороны горстки русских против целой орды киргизов, атаковавших со всех сторон. Здесь мы остановились на ночлег. Станцию обслуживал лишь один смотритель, доброжелательный киргиз, оказавшийся другом Азамат-бека. Когда-то он служил водовозом в Пишпеке. Пожаловался, что некий приятель Азамат-бека соблазнил единственную жену его.

— Следующий раз, когда сюда вернёмся, — заверил Азамат, утешая несчастного мужа, — мы вернём тебе твою жену.

— *Коп якиши* (чудесно)! — воскликнул сей Менелай из Пишпека и, в знак благодарности, взял с нас за пищу для лошадей только одну сотню рублей вместо двух.

После того как миновали узорь Ортакуй^[116], дорога вывела на широкую и гладкую равнину Кочкорка^[117], богатую пастбищами и некогда переполненную кочевниками-киргизами с их стадами и отарами. Ныне Кочкорка, центр торговли скотом, почти разрушен, все деревья и сады срублены. По обеим сторонам посёлка видны многочисленные *мазары*, т.е. надгробия или обычные мавзолеи, самой разной и своеобразной архитектуры, несколько напоминающей мотивы мавританского стиля. По сути это настоящие некрополи (города мёртвых — пер.). Большая их часть выполнена из необожженного кирпича или просто из комков глины, и потому очень быстро разваливаются. Нигде более в Туркестане подобные мавзолеи так не многочисленны и не встречаются такими большими группами, как в долинах Тянь-Шаня, коим придают вид весьма необычный и своеобразный.

Возле околицы расположились так именуемые среди русских «каменные бабы» — грубые подобию человеческих фигур, неискусно высеченных из камня. Подобные статуи нередко встречаются в Семиречье, а ранее были распространены в степях южной России, в Оренбургской области и в Сибири. Это надгробия далёких предков киргизов, скифов и массагетов. В сложенных руках своих погребённые (как правило) держат чашку или кубок, что интересно, поскольку до самого последнего времени чаша была неизменным спутником каждого киргиза, равно как и теперь это водится у тибетцев, и чаши те помещаются в кожаный чехол (кобуру) особого вида, прикрепляемый к поясу либо к седлу. Киргизским словом для обозначения подобной чаши является *кисе*, которое, по-моему, напоминает греческое *скиφος*, что в свою очередь близко к названию народа — скифы. Удивительно, что сарты называют чашу *пиалой*, от греческого *φιάλη*^[118].

Вокруг села Качкорка всё почвы глинистые и покрыты травой и *чием*. Подножия гор, долину окружающих, представлены массами галечника, гравия и булыжника, вымытыми из горловин; они образуют внушительного вида «конуса выноса» с очень крутыми склонами при устьях (боковых) ущелий.

Долина Качкорка, как и другие в этой части Тянь-Шаня — Джунгал, Нарын, Арпа, Чатыр-Куль и т. д. — простираются в восточно-западном направлении. Получается как бы ряд огромных ступеней, подобие громадной лестнице, ведущей к вершинам хребта; они громоздятся одна выше другой в южном направлении. Путник, особо не замечая набора высоты, движется постепенно во всё более холодные места, как будто путь его лежит не в сторону солнечного юга, а к прохладному северу, пока наконец не оказывается в поистине арктическом районе Чатыр-Куля и Торугарта^[119]. Отсюда начинается непрерывный и быстрый спуск по меридиональным долинам на жаркую равнину Кашгара. Подъём (из долины Кочкорки) в этой ча-

сти хребта столь пологий, что мы его практически не замечали, и мой экипаж живо катился, как по равнине, хотя мы поднялись уже на высоту более одной тысячи метров над долиной Пишпека.

Выше полустанка Кум Бель (Песчаный Отрог) дорога покидает долину Качкорка и входит в дикую теснину Джубан Арык^[120], зажатую меж почти отвесных скал, чьи породы, представленные гранитом и сиенитом, далее переходят в известняки и сланцы. Хорошо выложенный путь следует прихотливым изгибам горного потока. В самом ущелье горы скалисты, безжизненны и пустынные, но выглядят впечатляюще. Громады скал под переменным воздействием нагрева и замораживания дробятся на куски и рушатся в реку, где могучие струи тотчас же низвергают их далее вниз, перемалывают, превращая в песок, гальку и булыжники. Измельчённый материал тащит река вниз и отлагает в низовьях долин. Вот воистину мастерская Природы! Мало кому дано быть очевидцем обрушений скал и гор, неумолимого смытия их обломков горным потоком. И нет здесь растительности, что могла бы остановить действия стихий, скрыть их последствия и сгладить очертания гор.

Возле полустанка Сарыбулак^[121] ущелье расширяется, склоны становятся более отлогими, тут и там появляются клочки травяного покрова или водной растительности. Здесь увидел я барана, пасшегося на травянистой поляне. Вначале я принял его за домашнего, отбившегося от стада, но когда животное приподняло голову, и на фоне неба отчётливо обозначился его профиль, его огромные размеры, длинные конечности, могучие рога, спирально изогнутые назад, стало ясно, что передо мною великолепный самец тянь-шаньского архара *Ovis karelini*, Sev. — редкая и в высшей степени ценная добыча для охотника. Не много имеется мест на земле, где можно вплотную приблизиться к архару, мирно пасущемуся возле обочины почтового тракта.

Я сразу же осадил лошадей, спрыгнул с повозки, прицелился и выстрелил. К моему удовольствию, животное упало, но почти сразу же вновь вскочило на ноги и через пару огромных прыжков быстро спряталось за скалами. Следующая пуля не смогла его уложить. Когда мы достигли Сарыбулака и становились на ночлег, я выслал пару киргизов на поиск раненого барана. Они возвратились за полночь, неся с собою тушу. Пуля вошла в лёгкие и не дала животному уйти далеко. Выстрел из старого ружья, наподобие моей берданки, не очень смертелен для крупной добычи, особенно для такого сильного животного как архар. В здешних местах водится их множество, часто встречается и снежный барс.

Большая часть долины Сарыбулак покрыта *чием* и местами завалена камнями огромных размеров. В устье одной из долин слева от дороги видна обширная морена древнего ледника. Здесь, на высоте более двух тысяч метров, было холодно и облачно, тут и там за окружающими хребтами виднелись заснеженные пики.

Отсюда начинается подъём к перевалу Долон^[122], через который нам предстояло пересечь хребет, отделяющий долины рек Чу и Нарын, последняя есть приток р. Сырдарьи. Возможно, Долон является самым трудным перевалом между Семиречьем и Кашгаром, хотя он относительно невысокий. Кстати говоря, здесь имеется единственное серьёзное препятствие для прокладки железной дороги в сердце Центральной Азии. Но для колёсного экипажа дорога выложена хорошо и трудностей не представляет.

От полустанка дорога идёт круто вверх по кручам известняка и глинистых сланцев, пересекаемых жилами кварц, затем спускается в небольшую впадину, покрытую прошлогоднею травой. Здесь впервые увидели мы горного скалистого голубя; птица имеет светло-серую окраску с белой гузкою и широкой полосой поперёк хвоста. Таковые голуби всегда держатся большими стаями; полёт их быстр; мясо всегда жирное и нежное.

Когда принялся я рассматривать кварцевые жилы в поисках каких-нибудь интересных минералов, то спугнул горностаю; тот отбежал на несколько метров, сел на камень и боязливо, как бы с упреком, стал поглядывать на меня, пока я отбивал куски кварца своим геологическим молотком. Вероятно, у него тут в камнях имелось гнездо с выводком.

Появились также клушицы альпийские (*Pyrrhocorax alpinus*) (родственница альпийской галки — пер.), прогуливавшихся парами; их мелодичный свист оживлял угрюмые горы и свидетельствовал о том, что достигли мы альпийской зоны.

Затем дорога пошла вверх серпантинами к вершине хребта. Чем выше мы забирались, тем мягче становились очертания гор, тем менее встречалось скальных выступов и камней, появился травяной покров и прошлогодняя трава; вершина хребта приобретала вид холмистой степи. Повсюду на вершинах холмов всё ещё лежали пятна снега. Высота перевала около трёх тысяч метров.

За перевалом небольшая долина ниспадала в узкую скалистую горловину, становясь всё более каменистой. Сланцевые зубчатые утёсы устремлялись ввысь; в них видны были толстые жилы порфирита. Дорога вошла в пояс кремнистых сланцев, которые ниже сменились конгломератами. На склонах гор появились вначале обширные тёмно-зелёные пятна зарослей арчи, потом низкорослые ели, а ниже густой хвойный лес покрыл склоны ущелья, становившегося всё более живописным. Внизу шумел своими зеленовато-серыми водами горный поток. То была теснина Карауйкюр (Чёрная Дыра). Здесь среди зарослей кустарников, трясая своими ярко-красными хвостиками, резвились стаи горихвосток, мелькали черноголовые чеканы, индийские тиркушки луговые и разнообразные виды горных зябликов^[123].

Прибыли мы сюда довольно рано, в половине третьего пополудни, и решили разбить лагерь, дабы лошадям дать

отдых после трудного подъёма, наловить рыбы, немного поохотиться, — ибо сказано было нам, будто в местах здешних изрядно водится косуля. У служащего почтовой станции раздобыл я рыболовных снастей, и мы быстро наловили отличной форели на обед. И пока тот готовился, я отправился с проводником на охоту. К сожалению, начался дождь, всю затею испортивший, и мы так и не увидели ни одной косули, хотя могли слышать их голоса, похожие на нечто среднее между кашлем человека и собачим лаем. Место было красочным и привлекательным, охотничьей живностью изобильное. В лесном высокогорье здесь водятся олени, на плоскогорье, что раскинулись над теснинами каньонов, пасутся дикие овцы, встречаются стада архаров численностью до пятидесяти голов. Охотиться в здешних местах не трудно, т.к. охотники могут всюду проехать верхом, а лошадей можно достать у киргизов.

Вся местность вокруг Нарына чрезвычайно интересна для зоолога, ибо животный мир здесь обилён и разнообразен. Кроме промысловой дичи, выше упомянутой, встречается красный альпийский волк, очень редкий вид. К сожалению, у меня не имелось возможности затевать тут серьёзную охоту, было слишком рискованно задерживаться на дороге, вдобавок вынужден я был беречь свои скромные денежные средства, которых у меня становилось всё меньше.

На здешней почтовой станции (на карте пос. Карауйкюр — пер.) я расплавил небольшой образец руды, мною найденной, и тем самым получил каплю олова. Руду я обнаружил совершенно случайно в толстой жиле оловянного камня^[124] среди гранита. Случай интересен тем, что явился первым обнаружением таковой руды в Средней Азии, хотя определённые догадки на сей счёт у меня возникли давно. В России олово найдено лишь в одном месте, в Забайкалье, да и то в незначительных количествах. Моё открытие в Семиречье могло бы стать очень полезным, если бы моя несчастная страна имела хотя бы подобие приличного правительства.

Это был уже второй случай в моих попутных изысканиях, когда удалось найти полезный минерал. Первым явилось обнаружение золотой россыпи в небольшой ложбине горного ручья. Там в песке нашлись и драгоценные камни, среди них были сапфиры и пара отличных топазов. Опытная промывка песка, взятого выше по течению, показала, что место богато золотом. Что за богатый край, где человек, спасая жизнь свою бегством, может нечаянно наткнуться на залежи руд и минералов! Здесь частенько натыкаешься на жилы превосходного асбеста; местные жители иногда используют его для изготовления рукавиц и шейных платков, как своего рода диковинку. В одной из долин близ китайской границы есть значительная залежь киновари^[125]; я встречал там очень красивые кристаллы.

Из Карауйкюра выехали рано следующим утром. Ночью был сильный мороз, и земля покрылась толстым слоем инея. Почти никаких признаков весны. Хвоя еловых деревьев ещё не приобрела яркого весеннего оттенка и выглядела хмуро; кустарники едва начинали распускаться, а трава едва пробивалась. Однако тут и там взошли низенькие тюльпаны со своими листьями, причудливо изогнутыми на кончиках.

Ущелье поражает красотой скал, лесов, величием отдельно стоящих елей, бирюзой горного потока. Неподаляку от устья каньона, на левом берегу, в стене огромной скалы видно отверстие очень большой пещеры. Известняки здешние имеют местами жёлтую окраску. Выход из горловины ущелья весьма узок и представляет собою картинные, как будто рукотворные, скальные кручи. Отсель раскрывается вид на широкий простор степи, по которой петляет река, чьё устье покрыто зарослями *чия*. Многочисленные киргизские мазары, что испещряли местность тут и там, придавали странный и причудливый вид всему пейзажу.

Остановились мы на полустанке Он-Арча (Десять можжевельников), где немного порыбачили, пока лошади

кормились. Смотритель, молодой татарин, который до революции жил в достатке, дал нам сеть, и за полчаса мы выловили несколько приличного размера *маринок*. Эта рыба (род *Schizothorax*)^[126] хороша на вкус, но внутренности и чёрная плёнка, их выстилающая, ядовиты, так что в приготовлении рыбы надобна осторожность: всё лишнее нужно удалить, иначе последствия могут быть плохи. В озёрах и реках Средней Азии насчитывается несколько видов *маринки*.

Когда мы трогались в дальнейший путь, в Нарын, станционный смотритель с братом своим отправились в верховья р. Он-Арча поохотиться на оленя, которого в здешних горах множество. Они были хорошими парнями, и я был огорчён до крайности, хотя и не удивлён, узнав позже, что оба были расстреляны большевиками.

Пройдя около 20 километров по холмистому плоскогорью, дорога круто ниспадает в долину Нарына, где открывается красивый вид на небольшой городок с тем же названием, колоритный как игрушка, что расположился далеко внизу в пустынной и плоской долине на высоте двух тысяч метров среди горных ярусов на севере и на юге.

Ложь долины выстлана плотными конгломератами. Река, которая глубока, но не широка, прорезала себе канал с отвесными стенами, как будто искусственно выкопанный. Берега столь ровные, что русло реки едва различимо до тех пор, пока внезапно не откроется взору, когда подъедешь вплотную.

Город Нарын в довоенные годы славился своею торговлей дикими животными, зачинателем которой был некий русский по фамилии Неживов, известный также под прозвищем русский Гагенбек^[127]. Он принялся вывозить отсюда в Германию ежегодно по целому каравану животных. Дело процветало, делец богател. Для себя он выстроил красивую усадьбу и окружил её всяческого вида звериными клетками. Нынче все пустовали, кроме одной, где по-

мещён был красавец *ирбис*, т.е. снежный барс (*Felis irbis*). Сей Неживов вознамерился было продолжить дело своё, несмотря на власть большевистскую, да не тут-то было. Ещё до конца текущего года, спустя пять месяцев, он со всею своею семьёй, включая двенадцатилетнего сына, показавшего мне ирбиса, да и самый зверь, были застрелены большевиками, членами «карательной экспедиции», посланной сюда для истребления «буржуйского гнездилища». Из числа европейских жителей Нарына, избежавших подобной участи, уцелела лишь пара стариков.

Однако во время пребывания моего, несчастный город сей едва ли мог предугадать судьбу, ему назначенную. Жизнь пока шла своим чередом, как прежде, ибо советские власти являлись большевиками чисто номинальными; даже сама ЧК была кроткой, благодаря наличию в ней киргизов и сартов, отчасти сдерживавших пылкое рвение штабных коммунистов.

Удивительное дело, но почти всюду в Туркестане местные жители-мусульмане, то бишь киргизы и сарты, проявляли куда больше человечности, справедливости и прощения к жертвам коммунизма, нежели русские, а в особенности — латыши, евреи и другие иноземцы из европейской части России. И это несмотря на то, что лишь изгои местного общества да отребье мусульманского населения шли на службу Советам. Когда рассуждают о жестокости монгольской расы, нужно делать решительную оговорку, и уж во всяком случае, не должно иметь в виду тюркские народы. Факт сей уже давно был усвоен старыми русскими поселенцами, хотя и противоречит общепринятому мнению. Наряду с данным заблуждением следует упразднить и другое, касающееся Великой Бескровной Русской Революции — сказка, бог весть кем выдуманная, о природной доброте и благородстве русского крестьянина.

Весь коммунизм для Нарына свелся к «национализации» значительного количества коров за счёт киргизов

и к распределению таковых среди местного населения города, коров не имевшего, причём по цене воистину «царской» — три рубля за корову, что в то время равно было трём пенсам. Семьи с детьми получили по две и даже по три коровы. Но благорасположенный киргизский народ не злобствовал по данному поводу. Как раз в день моего прибытия в Нарын, всё взрослое население, вместе с комиссарами и их главой, отправилось по приглашению одного богатого киргиза в аул, что расположен в сорока километрах от города. Там устраивал он встречу в память своего родственника, что повешен был четыре года назад за участие в мятеже. Одним из представлений была скачка с изрядными призами. Первый состоял в сотне верблюдов, второй — в сотне коней трёхлеток, а третий — в четверти миллиона советских рублей. Не забыл хозяин выставить также двадцать ведер самогона для своих гостей христианских!

Дорога от Нарына сразу же входит в горловину ущелья и на протяжении длинного участка следует по каменистому руслу вдоль небольшой речки, по берегам которой тут и там устроены мельницы. Их конструкция очень проста и совершенно одинакова во всей Средней Азии и в Тибете: лопасти косо установлены на длинной деревянной оси, а вода течёт по деревянному желобу, так что вся конструкция являет собою прообраз турбины. Сверху укреплён небольшой и обычно весьма неровный жёрнов. Нет ничего проще.

Далее дорога круто поворачивает на запад и входит в небольшую долину, вьющуюся меж покрытых травой глиняных холмов. Затем снова поднимается на высокое плоскогорье, усеянное большими, красивыми жёлтыми маками, с цветками огромных размеров, ветвистыми стеблями и сочными листьями. Среди гор четко выделялись яркие луговины, покрытые низкорослым тёмно-зелёным бархатистым тростником, известным как *битего*, и являющимся, вероятно, разновидностью *Carex*'а (осоки

песчаной — пер.). Последняя, благодаря питательным своим качествам, приобрела значение как корм для лошадей, крупного рогатого скота и овец. Животные на нём быстро жиреют и восстанавливают силы, лошади крепнут, становятся упитанными и выносливыми, как на самом отменном овсе. Поля *битего* являются лучшими пастбищами на Тянь-Шане и Памире. Даже в сухом виде, средь зимы полезно скармливать его овцам, истощенные животные восстанавливаются на нём очень быстро.

Вдоль обочины дороги мы нашли множество отличных грибов, которые оказались хороши и на вкус. Грибы росли группами под тонкою коркой земли, которая ломалась по мере того, как те пробивались наверх; шляпки у них подвёрнуты, а пластинки розового цвета (судя по описанию, это обычные шампиньоны — пер.). Я набрал их полное ведро. Тушеные в сметане, они послужили бы пищей, достойной царя Соломона.

Далее дорога пошла вниз по длинным пологим склонам в сторону долины Ат-Баши (Лошадиная голова)^[128], над слегка наклонной равниной, поросшей *чием*. На юге вознёсся крутой, высокий, тёмно-голубой гребень хребта с пиками, увенчанными снегами (хр. Ат-Баши — пер.). Чем ниже, тем сильнее грело солнце, воздух с мягким ветерком становился благоуханнее, но в вышине собирались тёмные тучи, и небеса приобретали вид угрожающий.

Сама долина Ат-Баши очаровательна; от селения одноименного к востоку, т.е. выше по течению реки, вся покрыта лесом и плотной кустарниковой чащобой. Народ здешний, сарты да киргизы, производит впечатление благоприятное; несколько построек европейского вида заняты таможней, служащими и несколькими мелкими торговцами. В посёлке ещё сохранился действующий базар, единственный во всей Автономной Социалистической Советской Республике Туркестан. Здесь можно было свободно купить пару ботинок, правда, довольно низкого качества, но и за них следовало бы вознести благодарность

небесам; также продавались: меховые шапки, *мата* — грубая ткань местного производства, овёс, баранина, хлеб и т. д. И как следствие, все обитатели «свободнейшей страны в мире» стекались сюда со всего Семиречья, дабы запастись предметами первой необходимости.

Покидая местечко, надлежало нам перейти вброд быструю и довольно глубокую реку Ат-Баши, что являло собой мероприятие весьма рискованное: несколькими днями ранее здесь опрокинулась телега, и утонула женщина с двумя её детьми. За рекою, по левую сторону от дороги, высится изрядный холм, увенчанный *мазаром* и мечетью; путь туда крут и утомителен: преодолевая его ценою усталости, труждаются Правоверные, алчущие святости. Гора картинно смотрится со всех сторон долины и усугубляет её очарование.

В десяти верстах от посёлка Ат-Баши остановились мы возле большой фермы, принадлежащей киргизскому *кази*, т.е. судье, который ранее был очень богат, а ныне совершенно разорен большевиками и полностью обобран. Занимаемой должности он был лишён, но всё ещё оставался влиятельным и уважаемым среди местного населения.

Ферма бывшего судьи вид имела гнетущий. Устроенная по-русски, она была хорошо оборудована богатым киргизом, кто наивно променял свою кочевую жизнь на оседлую фермерскую, будучи полностью уверенным в надёжности русской цивилизации. И вот теперь всё хозяйство в опустошении. На пороге одиноко и грустно сидел её владелец; всё, что оставлено ему — лишь самая жизнь его. Однако здесь имеем ещё один пример мягкохарактерности местных жителей. Случись это в центральной России, мужики непременно спалили бы всё дотла, а хозяйина прибили. Но в этом удалённом уголке обширной Российской империи настоящих большевиков не было, не было сущих коммунистов, действовавших во имя доктрины Карла Маркса, «национализировавших» чужую собственность. Русские, ограбившие богатого киргиза, просто лов-

ко воспользовались ходячим лозунгом, что брошен был Лениным в толпу: «Грабь награбленное!» Иногда они с неприкрытым цинизмом признавались в том, что не имеют никаких коммунистических пристрастий, а просто попользовались удобным случаем. «Привалила удача. Так что ж её упускать!» — говорили они. Или: «Коси коса, пока роса. Неизвестно, сколько ещё это продлится, и когда мы снова окажемся за бортом» (вар. — «останемся с носом» — пер.).

По сути дела, Ленин и его прислужники так и не приобщили мужика и рабочего к прелестям социалистических идей; просто он подал им хороший повод и долгожданную возможность разнуздать свои природные воровские инстинкты, своё отвращение к цивилизации и ту страсть к разрушению себе на пользу, что так развита в массе людей русских, всегда и всюду готовых дать выход чувствам своим, если сдерживающей руке образованных классов не удаётся их обуздать.

Неподалёку отсюда река Ат-Баши принимает воды притока Кара-Каин, что значит Чёрная берёза (на картах — Каракоюн — пер.), а сама, круто поворачивая на север, врезается в почти непроходимую теснину и впадает в конце концов в Нарын.

Судья помог мне нанять местного киргиза вкупе с верблюдом, дабы везти фураж для лошадей, ибо плато Чатыр-Куль и Торугарт, по слухам, всё ещё под снегом, и подножного корма там нет вовсе.

Ферма была вся в окружении луговин и выгулов с молодым нежным травостоем, а ниже на болотистой почве произрастали во множестве белые и сиреневые примулы. Я как раз прогуливался здесь на закате дня, небо затягивалось тучами, кукушка в саду твердила однообразную песню свою, тонкий пересвист песочников доносился с болот, чибисы хлопали крыльями прямо надо мною, издавая свои жалобные крики. Я впал в глубокую печаль. Даже тут, в этом самом отдалённом уголке, в этой радостной горной

долине, ощущалось какое-то дуновение краха и гибели Российской Империи...

Долина реки Кара-Каин, по которой пролегал наш путь, есть всего лишь продолжение Ат-Баши, но простирается в противоположном, западном, направлении, восходя постепенно к перевалу Ак-Бейит^[129] и далее к перевалу Ясин через Ферганский хребет — это самый простой и естественный путь из Нарына в Фергану. Нижний участок долины представляет собой отменное пастбище со многими арыками, ныне заброшенными и пересохшими; явственно, что когда-то места здешние были плотно населены.

Оставалось преодолеть ещё около шестидесяти вёрст до пограничной заставы Ак-Бейит. В десяти вёрстах от места нашей очередной ночёвки, по левую сторону от дороги, видны руины древнего китайского городища: развалины стен, сторожевых башен и т.д.^[130]

Местами всяческие следы дороги пропадали. В одном из таковых наша повозка с лошадьми застряла в болотистом грунте. Мы тщетно пытались её вытащить. Пришлось полностью разгружаться и тянуть лошадьми за верёвку, привязанную к задней оси. А тем временем развлекали нас бесчисленные милейшие трясогузки (*Rudites iranica* Zar.), что порхали и бегали по болотине^[131]. У этой изящной маленькой птички головка, шея и грудка ярко-золотого цвета, а спинка бархатисто-чёрная, крылышки серого цвета с белыми полосками. На фоне яркой зелени поляны, покрытой досель низкою молодой травкой и мхом, испещрённой золотистыми тюльпанами, эти крохотные жемчужинки смотрелись столь выразительно, что казались нарочито созданными под стать пейзажу. Я глаз не мог оторвать от очаровательной картины.

Уже был поздний вечер, когда стали мы на ночлег возле одиноко стоящей киргизской юрты. Хозяин, приличный на вид старина, был необычайно вежлив и предупредителен. Я заночевал на открытом воздухе, а когда поутру вошёл внутрь юрты, дабы чуточку отогреться у камелька,

то стал свидетелем по-варварски трогательной сцены женской услужливости. Хозяйский сын почивал сном праведника, на киргизский манер, совершенно голый под одеялом. А в это время его любящая и преданная жена пользовалась случаем, дабы почистить его штаны от паразитов, в оных кишасих. Она делала это способом, настолько же действенным, насколько показался мне оригинальным: брала каждую складку и каждый шов, и быстро обкусывала их своими ослепительно белыми зубками. Отчётливо был слышен непрерывный сочный хруст. Столь необычная сцена живо мне напомнила слова Геродота, «скифы, вшей поедающие...»^[132]. До чего же точно описал историк обычаи вот этих самых киргизских племён двадцать два столетия назад! Наши познания о мире могли бы устыдить тех педантов, что упрекают Отца Истории в легковерии и преувеличениях.

Ближе к Ак-Бейиту растительный покров почти исчез, остались лишь редкие заросли чахлах горных растений. Почтовая станция Ак-Бейит расположилась в устье небольшой долины, что ведёт к перевалу и плато Арпа. Здесь обосновался охранное подразделение Красной армии, стерегущее вход и выход в «Совдепию».

Я нарочито задержался с прибытием сюда на один день, дабы пройти столь опасный пункт на воскресенье Троицы, когда большая часть красных охранников отправятся в посёлок Ат-Баши и там будут праздновать на свой манер, а немногие оставшиеся на посту, конечно же, будут равно пьяны.

Мои расчёты блестяще оправдались. На посту остались лишь татарин и киргиз, оба суть невежды. Я предъявил им свой внушительный «мандат», специально заготовленный на данный случай и предписывающий мне закупить *мату* в ближайшем подходящем для того месте на китайской территории, по приказу Совета народного хозяйства в Токмаке. Одновременно я сдобрил их сердца, даровав полбутылки настоящей, неподдельной, неразбавленной

старой водки и полтора килограмма изюма, особо ценимого ввиду невозможности раздобыть в районе сахар. Красные стражники, благодарно ослабившись, пожелали мне доброго пути и удачи, попросили скорей вернуться и привезти для своих жён и детей немного ярко окрашенной холстины для пошива халатов.

«Наши женщины в семье и на работе ходят почти голые!» — воскликнули они.

Глава XVII. Одиночество

Чувство глубокого облегчения, настоящей радости и свободы нахлынуло на меня, когда последний пост Советской России остался позади, и моя повозка продолжила путь вверх к высокогорному плато Арпа и Чатыр-Кулю. Снег вокруг местами всё ещё лежал, и на нём видны были следы диких овец, лисиц и волков.

Долина Арпа выглядела как настоящая степь в Оренбуржье; снег таял здесь повсюду, давая начало потокам. Мы встали на ночлег при входе в долину Карасу (Чёрная вода)^[133] близ подножия скалистых холмов. Утром я был разбужен звонкими криками золотистых уток-пеганок (*Casarca rutila*)^[134], стая которых суетилась среди камней на вершине холма, подобно кекликам. Гнездятся они обычно в местах совершенно безводных, и здесь, по-видимому, облюбовали себе одно из таковых. Мне встречались гнёзда пеганок даже в свежих киргизских захоронениях, и поскольку птицы часто питаются мертвечиной, присоединяясь к грифам и воронам, то желательно исключить их из перечня съедобной дичи, тем более что мясо у них жёсткое и волокнистое.

Дорога продолжала идти на подъём. В вышине, прямо над холмом образовался облачный столб, как будто дым из кратера вулкана, чёрный и угрожающий. То были испарения Чатыр-Куля (Озеро шатра)^[135]. Отсюда, с холмов, открывался обширный кругозор на пустынную равнину, окружённую со всех сторон невысокими, но весьма труднопроходимыми горами с зубчатыми вершинами. Всего лишь малая часть бассейна занята озером как таковым, имеющим в длину около двадцати вёрст, и десять в ширину.

Здесь мы находились на вершинном участке срединного хребта Тянь-Шаня, на высоте 3300–3600 метров,

и всё ещё, к моему удивлению, вместо ледников, кряжей и утёсов, с которыми связываются такие высоты, тут являлась плоская долина, покрытая заснеженными холмами, которые едва ли можно назвать горами. Вся местность больше походила на полярные области где-нибудь на дальнем Севере. Лёд на озере только начинал таять и усугублял ощущение миража. Двигаться по этой арктической долине было мукой. Всё вокруг озера было покрыто рыхлою тающей коркою, а под ней вода, весьма глубокие потоки которой стремились во всех направлениях; казалось, будто вода, лёд и снег перемешались. Несчастные лошади проваливались то в рыхлый снег, то в воду, барахтались и выбивались из сил. Тогда приходилось их распрягать и вытягивать повозку верёвками. В местах, где снег сошёл, мы застревали в жидкой глине, подобной патоке. Мы с Азамат-беком всё время шли пешком, насквозь промокли по пояс и выбились из сил. Лошади измотались настолько, что едва тащили пустую повозку, и я уже начал опасаться, что не миновать нам ночёвки под открытым небом среди этого жуткого пространства холодной слякоти.

В одном из таких мест, где застряли мы на целый час, возясь с лошадьми и с повозкой, обычный воробей, местный туркестанский воробей (*Passer indicus*)^[136] взлетел и принялся кружить возле нас, будто узнал своих старых друзей и хозяев, человеческих существ в этой дикой безлюдной местности. Это было тем примечательно, что воробьи не обитают на таких высотах, их место среди киргизских саклей занимают зяблики да вьюрки. Думаю, бедная птичка залетела сюда из Ат-Баши, сбилась с пути среди гор и теперь, увидев нас, взлетела в восторге от встречи с людьми. Когда удалось, наконец, двинуться дальше, я бросил воробью пригоршню ячменя.

На берегу озера нас встретила стая красивых гусей (*Anser indicus*)^[137], разглядывавших нас с нескрываемым любопытством, дважды облетая нас и, несомненно, удив-

ляясь, что за необычное явление вторглось тут в их прибежище, ибо никогда не видели телеги с тройкою лошадей.

Уже почти в полной темноте пробились мы наконец к перевалу Торугарт. В полуверсте расположилось несколько полуразрушенных изб, населённых парю киргизских семей. Слово «перевал» вряд ли можно считать подходящим: нет тут подъема, и повозка катилась быстро, будто под гору.

Остановились у ближайшего жилища, и здесь в тесной, грязной и тёмной хате, надлежало нам переночевать, обсушиться и чего-нибудь поесть. Как раз в это время разразилась буря, ветер завывал ночь напролёт, мело снегом, сухим как песок. Здесь высота была добрых три тысячи шестьсот метров, и малейшее усилие заставляло меня чувствовать разреженность воздуха.

Повозку оставили мы повозку, и верхом двинулись на территорию Китая. Снег лежал повсюду. Через десять-двенадцать вёрст некрутого подъёма дорога пошла круто вниз, метров на триста, в долину. Некогда находясь в приличном состоянии, путь теперь был размыт, и хотя лёгкая повозка могла бы здесь проехать вниз, но вряд ли удалось бы затащить её обратно. Однако экипажам из Кашгара и китайским *мана* (китайская рессорная повозка — пер.) иногда удаётся пробиться здесь в Ат-Баши.

Ниже снег уже сошёл, и воздух стал заметно теплее. Спуск привёл к началу широкой и ровной долины, где расположилась китайская таможня. Тут не было ни одного китайца, лишь несколько сартов да киргизов.

На склонах гор вдоль дороги повсюду было множество сурков серо-коричневого цвета с чёрными хвостами. Они носились вокруг парами или поодиночке, рассиживали в разных позах возле входов в свои норы, а иногда прямо на дороге, и доверчиво позволяли приблизиться к ним на расстояние нескольких шагов, пристально разглядывая нас с явным любопытством. Всё выглядело так, будто и сами животные чувствовали себя более свободно и незави-

симо здесь, на этих землях, где нет большевизма. Сурки, как известно, зимой впадают в спячку, а сейчас, пробудившись от долгого сна, были необыкновенно деятельны и подвижны. Они суть маленькие забавные создания, у которых есть черта, чрезвычайно редкая среди животных, а именно — способность по-настоящему плакать, проливая слёзы. Однажды случилось мне загнать в угол сурка парю собак, вдали от норки. Не зная, куда деваться, несчастное создание прижалось спиной к камню, присело и, сжав в кулачки свои маленькие передние лапки, принялось вытирать слёзы, что струились по его мордочке. Все ужимки сурка и весь вид его были столь похожи на человеческие, что выглядел он будто испуганный ребёнок. Я осадил собак, которые по сути-то вовсе не обидели сурка, а лишь лаяли на малютку, так что комичное создание благополучно скрылось в своей норе. То была самка, и, несомненно, у неё были детёныши.

К несчастью, жадность человеческая и каприз моды довели и беззащитного сурка в его удалённой обители. Постоянно растущий спрос на мех и совершенствование способов его покраски, для которой мех сурка весьма подходящ, равно искусства изготовлять из заурядных шкур шикарные меховые пальто, привели к безжалостному истреблению такого интересного маленького животного. В ряде мест России, например, в степи Тургайской, водилось их в изобилии, а ныне истреблены, притом самым жесточайшим и варварским способом, каковой только можно себе вообразить. Охотники заливают норы водою. Та выгоняет сурков на поверхность, где их отлавливают, но беспомощные малые детёныши тонут. Модницы Европы и Америки, облачающиеся в меха цветов неестественных, что изготовлены из шкур сурков, должны задуматься о том, сколь много горячих и горьких слёз пролито за их счёт несчастными маленькими созданиями в глубинах гор Тянь-Шаня^[138].

Местность в округе китайского поста типична для высокогорной долины. Здесь находится исток реки Туяк, что

течет с умеренным наклоном вниз к долине Кашгара, прорезая последний хребет Тянь-Шаня (Кокшаал-Тау — пер.) возле форта Чокмак. Среди всех путей, ведущих в Кашгар, или, если говорить шире — из цивилизованного мира в Центральную Азию, сей путь есть наилучший, наиболее удобный, кратчайший, наилегчайший и недорогой; было бы не трудно улучшить его ещё более, до шоссеиной дороги, равно для продления железнодорожной сети Европы до самого сердца Центральной Азии.

Ночь провели мы на китайском посту, а наутро я объяснил Азамат-беку, что буду пробиваться до Кашгара и не намерен возвращаться в Семиречье. Я снабдил его письменным удостоверением, подтверждающим, что такой-то является возничим, при коем состоят экипаж и две лошади, и посылается мною в Токмак по причине «нехватки корма для животных». А ещё подарил ему свои высокие охотничьи ботинки, чем привёл своего верного спутника в состояние полного восторга. И не удивительно: ведь в то время подданные «самой развитой и свободной страны в мире» ходили в основном босыми.

Проводив взором Азамата и оставшись без попутчика, я не смог противостоять нахлынувшему на меня чувству безысходности. Отныне оборвана последняя нить, связующая меня с землёю моих предков, я совсем один в далёком и чужом краю, в стране труднодостижимой, среди людей чужих и непонятных. Едва ли возможно предвидеть, что суждено мне в будущем, и какие ещё испытания уготовила мне судьба на моём нелёгком пути. Но ощущение свободы, избавления от рабства советского облегчило душевную боль, и чувство полного умиротворения объяло меня.

Наняв конного киргиза в качестве проводника, я направился в сторону китайского пограничного поста Кизил-Курган (Красное укрепление), контролировавшего вход на территорию Китая.

Южнее, горы по бокам долины Туюк становились всё выше и выше. Местами они расступались, образуя широ-

кую равнину, в иных, наоборот, почти смыкались у берегов реки. Местность пустынна и почти безжизненна, нет на травы, ни кустов, ни деревца, лишь голые скалы, каменистые осыпи да гравий с песком по руслу реки, где пролегал наш путь. Самоё же река являла собою скорее речушку, ручеёк, струящийся среди масс галечника.

Вся провинция здешняя чрезвычайно интересна с точки зрения геолога. Взор путешественника, попавшего из Семиречья в Центральную Азию, прежде всего, привлекают следы интенсивной вулканической деятельности, относящейся к третичному периоду, когда здесь происходило горообразование. Сами горы сложены железистыми песчаниками мелового или третичного периода. Толщи отложений смяты и согнуты во всех направлениях, кое-где встав вертикально. Очевидно, что таковые оказались под действием мощных тектонических сил. Осадочные слои, в свою очередь, были рассечены интрузиями базальтовой лавы, местами образовавшей покрытия большой толщины и протяжённости. Будучи затем выветренными поярусно, базальт в одних местах принял вид осадочных отложений, а в иных окрасился в красный цвет окислами железа. Нигде на территории русского Туркестана, Семиречья, Памира, Бухары или Закаспийской провинции не имеется подобных остатков вулканической деятельности.

В существование действующих вулканов в Центральной Азии долгое время верили, но истоки таковой веры, в конце концов, оказались связанными с подземными пожарами в угольных пластах, извергавших дым и пар, а также серу, соли аммония и тому подобные продукты. Горение подобного рода и ныне наблюдается возле города Кучара, что находится в восточной части китайского Туркестана. По вере китайцев и жителей местных, там находится огненная обитель несгораемого существа — то ли это дракон, то ли крыса гигантских размеров, называемая «саламандрой».

Известный путешественник и геолог Столичка^[139], первый европеец, посетивший долину Туяк в 1870-х годах,

подробно описал остатки древнего кратера, «сомма»^[140], с вулканическими шлаками и окалинами, обнаруженными где-то в долине Туюк. Я дважды проезжал через неё, но так и не смог найти следов древнего кратера, хотя интрузии базальта в песчаники, равно и толстые слои лавы здесь и в других местах весьма многочисленны. Единым началом всех виденных мною явлений, рельефа, обнажений и т. п. является выветривание. Это объясняет, почему на старых картах и в книгах по географии имеются указания на «потухшие» вулканы возле озера Чатыр-Куль. Конечно же, таковую вулканическую деятельность следует считать относящейся к раннему отделу третичного периода и ничего общего не имеющей с современным вулканизмом. Далее мы увидим, что в центральной части долины Кашгара, на северной окраине пустыни Такла-Макан имеются останцы огромных вулканов, также третичного периода.

Мы двигались быстро, спеша достигнуть Кызыл-Курган ещё до темноты и переправиться через Суюк. Вечером поток реки существенно усиливается за счёт дневного таяния снегов, и переправа вброд становится невозможной. Сорок вёрст мы ехали безостановочно и к сумеркам достигли широкой и быстрой реки Суюк. Своё название она приобретает после слияния с мелководной рекой Туюк^[141] и выходит в долину Кашгара, где все её воды разбирают на орошение.

На близрасположенном берегу стоял небольшой блокгауз или форт, выстроенный из красного камня в окружении высоких отвесных скал и утёсов, также в основном красного цвета. За фортом можно было различить обычный киргизский могильник, столь характерный для долин Тянь-Шаня, *мазар*, и тоже из красного камня и глины. Место названо подходяще — Кара-мазар (Красный могильник — пер.), поскольку красный оттенок тут преобладал, хотя, благодарение Господу, в политическом отношении сей край был скорее «белым», поскольку не было тут боль-

шевизма. Общая обстановка была, однако, мрачно-угрюмой и производила впечатление унылой дикости и необитаемости. Не было ни травы, ни кустика, вообще ничего покрытого зеленью, только лишь голые камни да галька повсюду.

На крыше стоял высокий китаец в длинной чёрной мантии и недоверчивым взглядом рассматривал русского, что прибыл с северной стороны, из страшной земли большевизма и коммунизма. Полицейский-киргиз выехал верхом нам навстречу, дабы показать безопасный брод.

«Кто вы и зачем прибыли?» — спросил китайский чиновник, говоривший на хорошем русском, когда я спешил и поприветствовал его. «Я не могу пропустить вас дальше, для этого я должен получить разрешение от Тао Юня, губернатора Кашгара», — продолжил он, после того как я объяснил, с какой целью прибыл в Китай. «Однако, прежде всего, давайте войдём и выпьем чаю, — добавил он любезно, — а уж затем поглядим, что мы сможем предпринять».

Небольшой дворик внутри форта и пара комнат, служивших домом этому китайцу, удивили меня своею чистотой и опрятностью, а полицейский-киргиз и китайский служащий поразили выправкою и почтительностью — две вещи, давно забытые в России.

Возле входной двери на стене висели официальные уведомления на китайском, умпостижимые лишь для командующего фортом, но по бокам красовались эмблемы китайского правосудия, абсолютно всем понятные: пара длинных, очень широких и тонких посохов с рукоятками (предназначенными погонять скотину — пер.). Сотни и тысячи ударов таковыми всегда к услугам граждан Китайской республики на усмотрение власти.

Я услаждался чаем, вкушая одну чашку за другой, настоящим ароматным китайским чаем, к тому же с сахаром, такового не пил я подавно; длительная и утомительная дорога вкупе с разреженным воздухом вызвала у меня безумную жажду.

Побеленные стены комнаты были увешены китайскими газетами из Шанхая с рекламой и заметками на английском. Сколь отрадно было взору моему видеть доказательства, что достиг я пределов мира цивилизованного, что (хвала Всевышнему!) теперь пребываю в стране «буржуйской», что действительно высвободился из тёмного, давящего, плотно закупоренного sklepa — страны Коммунизма.

Стены гостиной были увешены военными ружьями, их стволы и затворы были тщательно обернуты голубой материей. Тут же висели патронташи, лисьи и волчьи шкуры, а пол устилали две довольно приличные медвежьи шкуры. Командующий фортом, по китайскому обычаю, добавлял к своему жалованию от сделок с мехами и шкурами, а, кроме того, как выяснил я позже, и с опиумом.

Мы сидели так допоздна, каждый занятый своею корреспонденцией, при слабом свете моей единственной и последней свечи. Я писал обращение к Тао Юню с просьбой разрешить мне въезд на его территорию, а также письма к русскому и английскому консулам, тогда как китаец тщательно вырисовывал кисточкой иероглифы, что уведомляли о моём прибытии, описывали мою персону и содержали запрос на разрешение проезда через Кашгар. Поскольку лошадь полицейского была отправлена за провизией в путь дальний, пришлось предоставить посыльному лошадь мою; если её где-нибудь там задержат, то обеспечить обратный путь будет нечем. Я выделил посыльному денег и строго потребовал, чтобы в пути заботился о животном.

На следующее утро неожиданно вздулась река, и стало очевидным, что вброд её не перейти. Пришлось посыльному задержаться на день. Всё это время лошадь моя оставалась без еды, кроме куска хлеба, что я ей уделил.

Время, что провёл я здесь, в Кызыл-кургане, было тревожным и голодным. То было худшим временем года. Все зимние запасы исчерпаны, а новая трава ещё не появи-

лась. Киргизы перегнали свой скот дальше к югу. Невозможно было доставить продовольствие и фураж сверху из Ат-Баши, как это делалось ранее; некоторые киргизы пробовали, но заплатились жизнью. И нам тоже не хватало еды, для самих себя. Для китайца обедом служил варёный рис да какие-то немногие китайские консервы. Тут-то и пришлось как нельзя кстати мой аварийный запас, что удалось мне сохранить в пути до столь отдалённого от Пишпека места, — свиной окорок, любезно приготовленный специально для похода моею хозяйкой. Таковой послужил теперь в качестве *piece de resistance* (основного блюда — фр.) в нашем скудном меню. Как же я был ей благодарен!

Окружающая обстановка была гнетущей и мрачной, место — безжизненным. Дикие и непривлекательные (вар. — неприступные) горы сложены здесь из массивных слоёв красного песчаника, покоящихся на перемежающихся слоях серого железистого и белого гравийников, смешанных с кварцитами. Слои смяты в острые складки, сдвинуты и перекручены, местами поставлены вертикально, так что окрестные пики обрели самые причудливые зубчатые формы. Ниже на нескольких клочках земли, будто огромная щетина, торчали сухие стебли жесткой травы *чий*, вершки её отъедены животными. Высоко на вершинах скалистых гребней можно было чётко разглядеть пятна низкорослой арчи (*Juniperus pseudosabina*), вот и вся здешняя растительность.

Погода была под стать мрачной обстановке Кызыл-Кургана. Облачность хмурилась, и временами задувал холодный пронизывающий ветер, уныло завывавший вокруг форта.

До Кашгара оставалось двести пятьдесят вёрст, а я вынужден был провести восемь долгих, очаянно-нудных и утомительных дней на этой пустынной, заброшенной границе мира в ожидании ответа китайского губернатора. Комендант форта не питал надежды на ответ благоприят-

ный. Он выглядел весьма чуждаковато, когда говорил по-русски, ведь китайцы произносят звук *p* как *л* и вместо *ш* произносят *с*, так что наш мелодичный московский говор в их устах звучит как детский лепет.

— Сто же ви не возвласяца в Таскент? — спросил он, — Тепель вся там холосо.

— Что ж там хорошего?

— Нет больсе война, тепель всю болсевич, всю спокой и не хоти вась пуськать в Каськал.

Нася Сина нетлалитет, — так убеждал меня наивный сын республики Поднебесной.

Моё сердце упало, и сама душа изнывала в одиночестве. С тревогою размышлял я над тем, куда податься, если будет мне отказано в проезде через Кашгар.

Читать было нечего, и я коротал время в прогулках по окрестностям, исследуя скалы; я разбивал и промывал конгломераты, содержащие кварц, в надежде найти золото; рассиживал и болтал с полицейскими-киргизами. Те говорили, что их не обучали стрельбе, и оружия не выдают. Чудаки-солдаты рассуждали так: «Когда надо будет, офицер нам покажет, как зарядить ружьё и как стрелять». В свою очередь они задавали мне кучу любопытных вопросов. Не священник ли я? Могу ли поднять одной рукой... лошадь? «Мы думаем, что ты должен быть очень сильным человеком, — говорили они, — выглядишь ты как *батырия* (то бишь богатырь). А сможешь убить барса из своего ружья, если тот будет стоять вон на той скале?» И указывали на скалу, до которой было, по меньшей мере, полторы версты.

Странные эти жандармы не были облачены в униформу, одеты были как любые другие киргизы, но во время дежурства накидывали голубые холстинные жилеты, на спине которых изображен белый круг с иероглифами. Таковое дополнение к одежде и превращало их в государственных служащих, но вряд ли можно было утверждать, что придавало щеголеватый военный вид.

Животный мир здесь очень скуден. Из всех птиц, что встретились мне, помимо альпийских галок и каменных голубей, можно отметить нескольких альпийских жаворонков (*Otocorys alpestris*)^[142] и немногих чеканов (*Saxicola*).

Кое-где в здешних окрестностях киргизы находят свинцовую руду, из которой выплавляют свинец для продажи китайскому офицеру, а тот в свой черёд обменивает свинец на барана или барса у киргизских охотников. Но в данное время и дикие животные столь тощи от нехватки пищи, что едва ли съедобны.

Я не без зависти смотрел на то, как жандармы получают своё жалование. Таковое выдавалось серебром и составляло десять *cap*^[143] в месяц — это около шести фунтов и десяти шиллингов, что в пересчёте на наши советские деньги составляет около восьмидесяти тысяч рублей — больше, нежели зарплата инженера за два года. Обменная стоимость советских денег была ужасающе низкой: за тысячу советских рублей гражданин «самой развитой и свободной страны на свете» мог бы получить здесь пару ничтожных китайских медных монет!

В конце концов, после долгого и томительного ожидания, посланник прибыл и доставил бодрый ответ Тао Юня в виде категорического отказа впустить меня на территорию Китая, каковое государство считается нейтральным, с добавлением дружеского совета возвратиться «домой» в своё «отечество»!

У китайца мозг устроен совсем иначе, нежели у представителей остального человечества, и законы логики, равно и простые чувства человечности абсолютно ему незнакомы.

Письмо к британскому консулу вернулось распечатанным; вероятно, было прочитано и сочтено не требующим доставки по адресу. Письмо же к русскому консулу, напротив, вернулось в запечатанном виде с пометкой, что в настоящее время никакого русского консула в Кашгаре не имеется. Особым указом Тао Юнь получил строгий вы-

говор за допуск русского на китайскую территорию и предписывал отправить последнего под вооруженным эскортом обратно к российской границе. Особо указано было разоружить меня путём конфискации ружья, о существовании какого-то коменданта, видимо, не забыл упомянуть. На последнее требование ответил я решительно, что никому ружья не отдам, а ежели попытаются отобрать силой, окажу сопротивление и буду стрелять. «Ну холосо!» — учтиво снизошел комендант и не решился более настаивать.

Обратный путь в «отечество» был печальным. Шельмец-киргиз, что ездил на моей лошади в Кашгар, измотал её донельзя, как обнаружил я вскоре. Несколько рахитичных старых кляч было выделено для эскорта, но те едва могли передвигать ноги. Была только одна пристойная — красавец карабаир^[144] из Ферганы — особая порода туркестанских лошадей, выведенная скрещиванием арабских жеребцов с киргизскими кобылами. Ранее конь служил строевой лошастью одного *мингбаши*, чиновника, ответственного над несколькими поселениями, и несмотря на то, что был ужасно тощ, шагал живо. Происхождение сказывается даже здесь, в зловещих горных пустынях.

Припомнилась мне рассказ одного русского контрабандиста, промышлявшего торговлей опиума из Кашгара; у него спрашивался я о нюансах пути. «Мы берём в дорогу самых крепких лошадей, каких только можно раздобыть, сильных и выносливых. Ведь ехать надо долгим путём чрез горные пустыни безо всякой еды. К концу животные худеют до костей и голодают так, что отжевывают друг у друга гривы и хвосты».

Холодный пронизывающий ветер не прекращался, вихри сухого снега жалили в лицо и глаза. Тяжелые тучи покрывали небо и, казалось, готовы были завалить снегом весь мир вокруг. Северная сторона, куда лежал наш путь, темнела и выглядела особенно зловеще. Я был объят печалью и подавлен, ибо все надежды на спасение исчезли,

впереди виделся лишь неизбежный итог — попадание в клешни советских властей, пытки и смерть, скорбь и печаль тех, кто близок мне и дорог. Что я мог? Как избежать подобной судьбы? Мой рассудок усиленно работал, но выделась лишь безысходность. Куда мне идти, что можно предпринять в этой холодной безжизненной горной пустыне? — в пустыне, где разреженный воздух каждое действие превращает в усилие, и человек становится вял и слаб, как на поздней стадии анемии.

На полпути, когда мои попутчики остановились, чтобы дать лошадям передохнуть, я почувствовал, что моя несчастная кляча начала спотыкаться и зашаталась; я едва успел соскользнуть с седла, прежде чем она рухнула. Бедное животное совершенно выбилось из сил и неспособно было везти меня более ни метра; пришлось вести в поводу.

Мой эскорт двинулся дальше, торопясь достигнуть человеческого жилья и там укрыться от снежной бури. Я остался наедине с несчастной лошадию, которая тащилась за мною всё хуже и хуже, сдерживая мой и без того медленный шаг, наконец опять зашаталась и упала. Стало ясно, что конец близок: глаза лошади закатились, струйками потекли из них слёзы. Я извлёк остатки от лепёшек, местного хлеба, и попытался скормить их лошади, но те были тверды как камень, и бедное создание даже не могло их прожевать. Удалось растолочь хлеб камнями и скормить в виде крошек. Разыскал также немного сухих стеблей травы, соскрёб последние остатки хлеба. Животное умирало явно от голодного истощения.

Возвратился один из киргизов и привёл для меня другую лошадь. Я уговорил его проследить за моею и попытаться доставить в аул, после того как малость отдохнёт. Однако и новая не смогла увезти меня далеко: шаг её становился всё медленнее, и вскоре я вновь был вынужден спешиться и взять в повод.

Снежный ураган крепчал, лошадь упиралась; ветер, холод и разреженный воздух останавливали дыхание. Вре-

менами буря свирепела до такой степени, так слепила, что я всерьёз опасался сбиться с пути и столкнуться с неизбежностью ночёвки под открытым небом, что несомненно означало бы замёрзнуть насмерть. Было уже совсем темно, когда, вконец измотанный, ваяясь от усталости и голода, пробился я к таможенной станции. Не ел я с самого утра и был полностью разбит как душевно, так и физически.

Поздно ночью прибыл киргиз и притащил седло; сказал, что лошадь моя умерла. На следующее утро, как только вышел я из хаты, он указал на собак, взявшихся бог знает откуда и семенящих в направлении, откуда пришёл. «Все псы в округе нынче бегут к трупу, они-то чуют хорошо, где падаль», — пояснил он. И всё же, как и откуда могут собаки знать о трупе? Ведь до места, где оставил я лошадь, было добрых полтора десятка вёрст.

За ночь выпало много снега, воцарился холод, хотя было уже 9-е июня. По сути, мы пребывали как бы в полярной области с арктическим климатом. Эскорт доставил меня к русской границе и здесь, к моему немалому облегчению, тут же меня и покинул, так как офицер-китаец и киргизские жандармы решили, что лучше не соваться в Ак-Бейит, до коего оставалось ещё восемьдесят вёрст, а дорога вокруг Чатыр-Куля трудна и опасна. Это и спасло меня от передачи моей персоны в руки красной пограничной охраны.

Итак, я остался в Торугарте и нашёл прибежище у бедствующего старого киргиза с его семейством, в версте от того места, где заночевал я по пути из Ат-Баши.

Глава XVIII. Отчаяние

Положение, в котором я теперь очутился, было столь скверным, что трудно вообразить себе хуже. Ни лошади, ни других средств передвижения, или отбытия куда бы то ни было не осталось, и в довершение всех несчастий моих, денежные средства были на грани исчерпания. Не виделось мне никаких способов выбраться из отчаянного положения. Большая высота местности, помимо того, что затрудняла всякое движение, ещё и подавляла нервную систему, угнетала, и я был низведён в самые глубины грусти и уныния.

К тому же всё вокруг, казалось, сотворено было именно для того, чтобы ввергнуть человека в отчаяние. По утрам ненадолго показывалось солнце, снежной метели давая передышку, но к полудню шторм начинался вновь, и ураганный ветер бушевал всю ночь. Горизонт постоянно был закрыт низкими свинцовыми тучами. А снизу, из котловины Чатыр-Куля, будто из огромного кратера, вздымался столб чёрных, зловещего вида облаков, что напоззали на нас и окутывали покрывалом из бури и снега, так что самое́ душа моя тонула во тьме и отчаянии.

Хибара со щелями в стенах и неплотной дверью не защищала от непогоды. Топлива почти не было, а когда разводили огонь, помещение заполнялось едким удушающим дымом. Всё здесь было грязно и отмечено нищетою. Старый киргиз, хозяин лачуги, был порядочен и чистосердечен, он оказал мне наивозможное гостеприимство. Видя моё безнадёжное положение, он успокоил меня словами о том, что иногда тут проходят контрабандисты, и они могут тайно провести меня мимо красной пограничной охраны в долину Ат-Баши, где я легко смогу укрыться в густом лесу.

«Затем, возможно, ты сумеешь найти кого-нибудь, кто смог бы тебя тайно переправить в Кашгар мимо красных и китайских патрулей. Есть тайные пути, по коим везут опиум, через Кара Теке Даван (Перевал Чёрного Козла), Урта-Су и провинцию Сары-Багиши. Только будь осторожен и не доверяй им, они ужасные разбойники и весьма часто убивают и грабят путников. Конечно же, ты должен ехать ночью, а днём прятаться в оврагах, — говорил он, изо всех сил стараясь помочь мне, — но что бы ни случилось, не отчаивайся, — добавила сия добрая душа, — *кудаи га саламис!* (да уповать будем на Аллаха)».

Всё это было хорошо, да мало сулило надежды. Всё зависело от случая, на который можно положиться, но лишь отчасти. Казалось, только чудо могло вывести меня из отчаянного положения.

Бедный старик! И у него были свои злоключения; он был очень несчастен в домашней жизни, чему я был невольным свидетелем. Семейство его состояло из первой жены, уже старухи, двадцатилетнего сына и второй, куда более молодой жены, которой едва минуло пятнадцать лет. Старуха была, очевидно, истеричной и сварливой ведьмой. Она постоянно бранила своего мужа, весьма часто била его, чем ни попадя, и склонна была впадать в припадки настоящего бешенства; унять их мог только её сын. Но однажды вывела из себя и его, и он ударил её изо всей силы, что тут же и уняло бешеную воительницу. Старик же сносил её выходки спокойно и терпеливо. Особую злобу питала старуха к новой жене, которая была едва ли не больше, чем ребёнком, робким и забитым созданием. На неё орали, её колотили и поручали ей самую тяжёлую работу. Если поднималась буря или крепчал мороз, старуха обычно посылала её за водой, а когда несчастная девочка, полузамерзшая, возвращалась с ведром, то как только открывала дверь лачуги, была вновь отсылаема, на этот раз за топливом, то бишь за тем, чтобы тем или иным способом наковырять корневищ сухой травы, набрать ветвей

колючего кустарника и т. п. Постель бедной девочки годилась разве только для собаки. Она забивалась в угол за дверью и укрывалась несколькими лоскутами тряпок. А если слишком близко протягивала к огню свои замёрзшие пальцы, то сразу же нарывалась на вспышку ярости старой ведьмы.

Одним поздним вечером, когда было особенно холодно, дул пронизывающий ветер, и всё вокруг погрузилось в сон, безжалостная старуха предприняла особо яростную атаку на девочку: срывая с неё драную одежду, швыряясь всем, что было под рукою, с воплями и бранью пыталась выставить несчастную вон из жилища. Словно побитая собачонка, как напуганное маленькое животное, девочка съёжилась, дрожа, забилась в свой угол и тихо заплакала. Но когда старуха в припадке ярости снова набросилась на свою жертву, сын не смог уже сдержать себя и так ударил мать свою, что та покатилась по избе и затихла на полу. Ночь и следующее утро прошли мирно.

Однажды, когда в доме никого больше не было, я угостил несчастную девочку булкой и горстью изюма. Боязливо оглядываясь вокруг, робко и осторожно, будто дикий зверь, она приблизилась ко мне, схватила предложенное и выпорхнула из дома, дабы спрятаться где-нибудь среди камней и потихоньку скушать своё угощение.

Печальная картина домашнего быта обитателей Торугарта во всей простоте своей живо напомнила мне волшебную сказку детства о Золушке и её злой мачехе, старухе Красный Нос. Отличие состояло лишь в том, что в волшебных сказках люди не кишат паразитами и не испускают такого тошнотворного запаха, как эти две реальные жительницы гор, и детские сказки всегда имеют счастливый конец, но эта бедная маленькая Золушка в реальной жизни своей могла бы ждать своего принца хоть до трубного гласа. Вероятнее всего, она завершит свои дни скорби в холоде и голоде.

Давящее окружение, собственное моё отчаянное положение, холод и недостаток пищи постоянно возвращали меня мысленно в Пишпек, ныне далёкий, к моей любезной хозяйке, к дому, где было мне столь удобно, где природа пышна и щедра и где теперь, после очаровательной весны, всё объято сиянием лета. Жуткий контраст с окружавшей меня арктической пустыней, с её бурями и первобытными обитателями, убежищем среди которых наградила меня судьба! Жизнь здешняя должна быть уподоблена той, что в Европе была в эпоху Великого оледенения, и таковое подобие, как увидим далее, не было чисто умозрительным. Здесь убедился я воочию, что доподлинно есть пределы стремлениям человечества к высотам бытия, и пределы те ясно обозначены. Лютый холод и бесплодие пустыни допускают здесь лишь жизнь первобытную.

Отсиживаться весь день в лачуге было немислимо, и я пользовался каждым затишьем бури для прогулок по окрестностям. Я занимался исследованиями скал и обнаружил в невысоких холмах среди песчаников слой глинистого сланца и две прослойки угля.

В те редкие моменты, когда солнце пробивалось сквозь тучи, вид озера Чатыр-Куль становился выразителен, хотя оставался мрачен и дик; игра теней и явления в облаках были странны и необычны. Однажды откуда-то из-за гор выросла и навалилась жуткая чёрная туча и разразилась грозой и градом. Дни тянулись, и каждый сокращал надежду когда-либо покинуть столь ужасное место. Но однажды вечером сквозь шум вьюги послышались звуки чьих-то шагов по снегу. Хозяин вышел и впустил в дом двух киргизов, вскоре вошли ещё двое, все оказались контрабандистами; с ними же прибыло пять верблюдов, груженных товарами из Кашгара. Охотно согласились провести меня через границу в лес долины Ат-Баши. Так что в полдень следующего дня, к великой радости моей, покинул я грустную обитель бед и несчастья.

Как всегда, разразилась буря, слепя нас хлопьями мокрого снега и не позволяя толком видеть дорогу. Лишь однажды смог я разглядеть, что движемся с пологим подъёмом по чему-то похожему на красивый серый мрамор с белыми прожилками. Затем спустились к озеру и двинулись вдоль по восточной его окраине. Низкий болотистый берег, и вязкая почва принуждали совершать длинные обходы. Мои спутники утверждали, что весьма часто в этих местах путники сбивались с пути во время бури, притом нередко люди, лошади и скот гибли в трясине.

Пересекли реку, по которой воды Чатыр-Куля сливаются в долину Аксай и дают начало Тушкандарье (Заячья река), которая является притоком Тарима — большой реки Центральной Азии, что теряется среди таинственных болот Лобнора^[145]. В нынешнее время Чатыр-Куль стока не имеет. К вечеру достигли подножия гор у северного берега озера, где встали на ночлег в построенном из камня жилище близ входа в теснину Ташрабат^[146].

Следующее утро выдалось морозным, сухим и ясным. Яркое светило солнце, и густая синева неба отражалась в проталинах озера. Стаи диких гусей летали вдоль берега. Очевидно, что и здесь начиналась весна. Далеко на севере, на нижних плесах реки Чу таковой период миновал где-то в начале марта, а на высотах здешних наступил тремя месяцами позже. Тёплое время года здесь очень непродолжительно. Зелень трав появляется в июле, и тогда киргизы на короткий срок пригоняют свои стада. В конце августа опять начинаются заморозки, а в сентябре озеро сковывается льдом.

Путь на протяжении около шести вёрст извивался по узкому ущелью меж скал известняка и сланцев, на нижних участках встречались гранитные валуны, часто очень больших размеров. На земле тут и там попадались рога диких баранов — видимо, остатки трапез волков.

Несмотря на холод и снег, что всё ещё лежал повсюду, я был мучим жаждою. То было весьма удивительно, ибо

хоть я часто испытывал жажду в горах, переносил её легко, равно как и в жарких сухих пустынях Туркестана; однако здесь, на высокогорье среди снегов я подлинно страдал от нехватки воды.

Подъём на перевал Ташрабат весьма крутой, но без-опасен и не особенно труден; сам перевал и окрестные вершины покрыты нетающим снегом. Река Ташрабат нис-падает в долину меж крутых берегов, течёт будто в огром-ной трубе, сдавленной горами. Над перевалом небо тём-но-синее, а над далёким горизонтом — светло-голубое, вид весьма необычный. Ниже по ущелью появилась зелё-ная трава, которая, по мере нашего спуска, становилась всё более рослой и обильной. Странно было, что на север-ной стороне, вопреки общему правилу, было теплее, чем на южной, и весна выражена куда явственнее. Ниже горло-вина ущелья раскрылась в долину, а ещё дальше мы вы-ехали на широкую равнину, окруженную со всех сторон го-рами и покрытую яркой зеленью трав.

У подножия гор, на дальнем берегу реки, которая здесь относительно широка, стоят грандиозные развалины некоего древнего храма^[147]. Сквозь высокий обширный вход виден целый ряд небольших внутренних дворов. В северной части высится огромных размеров круглая башня с бойницами, что выложена необычным кирпичом, с виду очень похожим на бетон. Всё поросло травой и ку-старником, а на арке возле башни выросло изрядных раз-меров дерево. Видно было, что уже немало веков стоит здесь это загадочное сооружение, но даже время не сумело одержать победу над его прочными сводами и стенами, что ныне выглядели как неотъемлемая часть горного пей-зажа. В стенах множество, сорок или больше, келий, что темны и мрачны, забиты пылью столетий. Кто выстроил странную эту крепость, когда и с какой целью? Она не по-хожа ни на какое иное сооружение, древнее либо совре-менное, во всём Туркестане. И ради чего понадобилось потратить столько усилий и искусства ради места, столь

удалённого от человеческой обители и главных путей сообщения? Кому нужны могучие стены и своды, когда не было и нет поныне ничего вокруг, кроме лачуг и юрт кочевников? И что скрывается под сводами огромной башни? Вопросы чередой кружили в моей голове при виде грандиозных следов архитектуры далёкого прошлого.

— Это, *тахир*, Таш-уй (Каменный дом), — пояснили мои друзья-киргизы, — но кем построен и когда, не ведаем; только не мусульманами. Дурное место, и мы боимся тут ночевать.

Широкая равнина в окружении гор, будто декорация для замечательных развалин, создавала дивный пейзаж, ни на что не похожий в Туркестане — до чего же искусно выбрано место! По ряду соображений я склонен думать, что сооружение должно быть буддистским монастырём периода «Гондваны»^[148], хотя стилем и особенностями не похож на современные монастыри Тибета и Китая. Я также мог отметить в архитектуре храма зачатки мавританского стиля.

Здесь мы свернули влево от главной долины, безо всякой тропы поднялись и затем спустились в тесное ущелье, где и затаились до темноты. С наступлением ночи вновь вернулись на рискованную дорогу в Ат-Баши. Когда рассветло, мы были уже на берегу реки Кара-Коюн и сделали привал возле киргизской фермы, успешно миновав таким образом все опасные участки перехода через границу. Так вновь я очутился на территории Советской Социалистической Республики под диктатурой пролетариата, а потому следовало глядеть в оба и быть предельно бдительным.

Река течёт среди высоких крутых берегов, сложенных рыхлыми конгломератами. На левом берегу мастерски обустроена целая система арыков, расположенных один над другим, для орошения нижних участков долины. Здесь внизу солнце грело уже вовсю, и было довольно жарко. Склоны холмов были усеяны множеством низкорослых синих ирисов, среди которых попадались и белые. Золоти-

стые утки-пеганки (*Casarca rutila*) важно расхаживали по бархатно-зелёным заливным лугам. Там, где трава была ещё невысокой, копыта наших лошадей вспугивали рябков, или по-местному *карабаур* (*Pterocles arenarius*)^[149]. Мелкие ястребы, словно пустельги, скользили в воздухе, выслеживая на земле свою добычу, в прибрежных кустах и зарослях промелькнул блестящий огненный хвостик и белая головка разновидности горихвостки (*Phoenicurus sp.*)^[150]. Стаи галок (*Coloeus monedula collaris*) позанимали места альпийских ворон^[151]. Жизнь кипела повсюду, природа наполнилась воздухом весны. Какой контраст по сравнению с мрачным и холодным миром, что покинули мы всего лишь прошлым вечером! Я почувствовал огромное облегчение и задышал полной грудью. С трудом верилось, что всего лишь дневной переход отделяет меня от горной долины, где по-прежнему бушуют метели и вся природа погружена в зимнюю спячку.

Мы сделали большой крюк меж холмов, для обхода посёлка Ат-Баши, углубились в береговые заросли, потом пересекли вброд реку, с её удивительно прозрачными и чистыми водами, по россыпям гальки, и выбрались на противоположный берег, поросший высокоствольным лесом. Вскоре достигли деревянной избы лесника. Таковым был один из наших, белый, бывший казацкий офицер, первоклассный наездник и *джигит*, т.е. кавалерист-трюкач. Здесь под видом лесника скрывался он от чекистов. Теперь мне грустно осознавать, что такой превосходный человек, галантный офицер и преданный патриот, впоследствии был расстрелян большевиками вместе с супругой и маленьким ребёнком.

В столь примечательной округе провёл я целый месяц. День-деньской бродил я по лесу и возвращался в избу только к ночи. Пищей моей был хлеб, молоко, масло и рыба. Коровы паслись на сочных травах заливных лугов и давали нам молоко в изобилии, быстрые воды ручья, что протекал по лесу, изобиловали форелью. Надо было всего

лишь соорудить небольшую запруду^[152] из хвороста и веток, и утром в ней оказывалась дюжина или более форелей.

Изобилие растительности в долине Ат-Баши обусловлено влажностью района. Высокое расположение местности в окружении многочисленных горных вершин одноименного хребта влечёт конденсацию атмосферной влаги, приносимой с запада, то есть, с Атлантики. Таковая лишь в ничтожных количествах достаётся горячим пустыням западного Туркестана и жаркой долине Ферганы, но оседает на этом прохладном высокогорье. Лес тут лиственный и выглядит словно парк из старых высоких деревьев, зарослей кустарника, береговых рощиц и широких лугов, покрытых нежной травой и цветами. Тянется лес вёрст на пятнадцать к востоку до источника Богушты, где сменяется высокогорными ельниками. Есть ещё огромные тополя, зачастую с наростами, ивы, шиповник, барбарис, боярышник и мелколистный ивы. Нередко кусты и деревья сверху донизу увенчаны клематисами. На лугах здешних произрастают ирисы, ятрышник, герань, примулы, и целые поля покрывают незабудки. Берега реки обрамлены облепихой крушиновидной (*Hippothoe rhamnoides*) и тамариском^[153] — последний разновидности неизвестной: цветки в виде белых плотных соцветий растут непосредственно на стеблях, а не так, как у знакомого нам кустарника, чьи ароматные розовые соцветия располагаются на кончиках лёгких побегов. Но горе тому четвероногому, что осмелится войти в эти прибрежные заросли. Со всех ветвей набросятся на опрометчивого вторженца полчища сотен и тысяч мелких клещей, что вопьются в тело и, насосавшись крови, разбухнут до размеров крыжовника. Даже человеку трудно избежать этих мерзких паразитов, если по неосторожности и незнанию войдёт в заросли хотя бы на несколько метров. Единственные создания, что безразличны к клещам, это зайцы, которых тут множество. А вот в самом лесу и на открытых берегах рек клещей нет.

Над южным краем долины круто вздымается горный хребет (Ат-Баши — пер.), чьи ущелья и теснины зелены, а пики покрыты вечными снегами. Сочетание увенчанных кудрявыми облаками вершин с лощинами, окутанными густым туманом, поражает дивной игрою теней и света. На какой-то миг горы покажутся одетыми в тёмно-синее, а потом вдруг в лиловое или в цвет иной, тогда как склоны, яркие и зелены, сверкают на солнце. Часто яростные грозы разыгрываются над вершинами гор и низвергают потоки, достигающие самой долины. На западе дали растворяются в веренице горных хребтов, за неровными гранями которых закатывается солнце. Таковые красоты, купно со свежестью лесов, прозрачным горным воздухом, здоровым климатом, бодрящим, но не холодным, целебным, но не жарким, с обильной растительностью и разнообразием животного мира делают долину Ат-Баши одним из самых очаровательных уголков Туркестана. Высота её значительна — около двух тысяч семисот метров над уровнем моря.

Неудивительно, что я часами напролёт бродил по лесу, просиживал на берегах речек и упивался красотами природы. Воды потоков здешних и ручьёв берут начало в источниках и не содержат никаких осадков и примесей — они чисты и прозрачны, так что камни и галька на дне блестят как отполированные, а водоросли и пятнисто-серебряные форели видны так, будто они вовсе не в воде, а в воздухе. Над водной поверхностью свисают колокольчики кендыря (*Apocynum venetum*)^[154], образуя вдоль берега красивый перистый бордюр. Молодой сорокопут сидел на ветке над моею головой в ожидании завтрака от матери, а парочка пёстрых дятлов усердно трудилась на стволах старых тополей; алые дубоносы летали среди низкорослых ив, водяной дрозд (*Cinclus kashmirensis*)^[155], как стрела, то и дело пикировал в воду. Можно здесь встретить птицу, что редка в Туркестане — *Trochalopteron lineatum*^[156]. Серые цапли восседали на деревьях, а в лесу слышны были

воркования диких голубей да однообразное пение кукушки. Раньше здесь водилось множество фазанов, но все они погибли во время холодной и снежной зимы 1918—19. Вообще птичье царство долины Ат-Баши богато и разнообразно, для орнитолога здесь настоящий рай.

Здесь множество косуль, но ещё больше зайцев. Они повсюду, бесстрашные, едва обращающие внимание на человека. Однажды на поляне перед закатом я насчитал их четырнадцать особей. Зайцы Семиречья размерами заметно меньше своих европейских собратьев, зато нельзя назвать их трусливыми. Часто заходят в городские сады. Один мой друг в Пишпеке выстрелил в такого с веранды, но промахнулся. Однако смельчак вновь явился на следующий вечер, пробрался в птичник и кур перепугал насмерть. Туркестанский заяц обыкновенный — *Lepus lemani*, но семиреченский от него отличается, у него оттенок синеватый, а не рыжевато-серый, а на хвосте широкая чёрная полоска. Лисиц также немало, среди коих встречается серебристая разновидность, но шкура последних, хоть и красива, но чересчур тонка и непрочна, а потому ценной не считается.

По вечерам нравилось мне слушать щебет перепелов и криканье коростеля, звуки, напоминавшие мне вечера в полях и лугах моей родной России, и столь чуждые другим уголкам Туркестана. Перепел там лишь птица перелётная, и голос его можно услышать разве что в клетке на базаре, а дергач-коростель вообще неизвестен. И всё же есть различие в голосах птиц этих в России и Семиречье.

Долина Ат-Баши, как и все горные долины Тянь-Шаня и Алая, населены горцами-киргизами, или каракиргизами. В действительности они зовут себя «киргизами», в отличие от проживающих в степях Туркестана, Сибири и Оренбургской губернии. Последние называют себя казахами, но в старину их же называли киргиз-кайсаками^[157]. Язык горных киргизов несколько отличен от языка киргизов степей и сильно отличается от сартского диалекта, по-

тому я поначалу испытывал трудности в понимании, пока не привык. Каракиргизы являются потомками древних народов *саки*^[158]. Во время вторжения царя Дария в Грецию они составляли большую часть персидской армии. И до сих пор самые многочисленные племена каракиргизов называются *сайяки*. В древности они населяли горные районы Туркестана, входившие в состав обширной Персидской империи. Интересно отметить, что отдельные племена каракиргизов выделяются характером женских головных уборов, каковые иногда огромны и очень хитро устроены.

Просто удивительно, как быстро киргизы умеют передавать сообщения, безо всякой почты или телеграфа. У кочевников имеются свои особые способы обмениваться интересующими их новостями со скоростью даже большей, нежели по телеграфу. Однажды вечером, например, лесник рассказал мне, что «киргизский телеграф», узун кулак, то бишь *длинные уши*, как сами они это называют, передал сообщение, что в гарнизоне города Верный разгорелся военный мятеж. «Мы точно не знаем, что там сейчас происходит, но молим Аллаха, да поможет Всемогуший повстанцам!»

В течение нескольких последующих дней непрерывно лил дождь, перемежавшийся грозами, а затем наступила чудесная солнечная погода, и весь лес оживился. На лугах расцвёл синий лён и *иссык-кульский корень (Aconitum napellus)*^[159]. У этого ядовитого растения скверная репутация. Стоит посидеть рядом с его красивыми тёмно-синими цветками, как получишь сильную головную боль. Корни, высушенные и измолотые в порошок, суть смертельный яд, содержащий большое количество аконита, алкалоида столь ядовитого, что четыре миллиграмма его нитрата смертельны для здорового человека. Немалое число обитателей Туркестана, русских и мусульман, отправлено в мир иной не без помощи зелья из аконита, добавленного в пищу коварной рукою. Есть у яда то преимущество, что при-

чину смерти установить невозможно. Женщины Семиречья нашли оригинальный способ, как отправить до срока на тот свет нелюбимого мужа или нежеланного друга, не вызвав при том ни малейших подозрений: делают настойку из корня, замачивают в ней сорочку жертвы, назначенной покинуть сей грешный мир, высушивают, утюжат и дают надеть после бани. Яд через распаренную кожу легко попадает в кровеносные сосуды, жертва заболевает и через два-три месяца испускает дух самым естественным образом. Особенно интересно, что именно здесь в Семиречье аконит в полной мере проявляет свою вредоносность. Будучи выращен из семян где-нибудь в другом месте, например, в Ташкенте, он полностью утрачивает ядовитые свойства и становится декоративным цветком, каковой нередко встречается в садах Западной Европы. Есть тут ещё одно ядовитое растение — чемерица (*Helleborus niger*)^[160]. Его легко узнать по большим красивым цветкам, похожим на дикую розу. Настойку из корня растения здесь используют в качестве отравы для собак. Отчего именно данное средство назначено для уничтожения «друга человека» никто толком не ведаёт. Стоит упомянуть ещё пару ядовитых растений, которые определить я не смог. У одного из них цветок в виде большого тёмно-синего колокольчика; достаточно его понюхать, чтобы почувствовать тошноту и головокружение. У другого небольшой белый цветок на тонком стебле, что растёт прямо из большого корня; зачастую, будучи съеден вместе с другой травой при выпасе, вызывает болезнь или гибель лошадей и скота. Как бы в противовес ядовитым травам, не водится в здешних местах ни змей, ни ящериц, хотя жаб предостаточно.

В горных ущельях и в долине Аксай, что расположена неподалёку^[161], первоклассная охота на крупную дичь. Дикие горные козлы бродят стадами числом до тысячи голов; много архаров и медведей. Последние обитают в пещерах, каковых здесь в известняковых отрогах множество; некоторые очень протяжённые, образуют разветвленные

ходы и гроты. Эти «пещерные» медведи достигают больших размеров, но не отличаются ни свирепостью, ни смелостью. Охотник-киргиз, вооружённый свечой и мушкетом (*мультиуком*)^[162], смело входит в подземную берлогу, движется по тёмной пещере осторожно, заглядывая во все углы и закоулки. Когда в отражённом свете блеснут глаза, он подходит ближе к застывшему от удивления животному, ставит свечу на землю, ружьё — на рогатину, спокойно прицеливается между глаз и стреляет. Охотник промахивается редко, но даже промах не обязательно будет для него роковым, настолько медведь робок и необычайно спокоен. Конечно, нужно проявлять хладнокровие и не терять рассудка, предпринимая дневную охоту подобного рода, в особенности потому, что зарядание туземного ружья есть дело непростое и не быстрое, а спокойствие даже такого флегматичного создания, как сей медведь, имеет свой предел.

Медведи довольно часто встречаются в пещерах этой части Памира, но мне ни разу не посчастливилось столкнуться хотя бы с одним или раздобыть его череп, а вот медвежьи шкуры я видел, и они показались мне огромными. Было бы интересно выяснить, обычный ли это наш среднеазиатский *Ursus leuconux* или какой-то другой вид, возможно, потомок того самого пещерного медведя, с которым первобытный человек Западной Европы вёл столь упорную борьбу за подземное жилище.

Глава XIX. Последнее усилие

Однажды в Ат-Баши прибыл государственный ревизор, представитель Правительства рабочих и крестьян, некто Венедиктов. Он принудил одного богатого киргиза, не до конца ещё ограбленного большевиками, уплатить «налог» в размере нескольких миллионов рублей и сотни овец. Пресловутый Венедиктов не был, однако, ни большевиком, ни даже приверженцем идеи коммунизма. «Мне тоже жить надо, — заявлял он открыто и цинично. — Надо ковать железо, пока горячо, пока длится ещё эта свобода. Был я при старом режиме простым сапожником и скоро вновь им стану, когда всё закончится... А нынче мне приятно». Так говорил в избушке лесника сей поборник ленинского принципа «грабь награбленное», и вопрошал, куда подевался киргиз с его стадом?

А вот мне было трудно найти такого киргиза-проводника, кто не испугался бы провести тайно в Кашгар мимо русских и китайских пограничников, тем паче, что у меня почти не оставалось денег.

Неожиданно в горах выпал глубокий снег, и все перевалы оказались закрыты, кроме перевала Ак-Бейит, где как раз расположился красноармейский патруль. Вообще по всей пограничной полосе была усилена охрана, и новые подразделения Красной армии продолжали прибывать.

Лишь в начале июля снег на перевалах начал сходить, и мне, наконец, удалось найти опытного и способного киргиза по имени Турсум-бей, который несколько раз ходил в Кашгар с контрабандой опиума и знал отменно и путь, и все хитрости, что нужны для обхода пограничной охраны обеих стран. В качестве платы за услуги я пообещал ему последнюю ценность, что ещё осталась у меня — золотые часы, стоившие тогда около двухсот тысяч рублей.

Тем временем от моего друга пришло тревожное известие о том, что местный исполком получил из Верного запрос о местопребывании «организатора банд мятежников в Фергане», который предположительно скрывается где-то в данном районе, с требованием предпринять активные меры к розыску «врага правительства рабочих и крестьян». К счастью в это время у меня всё было уже готово к отправлению.

И тут зарядили непрерывные дожди. На третий день река Ат-Баши вздулась и превратилась в широкий пенящийся поток, бурлящую массу мутно-коричневой воды, местами разлившись на версту; переправа стала невыполнима. Явился Турсум-бей и заявил, что настал самый лучший момент тронуться в путь: «Все теперь по домам, и красные солдаты будут отдыхать и пьянствовать. Аллах поможет нам перейти реку, и никто не увидит нас на дороге».

Итак, мы тронулись. Ещё в сумерках углубились в прибрежные заросли и двигались по ним довольно долго в поисках подходящей переправы. Лил сильный дождь, и плотный туман окутывал долину. Не без колебаний наши лошади ступили в бурлящий поток. Холодная масса воды и грязи подхватила нас. Местами уровень был не выше чем по колено лошади, но вода под напором накапливалась сверху, как перед плотиной, и достигала до колена моего. В такие моменты лошадь как будто плыла, хотя на самом деле шла по дну. Иногда я оказывался в воде по пояс и не видел ничего, кроме коричневой массы пенящихся волн. А сверху дождь лил потоком. Нечего было и пытаться управлять лошадью, я отпустил поводья, и та пошла вслед за лошадью киргиза.

Когда мы, наконец, достигли противоположного берега, то казалось, будто лошади стоят, а берег несётся мимо нас — обычная иллюзия, когда вброд переходишь широкую и быструю реку. В таких обстоятельствах лучше всего поступать как я: отпустить поводья и сдерживать лошадь лишь в те моменты, когда та будет спотыкаться. Хорошо

обученная лошадь лучше человека знает, как быть в подобной ситуации, а если ваша не «на высоте», лучше оставаться дома.

Противоположный берег был высок и крут, так что пришлось довольно долго идти вниз по течению, пока не нашлось места выбраться на сухой берег. Подобная переправа вброд, безусловно, опасна. Если лошадь поскользнётся и упадёт, поток её унесёт, и наездник, вероятнее всего, погибнет. Но если избежите большой опасности, вам уже не придёт в голову беспокоиться об опасностях менее значительных. Мы ехали всю ночь, а дождь не прекращался. Было совсем темно, и только по звуку копыт я мог судить, движемся ли мы по твёрдой земле, траве или болотине. Рассвет застал нас в одинокой лощине среди нескольких полуразрушенных киргизских саклей, где нашли мы приют, дабы просушиться, поесть и поспать перед следующим ночным переходом.

Позже, как-то рано утром, въезжали мы в узкую теснину, где намерены были укрыться на день, и вдруг заметили вдалеке фигуры двух всадников, видимо, дозорных с поста Ак-Бейит. Дабы избежать встречи с ними и скрыть наши следы, пришлось проделать длинный путь по каменистому ложу каньона и насколько возможно углубиться по нему в горы.

Однажды мы отдыхали в тени огромной скалы на песчаном пятачке, и тут прилетели три ворона и уселись на камне неподалёку от нас.

— Убей одного для меня, — попросил Турсум-бей.

— Зачем? Выстрел может нас выдать, а кроме того, на что тебе ворон?

— Если съешь глаз ворона, зрение станет столь острым, что сможешь увидеть Мекку, — отвечал Турсум-бей совершенно серьёзно. Я улыбнулся и покачал головой. Не было никакой нужды «заострять» зрение моего спутника, он мог видеть невооруженным взглядом лучше, неже-

ли я через цейссовский полевой бинокль, и кажется даже, мог отлично видеть в темноте.

Следующая ночь была для нас решающей, ибо предстоял объезд пограничного поста Ак-Бейит, дозорные которого могли разъезжать по окрестности в поисках контрабандистов, даже среди ночи. Но мой проводник был контрабандист опытный и смыслённый, настоящий, как говорится, «горный волк». Он не стал пользоваться ночными переходами, но выбирал путь с умом: по мягкому песку или по траве, чтобы звук лошадиных копыт не выдал нас. Кроме того, мы двигались по верхам, и далеко внизу могли видеть огни заставы и слышать далёкий лай собак.

Утром, сняв с себя напряжение радостным чувством, что опасности позади, мы отдыхали на зелёном лугу, усеянном белыми и розовыми маргаритками. На душе было легко, и казалось, будто стоя кружащихся над нами клушиц приветствовала нас своим весёлым свистом.

Итак, я уже в третий раз успешно пересекал советскую границу и на этот раз был уверен, что навсегда покидаю пределы дикой «Совдепии», решительно расстаюсь с Империей Коммунизма.

Какой-то киргиз подъехал к нам на огромных мохнатых яках и угостил отменным кумысом.

Беспрепятственно въехали в большой аул, что раскинулся в высокогорной долине Арпа. Здесь проживали родственники Турсум-бея, и здесь же сменили мы наших усталых лошадей на свежих. Предстоявший путь лежал через малолюдную, сухую и каменистую горную местность Китая, и нам нужны были сильные, хорошо откормленные животные, в ином случае довелось бы продолжить путешествие пешком, что доводилось мне претерпевать не однажды. Здесь, в этом ауле мы были в полной безопасности, ибо здешние киргизы ненавидели большевиков и ни за что бы нас не выдали. Было очень холодно, дул пронзительный северный ветер, и все жители облачались в меховые одежды.

Мы расположились в большой юрте, принадлежащей одному уважаемому пожилому киргизу с семьёй. Дикий горный козлёнок был привязан внутри клетки — киргизы часто ловят таких и приручают. Козлёнок в течение нескольких дней после рождения неспособен следовать за матерью и при малейшей опасности просто замирает, забившись где-нибудь меж камней или в углублении, лежит неподвижно, так что заметить его трудно. В случае дикой овцы всё иначе: уже через пару часов после появления на свет ягнята становятся весьма ловкими, и поймать их трудно. Киргизы действуют так: преследуют стадо и ищут овцу, собирающуюся сбросить ягнёнка; лежат и выжидают, дабы схватить его как раз после рождения. Домашняя овца или коза выкармливают ягнёнка, и тот быстро привыкает к приёмной матери и к людям. Взрослый горный козёл замирает тем же манером, если нет иного способа избежать опасности: залагает, прижавшись к земле, словно заяц. Травимый собаками, он зачастую забирается на скалу, где стоит неподвижно и не обращает внимания на человека с ружьём, который может подобраться на выстрел с весьма короткой дистанции.

У киргизов и таджиков Памира имеется особая порода охотничьих собак, натасканных на горного козла и дикую овцу, у них отличное чутьё, позволяющее преследовать добычу по запаху. Раненое животное, овца в особенности, может ещё уходить от охотника далеко и долго, даже если получила в брюхо изрядное количество свинца; таковые охотничьи собаки здесь на Памире просто незаменимы, их уважают и, вопреки магометанским обычаям, держат в юртах, заботятся о них и хорошо кормят.

Киргиз, у которого мы остановились, был весьма зажиточен. Стены юрты его, уставленные рядом сундуков с крышками, кожей обшитые и украшенные прихотливым орнаментом, увешаны расписными коврами, уйма всяческих ковриков и подушек лежали навалом повсюду. После чайного угощения хозяин задал мне вопрос:

— А где теперь Ак-Паша, Царь Белый Николай?

— Он со всею семьёю своей, с Царицей, дочерьми и сыном убиты большевиками, — был мой ответ.

Старик глубоко вздохнул, поник головою и спросил:

— А сам-то ты костей белых или черных? *Николай вахт адамлар-ма сиз?* Ты человек от власти Николая?

— Безусловно, — говорю, — большевиков ненавижу и презираю.

Старик крепко пожал мою руку, его рука дрожала в моей. Он поник взором, слёзы потекли по щекам его, члены семейства заплакали, женщины громко заохали, и после тишина воцарилась в юрте. Сцена глубоко взволновала меня. На этой столь отдалённой границе Российской империи, в глубинах горных твердынь, семья кочующего скотовода скорбела о смерти их Белого Паши — так именовали русского государя в Средней Азии. Вся обстановка, меня окружавшая, вдруг живо напомнила мне годы давно минувшие, дни моей юности в степи оренбургской. Всё было так, будто я был с киргизами стороны своей, ибо ничто не обнаруживало, нахожусь ли на высотах в тысячу футов над морем в горах Тянь-Шаня или сижу на берегу реки Урала в юрте старого киргиза, что знал меня с детства. Даже самая местность вокруг не шибко отличалась от холмистой степи оренбургской, да и погода тоже напоминала начало апреля на родине моей.

На всём протяжении необъятных просторов Азии разбросан кочевой народ киргизов, их образ жизни, своеобразная культура, что сложилась на протяжении столетий вольного обитания в открытой степи, оставались неизменными как в пространстве, так и во времени. Кочевники вольны были скитаться по равнинам аки по морю, и ничто не мешало киргизам Тянь-Шаня странствовать по степям Сибири, Урала или Поволжья — ничто, если не считать теперешнего большевистского правления. Свобода и подвижность кочевого народа степи как раз и обусловили своеобразие их культуры и обычаев, равно сыграв

ли весьма важную роль в истории Азии, которая до сих пор недостаточно изучена и осмыслена историками; такое существование чрезвычайно сильно сказалась на судьбе России и, несомненно, коснулось Западной Европы. Горячие пески Египта, долины Месопотамии и Палестины (вспомним «мириады всадников Гога и Магога»^[163]); равнины Индии, России и центральной Европы; французские Шалон с Каталонией; Эллада и Рим — все зрили предков Киргизов нынешних, только под другими именами: скифы и массагеты, гунны, половцы, кипчаки, куманы, печенеги, аланы, татары и т. д. Повсюду вторжения их оставили свой след, и не всегда тот след был только разрушительным, ибо не однажды изменяли они ход исторических событий, состав кровей, язык, характеры, манеры и обычаи тех, кто входил в контакт с завоевателями. Подобно тому, как некогда викинги, благодаря своей способности к покорению морей, распространили своё влияние на Запад, так и кочевники степей азиатских того же добились на Востоке. Широкая полоса травянистых равнин старого континента, что породила особый тип кочевого народа тюрков с их неразлучным спутником жизни — степной лошадью, оказалась судьбоносной для оседлых народов и самой цивилизации.

Все глубокие вторжения и «переселения народов» оказались возможными благодаря одному единственному обстоятельству, до сих пор не учтённому историками — существованию степной лошади. Таковая, в данном отношении, наделена наиболее значимыми свойствами: бесконечной выносливостью, способностью совершать тяжёлую и длительную работу на одном лишь подножном корме, питаясь на простом пастбище, к чему лошади иных пород совершенно неспособны, ибо их работоспособность целиком зависит от наличия зерна. Столь важные качества степной лошади вполне были оценены и широко использованы великими полководцами-завоевателями Азии, Чингизханом, Тамерланом и другими^[164],

что и объясняет секрет их успехов. Однако и завоеваниям бесчисленных орд азиатских был положен свой предел, но не мощь армий и не сила сопротивления народов покоряемых служили тому причиною, но отсутствие плодородных пастбищ, холод Севера и тропическая жара долин Индии — таковые были губительны для киргизской лошади.

И вот снова наш путь лежал к озеру Чатыр-Куль и перевалу Торугарт. И хотя местность вокруг была покрыта зеленью трав и местами пестрела цветами ириса и тюльпана, только мы тронулись, как запорошил лёгкий сухой снежок и закружили порывы холодного ветра. Так продолжалось до полудня, когда, преодолев небольшую возвышенность, мы спустились в котловину Чатыр-Куля. Снег исчез, и озеро почти оттаяло, но мало было травы вокруг, только местами жалкие сухие остатки её с предыдущего сезона. Окрестности озера болотисты и вид имеют в точности как арктическая тундра. По берегам кучи сухих водорослей, выброшенных волною, и огромное количество птичьего помёта — свидетельство того, что здесь по осени отдыхали стаи диких гусей. Несколько птичек из вида песочников порхали над болотом, вероятно, прилетели на гнездовье.

Полярный облик местности для сего времени года был довольно странен. Отчего он здесь такой, на высотах трёх-четырёх тысяч метров над морем? — мы не находили признаков высокогорья, обычных для таких высот, но только с виду настоящую арктическую тундру, где для полноты картины недоставало лишь полярного оленя. Вместо них мы видели яков, и они видом своим напоминали другого арктического обитателя — мускусного быка.

Всё дело в том, что данная часть Тянь-Шаня представлена рядом возвышенных долин, приподнятых одна над другою наподобие лестничного пролёта, ступени которого разделены относительно низкими кряжами. Они образованы не за счёт складчатости земной коры, как, например,

Альпы и Кавказ, а являются, как выражаются геологи, *пенепленом*, сиречь денудационными равнинами. Иными словами, эти долины сформировались после эрозии и полного разрушения древних горных массивов и затем были приподняты вновь; потом в свою очередь были также эродированы и образовали настоящую горную страну, которая иногда имеет вид ряда долин, расположенных на обширной возвышенной равнине, пересеченной не очень высокими горными хребтами. По своему строению местность не является настоящим горным плато как таковым, в отличие, например, от большей части Тибета. Поднятая таким образом на высоты с разреженным воздухом, где господствуют холодные ветры, данная местность оказалась в таких же климатических условиях, как и крайний Север, отсюда и сходство её с полярными районами. Собственно говоря, здесь все еще продолжается ледниковый период, и лишь недостаток влаги препятствует образованию мощных ледников или сплошного ледяного массива; однако несомненно, что в последнюю геологическую эпоху, поздний плиоцен, ледники здесь достигали огромных размеров, о чем свидетельствуют многочисленные морены и обширные отложения ледникового материала в долинах рек. Образование и таяние ледников повторялись не раз. Трудно сказать, от чего эти изменения происходили, из-за периодического увеличения осадков или вследствие поднятия-опускания местности, но всё явно указывает на то, что периодические оледенения различных районов Земли было обусловлено как раз поднятиями местностей на высоты холодного климата и разреженной атмосферы. Я от души порекомендовал бы всем, кто всерьез интересуется вопросами оледенения, посетить данные места, где имеется огромный простор для интересных и важных наблюдений по динамической геологии.

Мы заночевали возле Торугарта в той же самой избе, где ночевал я в свой первый визит. Шторм бушевал всю ночь, гоня сухой мелкий снег, утро же было ясным и сол-

нечным, но невероятно холодным. Вода в речке, что стекла с Торугарта, покрылась коркою льда. Здесь сошли мы с дороги, свернув прямо на восток. Долго двигались по вершинам холмов, избегая долин и оврагов, и спустились на широкую бугристую горную равнину, что простиралась далеко в восточном направлении. Отсюда был виден крутой горный мыс, оконечность небольшого хребта и перевал Терек. Начался спуск в верхний отдел долины реки Кашка-су. Эта долина постепенно опускается и расширяется, само же русло реки абсолютно сухое; берега, сложенные красными песчаниками, отвесны, так что место видом своим напоминает скорее искусственный канал, нежели речное русло. Дно, покрытое мелким песком, плотным и ровным, выглядело как укатанное, а на нём заметно выделялись многочисленные плоские, широкие, круглые листья дикого ревеня. На плоских берегах тут и там виднелась скудная трава и пятна каких-то желтых, лиловых и голубых альпийских цветов, низкорослых и густо сплоченных, как будто боящихся приподнять свои головки в стремлении к теплу — вид растительного сообщества, столь известного всем альпинистам.

Тем временем русло реки продолжало расширяться и вскоре превратилось в просторную долину, по которой протекает река Чокмак-Таш, что означает *ремень*. Здесь наверху песчаного холма сделали мы привал, дабы чего-нибудь поесть и рассудить, как двигаться дальше. Перед нами было два пути: один вниз по Чокмак-Ташу и через Кара-Теке (перевал Черный козел), где располагалась китайская застава, обойти которую было невозможно. Другой шел по области *Сары Багиши*, имевшей очень скверную репутацию, и через перевал Уртасу, где не было застав, но имелась опасность подвергнуться нападению банд этого самого Сары Багиши, что могли нас ограбить и убить. Оба пути вели в долину Уртасу как раз в том её месте, где имелась не обходимая иным путём узкая теснина и где дорога денно и ночью охраняется китайским гарнизоном.

Командир тамошней заставы, некто Абдула-бек, славился бездушием и жестокостью.

Итак, пред нами, как будто перед героями старинных русских сказок, было два пути, равно опасных и ведущих к гибели. Можно было выбирать любой из них. Я выступал за второй, полагаясь на свою винтовку и приличный запас патронов, но Турсум-бей, уверенный в своей хитрости и способности всюду проскочить в ночное время, склонялся к первому. После долгого спора я согласился с моим проводником, уповая на его опытность, и мы тронулись вниз по реке по направлению к перевалу Кара-Теке.

Чем далее мы продвигались, тем теснее и глубже становилось ущелье и наконец превратилось в узкий каньон, где двигаться пришлось уже прямо по руслу реки, местами песчанистому, местами каменистому. Стены каньона были сложены массивными пластами разнообразных сланцев, глинистых или известковых, сильно смятых и простирающихся в разных направлениях, вперемежку с красными и серыми третичными песчаниками, лежащими на них несогласно. Горловина становилась все более скалистой, и мы вынуждены были двигаться то по одной стороне её, то по другой. В одном месте на правом берегу, на очень высокой горе, я смог разглядеть пласты песчаника, рассеченные потоками базальтовой лавы. Очевидно, что вся эта местность могла быть театром сильной вулканической деятельности в третичном периоде или в более позднем.

Примерно через три-пять верст пути вниз, перед самой китайской заставою, расположились мы бивуаком возле небольшого бокового притока, в долинке, где имела кое-какая растительность для лошадей наших, там стояла отдельная юрта киргиза, который принял нас весьма дружелюбно.

«Заряди своё ружьё на всякий случай, — шепнул мне Турсум-бей, — и держи его рядом, народ сей ненадёжен, спать я не буду».

Проводник мой тщательно расспросил хозяина юрты относительно обстановки вдоль дороги и о наилучшем способе обхода китайской заставы. «Совсем обойти пост вам не удастся, — отвечал киргиз. — Стены каньона отвесны и дорога узка; кроме того, на самом перевале всегда особый дозор. Если хотите пройти незаметно, то советую вернуться пару вёрст назад, где увидите небольшое узкое горло справа. Туда и въезжайте, оно выведет вас на перевал, который крут и изнурителен, но вы удачно пройдёте, а дальше идите по небольшому ручью в долину Уртасу. Про этот перевал китайцы не знают и он не охраняется».

Турсум-бей долго ещё расспрашивал киргиза об этом пути, а затем решительным тоном заявил: «Ежели китайцы не хотят пропускать русских в Кашгар, то пока вовсе не стоит туда и соваться, лучше вернуться в Ат-Баши». Я уже понял, в чем состоял его замысел и предпочел с ним согласиться, но позже, когда мы остались наедине, я спросил, отчего он так осторожничал со старым киргизом, столь благожелательно к нам расположенным. «Нельзя положиться на местных, — отвечал Турсум-бей, — он старался направить нас обходным путём, а потом, когда изрядно удалимся, сообщит китайской заставе, дабы подлизаться к властям; нас поймают на Уртасу».

Получу, когда тронулись мы в обратном направлении, хозяин юрты долго ещё нас сопровождал, уговаривая двигаться тайным путём, им предложенным. Это окончательно убедило меня, что Турсум-бей прав в своих подозрениях, так что я заявил самым решительным тоном, будто отказываюсь от риска и намерен вернуться в Ат-Баши. Поблагодарив за гостеприимство, я попрощался с киргизом и двинул рысью. Турсум-бей последовал за мною.

Мы не стали сворачивать в узкую горловину, о которой говорил старый киргиз, а проехали несколько дальше и остановились довольно далеко за изгибом дороги в пролёте между скал, где прождали довольно времени, дабы

убедиться, что за нами не следят. Мой осторожный проводник наблюдал долго и внимательно. Только убедившись, что дорога чиста, повернули мы назад и въехали в узкое ущелье, круто поднимавшееся к перевалу. Далее оно несколько расширилось, появилась кое-какая растительность, трава и хилый кустарник; затем вновь пошли голые кристаллические сланцы, скалы, осыпи и грязные пятна запыленных снежников.

Перевал был очень крут, и нам пришлось петлять вверх по рыхлым осыпям, сползавшим под копытами лошадей. Надо было остановиться, чтобы дать животным передышку. Несчастные создания дышали с трудом, их бока вздымались, и я мог чувствовать биение сердца лошади под моим седлом. На самом перевале лежали сувои грязного снега, смешанного с пылью и камнями. Странный вид открывался сверху: перед нами далеко на юг простиралось кажущееся бесконечным обширное пространство. Горные отроги ниспадали круто, казалось, почти вертикально. Далеко внизу, у подножия гор, простиралось сплошное море узких скалистых, абсолютно голых и бесплодных кряжей с едва различимыми ущельями между ними, безо всяких признаков жизни и растительности. Всюду каменная пустыня, дикое нагромождение скал и горных хребтов. Далеко-далеко, на самой кромке горизонта, на самом краю этого моря скал, я мог ясно различить долину с нависшим над нею толстым облаком пыльной дымки. Все это было залито ярким сиянием, лившимся с юга. Я догадался, что там лежит долина Кашгара — долгожданная цель моих настойчивых устремлений, земля моя обетованная, приют несчастного изгнанника. Однако до цели было ещё два дня, вернее сказать, две ночи утомительного пути.

На юго-западе, над пыльным покрывалом равнины возвышался светлый конусообразный массив, белый как чистое облако. То был, как узнал я позже, Конгур — высшая точка Памира, гигант высотой 7664 метра, рядом

с которым Монблан (4810 м) и наш кавказский Эльбрус (5660 м) выглядели бы холмами^[165].

Узнал я также потом, что как раз в то самое время, когда увидел я равнину Кашгара и восхищался видом цели моих скитаний, отряд красноармейцев по моим горячим следам достиг Торугарта. Очевидно, ЧК напала на мой след, однако слишком поздно! Я уже пересекал границу в местах столь далёких, что все властители земные не могли меня узреть. Удача на грани чуда сопровождала меня на всём пути бегства моего от большевиков.

Спуск бы очень крут; нам даже приходилось спешиваться и вести лошадей в поводу, что было не просто. Скалы являли собой хаотично наваленные сланцы. Тут и там находились клочки свежей зелёной травки, проросшей среди камней, тут же виднелись немногочисленные цветки белых и розовато-лиловых примул. В русле ручья нашёлся клочок зелени с превосходным источником чистой прозрачной воды, где мы остановились, дабы отдохнуть, поесть, подкормить лошадей и дожидаться вечера для дальнейшего пути вниз по теснине под покровом темноты.

Ночь была столь темна, что я не видел ушей своего коня. Я даже не пытался им управлять, а просто удерживал на случай, если споткнется. Можно было понять, что мы передвигались то по камням, то по рыхлому гравия, что с шумом катился под копытами, то по мягкому песку меж каких-то кустарников. Иногда спускались очень круто, видимо по краю пропасти, ибо грохот потревоженных камней слышался долго, будто сыпались они именно в пропасть. Иной раз поднимались по крутому откосу, потом снова спускались почти отвесно, так что приходилось удерживаться в седле, дабы не вывести коня из равновесия и не рухнуть с ним на пару в пропасть.

Двигаясь таким образом, удалось миновать поселение киргизов, которые здесь уже были не нашим народом, а китайскими подданными. Слышен был неистовый лай собак, очевидно, нас учуявших; но поскольку киргизские

собаки обычно лают непрерывно всю ночь напролёт, что ставится им в заслугу как собакам сторожевым, на нас никто не обратил внимания.

На таких крутых спусках всё зависит от крепости лошадиных ног, и всё, что требуется от всадника, это держаться в седле, а остальное надо предоставить лошади, однако по-прежнему следует быть начеку, дабы не рухнуть вместе с лошастью и т. п. Мой провожатый впервые очутился на этой дороге, но сумел отыскать путь превосходно благодаря зрению своему, подобному зрению рыси. И он ещё хотел съест глаза ворона, чтобы улучшить его более!

Мы продолжали спускаться всё ниже и, наконец, достигли каменистого русла реки, каковое в дальнейшем пришлось постоянно пересекать с одного берега на другой в обход крупных каменных глыб. Становилось душно и очень жарко; не было ни намёка на дуновение ветра, и воздух исходил от скал как от печки. В тот вечер я подъел остатки окорока и был томим жаждою. Кроме того, я слишком тепло был одет для данной местности. В конце концов, стоял уже июль месяц, а это самая жаркая пора в Кашгарии. А ведь ещё утром, там, среди вечных снегов, я совершенно замерзал даже в моих плотных одеждах. Пить хотелось невыносимо, горло и рот были иссушены жаждою, нутро горело огнём. Но, несмотря на то, что копыта наших лошадей то и дело ступали по воде, я не поддавался искушению, хорошо зная, как опасно пить воду из неизвестного источника.

Наконец стало понемногу светать; я мог различить очертания гор на фоне неба, а справа обозначились неясные тени как будто огромных тополей.

— Это теснина Урта-Су, — пояснил Турсум-бей. — Как раз тут выходит дорога из Урта-Бель и перевала Терек. Я знаю её хорошо. Теперь давай поедем быстрее, чтоб миновать Абдуллу ещё до рассвета.

Теснина сузилась, и вновь стало темно. Вскоре Турсум-бей произнес:

— Вот наступает самое опасное. Стены тесны и отвесны, их нельзя объехать. Китайские часовые дежурят день и ночь; всё равно мы прорвёмся, иншалла (если будет угодно Аллаху).

Вскоре справа я заметил тёмную массу какой-то стены, а слева захрапел и посторонился верблюд, который, видимо, стоял на дороге. Из темноты, неистово лая, выскочила свора собак, и голос китайца выкрикнул нечто, означавшее, вероятно, «Кто там идёт?» Я остолбенел. В тот же момент другая свора собак вырвалась из темноты и набросилась на первую. Разверзся суший ад, и китайский страж что-то вновь заорал, но на сей раз иным голосом, видимо, проклиная собак. Весь этот шум отменно замаскировал наше передвижение и... хвала Всевышнему! Опасность была позади!

Глава XX. Наконец-то!

Было уже совсем светло, когда мы выехали на пустынную равнину. По обе стороны от нас возвышались ряды небольших холмов. При дневном свете можно было видеть, что вода в реке полна грязи, и я вынужден был терпеть бушевавшую во мне жажду, пока мы не достигли ручья, где вода была хоть и мутной, но достаточно свежей и холодной. Здесь Турсум-бей наполнил свой *турсук*, то есть кожаную бутыль, выделанную из прокопченной кожи, в которой оставалось немного кислого молока. Дальше мы свернули к востоку и вскоре среди холмов отыскивали подходящее укромное место для отдыха.

Холмы вокруг голы и каменисты; они сложены из серых и красных глинистых сланцев, часто покрытых тонким серым песком. По руслам речек и в низинах встречалась скудная ксерофитная (засухоустойчивая) растительность, типичная для сухих и жарких пустынь. Вид её странен и причудлив и отчётливо свидетельствовал о том, в какой климатической зоне мы очутились. Каждое растение, кустик или клочок травы росли отдельно вдали друг от друга; плотного покрова не было, поскольку песчаная почва чересчур бедна питательными веществами и влагою, чтобы таковой покров обеспечить. Там встречались заросли эфедры, кустарника с множеством острых шипов; высокий, блестящий, зеленый тростник и, самое яркое среди прочего — маленькие кусты пустынного въюнка, покрытые красивыми, сладко пахнущими розовыми цветами, как будто искусственно насаженными на свои длинные, тонкие и гибкие зеленые стебли, твердые как проволока, с маленькими едва заметными листьями. Каждый являл собою целый букет диаметром в аршин, выглядевший очень красиво на ярком фоне

желтого песка. Под ручьем находились гигантские кусты шиповника или дикой розы с ползучими ветвями, усыпанными противными колючками, белыми цветами и крошечными твердыми листьями. Эти пустынные растения защищаются шипами и колючками от поедания дикими зверями в местности, где пища скудна.

Солнце поднялось на безоблачное небо и сразу же принялось безжалостно жечь. Я лёг под кустом эфедры, набросив на него свой плащ и создав тем самым немного тени. Лошадей связали и для защиты от палящих лучей солнца, кое-как их прикрыли тем, что было под рукой; так простояли они до вечера без еды, и лишь позже выпало им по пол горсти ячменя. Как в горящей печи провели мы весь этот день, который казался бесконечным. К счастью, и совершенно неожиданно, из-за гор появилось облако, сопровождаемое громовыми раскатами и редкими, но крупными каплями дождя, а затем разразился сильный град. Это было как нельзя более кстати: воздух сразу же остыл, и приятный ветерок освежал нас вплоть до исхода дня. Пустыни Кашгара как бы с улыбкой приветствовали меня. Капли дождя были в действительности растаявшими градинами; вероятно, только так влага может достигнуть нагретого у поверхности земли воздуха, а в виде дождя неизбежно испарилась бы, как я это часто наблюдал в пустынях.

Мы уже более не страдали от жажды. Вода, смешанная с кислым молоком в кожаных бутылках, утолила жажду великолепно. Киргизы в пути всегда пользуются такой смесью. Ей присуще ещё одно весьма важное свойство — молочная кислота способна обеззараживать воду, и это широко использовалось во время кампаний в пустынях при завоевании Туркестана Россией. Особый продукт, изготовляемый из овечьего молока и содержащий высокую долю молочной кислоты, называемый *курт*^[166], выдавался войскам, направлявшимся в степи. Благодаря этому курту зловещие равнины Средней Азии, где от болезней по-

гибали целые экспедиции, утратили своё «защитное жало» и стали открытой дорогой для прохода войск.

И вот наступила темная ночь, — последняя перед Кашгаром, так сказал мне Турсум-бей,

— когда мы вышли из нашего прибежища и двинулись вдаль по тайной тропе, далеко от Терека, киргизских аулов и пограничных застав. И снова я поразился необычайно острому зрению моего товарища. Я не мог видеть ни его спины, ни его лошади, хотя следовал за ним почти вплотную, но он выбирал путь без колебаний, и, если ошибался, то вновь быстро находил его и ехал весьма уверенно. Через некоторое время мы вышли на широкую тропу и по ней двинулись довольно быстро. Вероятно, было около полуночи, когда моя лошадь внезапно остановилась, и я, не видя вообще ничего вокруг, услышал разговор моего проводника с каким-то другим киргизом. «Нельзя вам ехать по этой дороге: столкнетесь прямо с китайским патрулем; место между рекой и фортом очень узкое, и солдаты остановят вас. Проезжайте через *капчигаи* (узкий овраг) и высматривайте священный мазар, где стоит на страже солдат, киргиз», — сказал неизвестный голос.

Мы резко свернули в сторону, и я мог различить запах верблюдов и дыхание лошадей, мимо которых мы, вероятно, проезжали. Я до сих пор не могу понять, как мой проводник находил тропу на бездорожье, где не было никаких ориентиров, где приходилось пробиваться прямо по неизвестной местности и выбирать путь по наитию. Но он ехал уверенно и только однажды попросил меня зажечь спичку, дабы определиться. Выяснилось, что наши лошади уперлись в абсолютно отвесную скалу, преграждавшую нам дорогу. Примерно в десяти шагах дальше среди скал обозначилась узкий, едва заметный проход. Это и был *капчигаи*. В другой раз, уже в ущелье, Турсум-бей снова попросил меня зажечь спичку, чтобы рассмотреть следы на земле, так как подумал, что с пути мы сбились.

Долгая череда бессонных ночей и невозможность нормально спать днем меня изрядно утомили — спать хотелось отчаянно. То и дело я начинал дремать, и мне казалось, что падаю с седла. Иногда я просыпался с трепетом, удивляясь, когда и как я свалился, как долго находился в дремоте. Эта невозможность видеть, куда мы движемся, сделала меня сонным, каким я не был никогда. Тщетно старался я заполнить свой рассудок чем-то вроде медитации, вспоминая о давнем прошлом, сконцентрировать мысли на каком-нибудь предмете и тем самым перебороть сон. Но не преуспел. Наконец стало светать, я стал различать окружающее, и мне несколько полегчало.

Вскоре мы въехали в рощу иссохших деревьев возле старого мазара. Внезапно Турсум-бей резко повернул назад, принял к седлу и, показав мне знак пальцем на губах, быстро скользнул в узкую лощину сбоку. Мы проскочили мимо опасного места, ибо похоже было, что почти вплотную подъехали прямо к тому патрулю, о котором нас предупреждал киргиз.

Примерно в миле Турсум-бей остановил свою лошадь и воскликнул: «Отсель, слава Аллаху, миновали мы всех стражников, и путь на Кашгар свободен!» — и он разразился веселой песней, впервые за время пути. Теперь мы пребывали в самом радостном расположении духа. Я испытал огромное облегчение, ибо мои острые тревоги остались позади. На этот раз я должен был добраться до Кашгара.

Мы выехали на широкую плоскую, покрытую гравием равнину, совершенно сухую и почти полностью покрытую пустынными растениями, такими как верблюжья колючка (*Alhagi camelorum*)^[167]. Здесь спугнули мы стадо газелей, которые мгновенно исчезли из виду.

Слева от нас, на востоке, у самого горизонта возвышались отдельные, очень высокие, крутые горы необычного очертания — то были высоты в устье Терека. Равнина равномерно поднималась к югу, и мы незаметно вышли на абсолютно бесплодное обширное пространство, сло-

женное из пластов серого и желтоватого песчаника с прослоями мергелей. Строение этих песчаников, их внешний вид, форма выветривания под действием пустынных ветров — все это живо напомнило мне точно такую же свиту (толщу) в Ферганской области на берегу Сырдарьи, недалеко от села Наукат, где за прошедшие годы я обнаружил очень интересное месторождение самородной меди, из которой был получен химически чистый металл высокого качества. Таковое сходство отложений и очертаний местностей было поразительным и ещё больше усиливалось из-за наличия тонкого слоя гальки на вершинах холмов, равно скудностью растительности, которая состояла, в обоих случаях, из *солянки* (*Salsola*)^[168], и обилием необычной маленькой ящерицы (*Phrynocephalus*)^[169]. Мне даже почудилось, что я снова ехал возле своих рудников по знакомым берегам Сырдарьи, и мой взгляд инстинктивно искал на берегу обнажение ярко-зеленой окисленной меди^[170]. Кстати, как я потом узнал, на этих песчаных холмах тоже есть отличная медная руда. Около деревни Канджиган китайское правительство добывало и перерабатывало её, и чеканило свою медную валюту.

Далее пошли слои конгломератов, образовавших довольно высокий, крутой, сильно размытый обрыв. Тропа вошла в длинную извилистую теснину с почти отвесными стенами. Я въезжал в свою обетованную землю через этот странный, почти что подземный коридор. Местами встречались боковые каньоны, в которых я мог видеть фантастические очертания арок, пещер, гротов, колонн и т. д. — формы так называемой вертикальной эрозии пустыни.

Наконец это темное и мрачное ущелье резко оборвалось, и перед моими глазами развернулась ярко освещенная южным солнцем картина оазиса и... тут мне помешало, что я вновь очутился в Фергане! Все до мелочей было точно таким же, как в Фергане, которую я так хорошо знал. Раскинулись поля *джугары* или сорго^[171], хлопка и риса. Высокие стройные тополя и деревья *джиди* — так

называемой вавилонской ивы (*Eleagnus hortensis*)^[172] перемежались с абрикосовыми и персиковыми деревьями. Даже дикие растения покрывали сухую глинистую почву: невысокие кусты темно-зеленого тамариска с перистыми пучками розовых цветов на концах, высокие тростники и колючий боярышник.

Мы въехали в ворота нового караван-сарая, стоявшего в стороне от дороги (вероятно, притона контрабандистов), где нас ждал заслуженный отдых в чистой и просторной чайхане. Шел седьмой день с тех пор, как мы выехали из Ат-Баши, а последний этап с предыдущего вечера мы проехали за четырнадцать часов без спешивания, так что отдых мы заслужили. Комнаты были отличными. Стены обвешаны панелями из материала с красивым голубым рисунком, в нишах изящные фарфоровые чашки и тарелки разных цветов. Все носило печать чистоты и порядка, даже изысканности, очень разительно отличаясь от зловонных притонов, которые в Семиречье называют домами отдыха. Я не чувствовал себя изнуренным долгой поездкой, но отчаянно хотелось пить и выспаться, и поэтому после бесчисленных стаканов чая я крепко заснул благословенным сном человека, освобожденного от острого беспокойства и пребывающего в сознании достигнутой цели.

Проснулись мы около двух часов ночи, выпили ещё чаю и снова двинулись в путь. Было уже светло, когда миновали оазис и оказались на той же горной дороге, по которой проезжали вчера. И снова это был узкий коридор, похожий на вчерашний, только еще более извилистый и такой длинный, что показался беспредельным.

Наконец он вывел нас на равнину Кашгара, сиявшую под утренним солнечным светом, к этой массе зеленых садов и полей, через которые пролегал наш путь. Он был окаймлен тенистыми ивами и вязами, а по обеим сторонам тянулись ряды местных ферм, садов, магазинчиков и кладбищ с древними *мазарами* за оголёнными кирпич-

ными стенами. Бесперывные поля клевера, джугара, сорго, пшеницы, которую уже начали собирать, простирались на многие вёрсты среди высоких тонких тополей и больших абрикосовых деревьев, усеянных прекрасными золотистыми плодами. Здесь увидел я незнакомую птицу, большого кашгарского голубя, красивого в своём наряде светло-сиреневого цвета с бархатным черным кольцом на шее. Эта элегантная птица обитает только в деревнях и садах, где она соседствует с малой туркестанской горлицей (*Peristera cambayensis*), недавно завезенной в Кашгар из Ферганы — неотъемлемой чертой каждого двора и сада.

Как только дорога вышла на открытое пространство, нашему взору представилась величественная картина Памирских гор. Они вздымались прямо над равниной, казалось, вертикально своею серой массой на огромную высоту; высоко в небе, над уровнем облаков, возвышались блестящие снежные вершины хребта. Это невольно напомнило мне строки Лермонтова о вершине Казбека, которые осмелюсь перефразировать и перевести так:

*Among them, towering o'er the cloud
By head and shoulders, splendid, great
Kungur, the Pamir's monarch proud
Arrayed in all his robes of state.*^[173]

Однако явившаяся панорама, в сущности, даже намного грандиознее и внушительнее, чем вид кавказского великана Казбека, который намного ниже Конгура. Немного найдётся мест на земле, где можно увидеть гору, поднимающуюся на высоту более семи тысяч метров прямо над окружающей равниной и видимую целиком от основания до самой вершины. Такую дивную картину можно увидеть в Кашгаре, правда, не очень часто. Только весной и летом, да иногда в ранние утренние часы Памирские горы можно лицезреть во всем своем величии и великолепной красоте. В остальное время они скрыты завесой из пыльной дым-

ки, которая почти постоянно висит над равниною Кашгара. Здесь можно месяцами жить и не подозревать о присутствии этих гигантов. Ещё реже, на самом деле крайне редко, случаются дни, когда на далеком-далеком юге можно различить ледовые пики самого Кунь-Луня, едва отличимые от облаков.

Теперь повсюду можно было видеть спокойный и мирный труд людей, равно изобилие благ земных. Какой контраст с «дивным царством трудящихся масс», покинутым мною! На лицах прохожих не было того выражения нервозности и угнетения, которое отмечалось у простых жителей по ту сторону Тянь-Шаня. Здесь люди были веселы и приятно улыбались, хотя при китайском правительстве здешний край отнюдь не был беззаботной Аркадией. Я пребывал теперь в европейском костюме, и со всех сторон спрашивали, кто мы и откуда, предлагали фрукты, булочки и холодное питьё. Китайцев не наблюдалось; как и в Туркестане, население состояло преимущественно из сартов.

Постепенно дорога становилась все более оживленной. Постоянно встречались едущие на ослах, лошадях, груженных телегах и верблюдах. Было много женщин, которые носили паранджи пестрых цветов; на них смотреть было куда приятнее, чем на мрачное однообразие наших женщин. Черный чимбет здесь сменился на лёгкую разноцветную вуаль, а многие женщины вообще не скрывали своих лиц, так что мы иногда проезжали мимо накрашенных кокеток, которые поглядывали на нас с некоторым озорством. В тени массивных деревьев торговцы выставляли свои товары: фрукты, хлеб, пресную воду в высоких глиняных кувшинах, которые видом своим напоминали экспонаты какого-нибудь музея классических древностей.

Движение на дороге становилось всё тучнее, магазинов и торговцев всё больше, деревья теснились ближе друг к другу. Потом внезапно блеснула полоса широкой и довольно мутной реки, был длинный деревянный мост через

нее, явилось скопление народа, ослов, местных извозчиков, с нависшими над лошадьми тентами, раздался звон колокольчиков, своеобразный шум и гам базара; наконец явились огромные городские ворота в массивных, широких оборонительных стенах... и я очутился в Кашгаре!

Но в город мы не поехали, а свернули направо мимо стен с высокими башнями по углам, местами сильно разрушившимися, мимо другого, меньшего, базара и остановились у дома европейского вида, окруженного тенистым садом, с вывеской на нём: «Русско-Азиатский банк».

Получасом позже я уже отдыхал на веранде, наслаждаясь завтраком. Белоснежная скатерть, безупречное обслуживание, сверкающее серебро, цветы в вазах, удобная мебель, миндальные пирожные, печенье, сахар, американские и английские газеты — все это перенесло меня в мир цивилизации и культуры. Это было странное и непривычное чувство, ощущение полного блаженства. Казалось, что я очнулся от долгого-долгого сна, полного ужасных сновидений и кошмаров. Я вернулся к своей старой жизни, к нормальному течению мыслей, ко мне вернулось старое знакомое прошлое, дорогое старое прошлое, которое, как я думал, ушло навсегда, уничтожено дикарями, разрушившими мою страну. Жизнь в дикой природе, всевозможные лишения, голод и жажда, преследования — все это отныне в прошлом. Та мрачная гробница, огромное убежище для безумцев, что сегодня является собой мое несчастное отечество, слава Богу, оставлена позади, далеко за снежными вершинами Тянь-Шаня! Я вновь оказался в мире порядочных нормальных людей.

Через пять минут после моего приезда в консульство предо мною предстал ординарец от Дао Иня с целью разузнать, кто это прибыл в Кашгар из Советской России и каким путём. Через полчаса я позвонил российскому консулу^[174], и уже через час встречал молодого, очень вежливого чиновника, неплохо говорившего по-русски, которого послал сам Дао Инь. Он поздравил меня с благополучным

прибытием в Кашгар, поинтересовался моим здоровьем и выразил надежду, что в новом окружении я буду чувствовать себя как дома.

«Я пока не знаю, — ответил я, — ещё не осознал, нахожусь ли всё ещё в этом грешном мире, или, забираясь все выше и выше в горы, прибыл, не заметив того, в старый рай буржуев, на небеса!» Таковой ответ весьма понравился китайцу, ибо он воспринял его как некий комплимент китайской культуре и вящей заботе администрации о благе страны. Китайцы вообще очень склонны к лести и вежливости, их представление о хорошем тоне подразумевает использование самых приятных и обходительных выражений в разговоре, какими бы экстравагантными они ни выглядели. Молодой чиновник слышал о моей специальности и спросил меня от имени Дао Иня, возьмусь ли я помочь китайской администрации в изучении и разработке минеральных ресурсов страны.

В соответствии с китайским этикетом день моего посещения Дао Иня был назначен заранее. Казалось, сама удача улыбалась мне, но, как мы увидим далее, события разворачивались совсем иначе...

Покончив с формальностями, я нанес очень необходимый визит к парикмахеру, затем принял великолепную горячую ванну и с облегчением увидел в зеркале не волосатую физиономию обитателя дикой «Совдепии», а респектабельную физиономию цивилизованного человека. Я снова был самим собой и мог теперь явиться под своим настоящим именем. Что же касается несчастного геодезиста Новикова, которого отправили на дежурство в двух противоположных направлениях на Балхаш и Нарын одновременно, заметили ли советские власти его исчезновение с места происхождения? Администрация Верного, столицы Семиречья, получила официальные сообщения из Нарына о том, что геодезист Новиков утонул вместе со своей лошадью, переходя реку Чу во время наводнения. Большевики так и не узнали, что несчастный земле-

мер, погибший при исполнении долга, и их непримиримый враг, которого так активно преследовала ЧК, были одним и тем же человеком.

Европейская колония в Кашгаре приняла меня с распростертыми объятиями. Численность колонистов была невелика, в основном русские, приехавшие сюда до революции. Еще существовало старое российское консульство, и действовал Русско-Азиатский банк, директор которого, В. В. Богушевский, оказал мне самое щедрое гостеприимство. Британский консул, полковник Этертон^[175], также проявил ко мне величайшую доброту.

Прекрасные сады британского консульства, заложенные в европейском стиле, и красивое здание самого консульства сделали бы честь любому месту, не говоря уже о такой удаленной обители, как Кашгар. Для европейского сообщества в Кашгаре британское консульство служило «окном в Европу». По беспроводной связи мы получали телеграммы Рейтера, а почтовое консульское отделение доставляло газеты из Индии, посылки с последними книгами и письмами. Через него мы узнавали, что происходит во внешнем мире, и опять же, благодаря этой почтовой службе, я смог связаться с друзьями и корреспондентами в Индии и Европе^[176].

В Кашгаре встретил я также некоторых сартских торговцев и купцов, которых знал ещё в Ташкенте — как и я, они сбежали сюда, чтобы спастись из социалистического рая, созданного большевиками, — они тоже были рады видеть меня живым и невредимым.

Обитатели европейской колонии наперебой, как бы состязаясь друг с другом, всячески демонстрировали по отношению ко мне своё благорасположение, дабы помочь мне забыть все те трудности, которые мне пришлось преодолеть. Они буквально чествовали меня (как свадебного генерала), приглашая на чаепития, ужины и пикники, поднимая вокруг меня ажиотаж и суматоху. Но это была восхитительная свободная жизнь среди при-

личного окружения и образованных людей, и прежние ощущения угнетённости и довлеющей опасности постепенно сглаживались, деморализация духа от последних двух лет моего существования постепенно тонула в трясине «самой свободной страны мира».

Мне особенно приятно было видеть этот круг соотечественников, живущих здесь прежней русской жизнью, не затронутой бурями и потрясениями революции, ощутить их почти не тронутое временем ровное течение жизни. Здесь, в этом далеком уголке бескрайних пустынь Средней Азии, оазис русской жизни, чувств и мыслей все еще сохранялся. Но вряд ли мне следовало уповать на то, что большевики откажутся от попыток отравить сей край своим ядом. Кашгар был нужен им как страна изобилия, если сравнивать её с Россией, которую они разрушили. Кроме того, это было местом, куда могли стекаться «белые банды империализма», как они их называли, и угрожать коммунистическому отечеству.

В русской колонии меня познакомили с некой молодой женщиной, известной как мисс О. Ее прошлое было несколько туманным. По её собственным словам, она служила в знаменитом женском Батальоне смерти. Таковой изобретен был самым одиозным из главнокомандующих, адвокатом Керенским, как отчаянная попытка спасти военную мощь Российской Империи, для разорения которой он так много сделал в то время, когда русские действующие армии разложились не без помощи немецких агентов и при благословении своего дорогого Временного правительства. К своему удивлению, я распознал в ней женщину, знакомую мне ещё в Ташкенте: она была «подругой» иностранного инженера на службе во время войны в том же ведомстве, где я был директором. То был умный молодой человек, который прекрасно говорил по-русски, равно свободно владел языками английским, французским и немецким.

Когда я был арестован большевиками и брошен в тюрьму, а участники антисоветской организации вы-

нуждены были искать убежища в горах, пришлось скрываться и некоему британскому офицеру, что послан был британским генеральным штабом в Туркестан. Между прочим, его замечательные приключения, через которые он благополучно прошел благодаря своей находчивости и смелости, составили одну из самых романтических страниц в истории борьбы с большевизмом в Туркестане. Пытливый же наш инженер, друг мисс О., сумел-таки добраться до комнат, где останавливался англичанин, и в полной мере прибрал к рукам всё, что тому пришлось оставить после себя, а затем сумел выбраться из страны и обрестись в своей родной Бельгии, тогда как подруга его пробилась в Кашгар. Здесь она была встречена с распростертыми объятиями русскими, которые предоставили ей отличную должность в консульстве — преподавателя русского языка для китайских чиновников. Однако вскоре её уличили в краже некоторых важных документов из консульского архива с целью передачи их китайским властям, а некоторые из находившихся здесь белых офицеров раскрыли тот факт, что она ещё и поддерживает связь с большевиками. Конечно, её сразу же уволили из консульства, после чего она очутилась на иждивении своих китайских учеников.

Конечно, я не давал повода понять, будто знаю, с кем имею дело, и мисс О. продолжала расспрашивать меня о моих друзьях, которые остались в Ташкенте, о том, что собираются делать «старые генералы», какие действия ещё могли бы предпринять белые, ну и так далее.

«Остерегайтесь мисс О. — прошептал мне один русский друг, — у нас есть веские основания полагать, что она большевистская шпионка». — «Не волнуйтесь, — был мой ответ, — я умею отличить птицу по её полету».

В разговорах с упомянутой дамой я не скрывал своего отношения к советской власти, большевикам, коммунистам в целом и к их сообщнику А. Ф. Керенскому, большим поклонником которого, к моему удивлению, она оказа-

лась. Я сказал ей, что знал этого ставленника, этого супер-статиста, когда тот был ещё школьником, со всей его похвальбою, истеричной болтливостью. И добавил, что мы, старые ташкентцы, должны были бы краснеть за наш любимый Туркестан в связи с тем, что край подарил такой неблагородный металл нашей бедной России. Если бы, впрочем, не то обстоятельство, что одновременно подарил ей и героя Белого движения, генерала Корнилова^[177]. Я, не стесняясь в выражениях, позволял себе излить едва сдерживаемый гнев и презрение к большевикам, к их жалкому предвестнику и не без радости замечал искры ненависти, сверкавшие в глазах авантюристки.

Но мои страдания отнюдь ещё не закончились, и вскоре после прибытия со мной произошёл случай, едва не стоивший мне жизни.

Одним чудесным утром я с несколькими друзьями, включая полковника Этертона, отправился на пикник, организованный нашими друзьями из шведской миссии. Оседлав карачаевского лопера или триплера (иноходца), я ехал довольно быстро и несколько оторвался от остальных; эта порода лошадей, как я узнал впоследствии, печально известна слабостью передних ног^[178]. Только мы выехали из города по узкой пыльной улочке, как вдруг моя лошадь клюнула носом и упала. Я попытался удержать ее, но безуспешно, тогда сделал усилие выброситься из седла, чтобы не быть раздавленным, как я уже неоднократно делал это в прошлом, но было слишком поздно. Через мгновение я упал, и моя левая нога оказалась придавленной крупом лошади. Все произошло в мгновение ока, и я лишь успел почувствовать, как вся её масса прокатилась по моей спине. Раздались вопли ужаса. Я привстал с величайшим трудом, чувствуя, будто спина разбита всмятку; было ужасно больно дышать, я едва мог шевелиться.

Шесть долгих недель я пролежал в постели под пристальным вниманием русского врача, окруженный добро-

той и сочувствием всей колонии. Меня заставляли лежать неподвижно, так как малейшая попытка пошевелить ногой или даже рукой вызывала невыносимую боль. Мышцы спины были раздавлены, но, по счастливой случайности, кости уцелели. То было время величайших физических и душевных страданий. Мое положение казалось абсолютно безнадежным; весь день и всю ночь я думал о своей семье и друзьях, и в будущем видел только жалкую перспективу жизни беспомощного калеки. Ради этого ли перенес я такой риск, лишения и труд, и подверг своих друзей опасности, чтобы достичь столь жалкого итога — влечить существование сломленного человека в чужой стране, в отдаленном уголке Средней Азии, без средств и даже без возможности работать?

И вот, когда я был в состоянии крайней душевной депрессии и меланхолии, на меня обрушился еще один неожиданный удар: российское консульство получило от Дао Иня срочное уведомление о том, что я должен немедленно покинуть территорию Китая и вернуться в Советскую Россию. С угрозой, что в случае моего отказа, высылка будет осуществлена принудительно.

Больной, сломленный физически и морально, искалеченный и испытывающий постоянную боль, я был гоним из страны, где, как я думал, наконец-то обрел убежище от преследований, а ныне приговорен к тому, чтобы быть отданным в руки моих смертельных врагов.

* * *

«В чем же причина столь резкого изменения в отношении китайских властей?» — спросил я человека, который принес мне плохие новости. — «Тут вы в долгу перед мисс О. — был ответ, сопровождаемый с горькой улыбкой. — Сей досадный случай есть результат её интриг с китайскими властями, ведь она надеется, что большевики за это хорошо ей заплатят».

Едва я оправился от этого катастрофического удара, как явился доктор консульства с печальным выражением лица и новым зловещим известием: специальным указом президента Китайской республики все российские дипломатические учреждения в Китае упраздняются. Так рухнула моя последняя надежда на привилегии неприкосновенности нашего старого русского консульства. Легче представить, чем описать всю трагичность моего положения в тот момент и состояние рассудка моего. Я прекрасно знал, что китайцы способны на все.

Что ждёт меня дальше? Куда деваться?

Врач успокаивал меня, как мог, и уговаривал не падать духом: «На вас работают очень могущественные силы и влиятельные люди, они не оставят вас в беде».

И это было правдой. Приказ о моей высылке был отозван, и я получил возможность выздоравливать, хотя медленно, но спокойно. Мисс О. вскоре после этого отбыла из Кашгара на Дальний Восток, к всеобщей радости. Китайские власти напрочь забыли, что я незаконным путем стал жителем Кашгара, и четыре года прожил я в этом древнем городе как полноправный гражданин странной молодой республики, где научился чувствовать себя как дома. Я встречал лишь доброту и гостеприимство со стороны китайских официальных лиц.

После четырех лет проживания в Китайском Туркестане мои обстоятельства настолько улучшились, что в августе 1924 года я смог отправиться в Европу длинным путём через самые высокие перевалы в мире, горные пустыни Каракорума, Кунь-Лунь, Западный Тибет, Гималаи, очаровательные долины Кашмира и жаркие равнины Пенджаба^[179].

Эпилог

Питера Хопкирка

ПАВЕЛ НАЗАРОВ был вынужден провести последующие четыре года — с 1920 по 1924 — в Кашгаре, где постепенно утрачивал всякую надежду на свержение власти большевиков и на своё возвращение в Россию. В ней он оставил свою жену и всё своё имущество. Поначалу, не имея ни денег, ни знакомых, он вынужден был порой довольствоваться самой унижительной работой, подобно многим другим беженцам из России того времени, вплоть до того, что, сидел под стенами города и чинил обувь случайным прохожим. Однако по мере того как распространялась о нём молва, он постепенно познакомился с немногочисленным местным русским сообществом, состоящим исключительно из противников большевизма, и начал пользоваться его поддержкой, равно как поддержкой британского генерального консула полковника Перси Этертона (Percy Etherton) и его преемника Клармонта Скрайна (Clarmont Skrine). Последние оба знали о связях Назарова с полковником Бейли — их сотрудником по политическим ведомствам Индии, и о роли его в неудавшемся ташкентском заговоре. Они очень высоко оценивали знания Назарова о Туркестане и пытались их использовать как важный источник сведений в «Большой Игре» того времени^[180].

9 ноября 1920 г. Назаров пишет из Кашгара полковнику Бейли, поздравляя того с удачным избежанием «лап большевиков», и одновременно сообщает о своём побеге. «Я потерял всё: мои шахты, библиотеку, коллекции руд и минералов, мои документы, лошадей, собак, одежду, мебель — всё конфисковано большевиками». Но ничего не упоминает о своей жене, и можно лишь догадываться, собирался ли он как-либо высвободить её из России.

Во всяком случае, он в этом, по-видимому, не преуспел, и нам ничего более не известно о её судьбе.

Весной 1924 г. стало совершенно ясно, что власти Китая готовы формально признать новый советский режим в Москве, и что в скором времени большевистские дипломаты вступят во владение генеральным консульством в Кашгаре, пока ещё находившемся в руках «белых». Слуги Ленина, отлично осведомлённые о том, кто такой Назаров, не успокоились бы до тех пор, пока не свели бы с ним своих счётов, вернув насильно в Советский Союз под суд, либо расправившись с ним на месте. Когда он увидел агента ЧК, которого знал ещё в Ташкенте, то понял, что пора настала уходить дальше. Наняв небольшой караван пони и вьючных животных на деньги, вырученные за геологические работы, он двинулся по направлению на юг, через Каракорум в Лех, в Ладакх, претерпевая немалые трудности от горной болезни и холода в течение двухмесячного похода. Отсюда он двинулся в западном направлении в Сринагар, Кашмир, где наконец стал недостижимым для большевистских наёмных убийц. И здесь он также нашёл своих старых друзей (the Skrines), которые, без сомнения, смягчили трудности следующего этапа его изгнания, на этот раз на пути в Лондон, где ему суждено было провести следующие три года в поисках работы в качестве геолога.

В конце концов, ему подвернулась удачная работа — в вельдах экваториальной Африки, где, как он был уверен, большевики никогда его не найдут. Там он встретился с Малькольмом Бёрром, молодым геологом, с которым проработал вместе в течение 2-х лет. Тот уговорил Назарова изложить письменно свою удивительную историю, что Назаров и осуществил, на русском, а Бёрр перевёл рукопись на английский. Изданная вскоре книга имела успех и хорошие отзывы. «Немногие из живущих подвергались такому жестокому испытанию быть постоянно на грани внезапной гибели, — писала „Санди Таймс“, — необычно-

венно интересная книга». Обозреватель Панча назвал её «одной из наиболее впечатляющих повестей о путешествиях из всех когда-либо написанных». Существенно ободрённый успехом, Назаров выпустил вторую книгу, в которой описал своё пребывание в Кашгаре и свой мучительный переход через Каракорум. Названная «Moved On», как и первая книга — «Hunted Trough Central Asia» — это блестящее собрание приключений и наблюдений за птицами, растениями, скальными образованиями и другими явлениями, которые привлекли высокопрофессиональный взор исследователя. Книга была переведена на английский также Малькольмом Бёрром.

Теперь, как опытный геолог и как автор, Назаров, наконец, начал преуспевать и в общественном отношении. Я заметил, что мой экземпляр «Moved On!» (в тексте — «Atoned On» — пер.) имеет дарственную надпись от автора к леди Лидии Детердинг (Lady Lydia Deterding), жене нефтяного барона: «... относительно которой я испытываю гордость считать её своим другом». Позже он был вынужден принять подданство Южно Африканской Республики, где и скончался в начале 1940-х годов. Я узнал об этом случайно, благодаря тому, что полковник Бейли в своём экземпляре «Hunted...» вклеил короткую вырезку из газеты «Таймс» от 25 сентября 1942 года. В ней содержалось сообщение Малькольма Бёрра из Стамбула, где тот состоял профессором английского языка при университете, о том, что услышал о кончине Назарова в Йоханнесбурге «недавно... после долгой жизни, полной необычных лишений». В конце концов, так или иначе, Назаров сумел избежать длинных лап большевистской мести.

Но это ещё не было концом повести, ибо судьба её в 1980 г. совершила неожиданный поворот. В том году я был озадачен появлением, по-видимому, вновь опубликованной книги Назарова под названием «Теснина Капчигая: дневник Павла Назарова» («Kapchigai Defile: The Journal of Paul Nazarof»). Несколько сокращённо

и немного иначе она в основном в точности описывает то же, что «Беглец в просторах Средней Азии», с тюремного заключения в Ташкенте до прибытия в Кашгар. Я позвонил издателю — Афенауму (Athenaeum), его уж больше нет в живых — чтобы выяснить, каким образом они раздобыли рукопись и знают ли они, что иная версия была опубликована примерно 50 лет тому назад под другим заглавием. Крайне удивлённые этим открытием, они рассказали мне, что рукопись была предоставлена одной престарелой англичанкой, которая лично знала Назарова во время его пребывания в Лондоне. Она утратила контакт с ним в 1926 г., примерно в то время, когда он отбыл в Африку, и справедливо предполагая, что сама вскоре умрёт, решила, что повесть должна быть опубликована.

Но вот о чём не догадывались ни она, ни издатель: Малькольм Бёрр уговорил в своё время Назарова вновь начать с более подробной и законченной повести о его приключениях. Вначале я размышлял, не была ли книга, изданная после смерти автора, просто усечённой версией более ранней, о существовании которой издатель ничего не подозревал. Поскольку той женщины, что предоставила рукопись, уже нет в живых, неясность остаётся. После тщательного сопоставления текстов у меня сложилось впечатление, что Назаров сделал черновой вариант рукописи ещё во время своего пребывания в Кашгаре, с которой, вероятно, потом сделал копию. По словам той женщины, незадолго до своего отъезда из Лондона и исчезновения из её жизни, Назаров говорил ей, что убеждён, будто его преследуют агенты ЧК. Если так, то становится понятным, почему он скрыл от неё и всех прочих, куда держит свой путь, чтобы большевики не смогли преследовать его и в Африке. Всё, что он сообщил ей, насколько она помнила, это то, что он «принял предложение от иностранного правительства осуществить геологическую съёмку в джунглях далёкой страны, и это

обеспечит ему убежище от безжалостной ЧК». Малькольм Бёрр не стал раскрывать местопребывания Назарова во вступлении к книге 1932 г., а просто упомянул, что они «вместе работали в течение двух лет в буше экваториальной Африки». И только десять лет спустя, уже после кончины П. С. Назарова, у него появилась возможность сообщить, что его друг проживал в Йоханнесбурге.

Как и меня самого, многих читателей должен волновать вопрос о судьбе его супруги. Ответ, по всей вероятности, лежит в каком-нибудь запылённом деле в архиве КГБ в Ташкенте или смутной ныне памяти русских фамилий, чьим родителям или прародителям посчастливилось выжить в то время. Тем, кто сможет разрешить эту последнюю печальную загадку истории, я был бы в высшей степени признателен^[181].

Приложение

Замечания о маршруте П. С. Назарова

(Незаинтересованный читатель данный раздел может пропустить)

Как уже отмечалось во вступительной статье, имеющаяся в книге «Hunted...» примитивная карта местности не дает правильного представления о некоторых участках пути Назарова после его побега из тюрьмы. Особенно это относится к участку от Ташкента до почтового тракта Чимкент-Бишкек, точнее — от Чирчика через отроги и ущелья Северо-западного Тянь-Шаня в районе Большого Чимгана и далее к северу. Предпримем попытку отследить его, ориентируясь по упоминаемым в тексте названиям горных хребтов и массивов, ущелий, рек, долин и населённых пунктов. Итак, начнем по порядку.

После ареста большевиками в октябре 1918 года и побега из тюрьмы в январе 1919-го, П. С. Назаров, покидает Ташкент и двигается обходными путями вдоль главной дороги Ташкент-Чирчик вслед отступавшим отрядам Белой армии.

Временное пристанище находит у своего друга, чей дом расположен непосредственно у дороги. Через несколько дней ему удается раздобыть лошадь и двинуться в сторону долины Чаткала. Две ночи проводит у знакомого богатого киргиза Якши-бея. Тот в свою очередь устраивает Назарова в семье знакомого сарта Акбара, чей дом расположен в *относительно неотдалённом* пригороде Ташкента на берегу р. Чирчик, также возле большой дороги; там беглец скрывается от большевиков вплоть до наступления весны.

Вынужденно, ввиду надвигающейся опасности быть обнаруженным агентами ЧК, покидает это место, пере-

правившись на другой (не указано, на какой именно, но, вероятно, орографически левый) берег реки Чирчик по мосту, ночует на ферме богатого киргиза, друга Акбара. Переселяется ненадолго в дом одного очень бедного киргиза, затем ночует в чайхане и наконец обретается у сарта-мельника, где проводит три недели. Отсюда он ускользает незаметно и, не без помощи друзей, оказывается «во главе каравана из семи верблюдов, нагруженных пчелиными ульями». В это время, как пишет автор, «весна была в полном разгаре». К ночи караван достигает некой речной долины, где верблюды сменяются на ослов. На берегу стремительной горной реки Назаров остаётся в одиночестве (с ослами и ульями).

Утром направляется вверх по долине к ближайшему горному кишлаку, где ночует у своего друга Османа. Вдвоём они двигаются дальше в горы, *не раз преодолевая кражи, небольшие живописные ущелья и горные потоки*. Осман возвращается назад, обещая Назарову снабжение необходимым для пребывания в горах. Начинается период укрытия беглеца в лесистой горной местности, расположенной, как пишет автор, *в окрестностях Большого Чимгана на одном из притоков р. Чаткал*. Здесь он остаётся «один на один с природой» в течение трёх месяцев, избрав местом жительства поросшую лесом укромную и живописную лощину. Невольно напрашивается вопрос: где же именно таковая располагалась?

К сожалению, для точного ответа имеющихся в повествовании сведений недостаточно. Вообще автор, вероятно, в целях безопасности людей, с коими имел дело, избегает точного обозначения мест своих временных убежищ. Есть, однако, в данном случае указания на относительную близость каких-то населённых пунктов, где-то на дистанции порядка одного дневного перехода, а это порядка 10 км по дорогам и тропам предгорий. Действительно, Назарова не раз посещают его друзья и ташкентские соратники, а также жители местных кишлаков — по-

следние обращаются к нему в основном за «медицинской помощью». Кое-какой свет проливает повествование о дальнейшем пути следования Назарова, когда 19 августа (1919 г.) он покидает полюбившееся ему убежище и, заручившись полученными через друзей ложным удостоверением личности и «мандатами», вместе с сартом и осликом направляется в Семиречье. Следует описание пути по едва заметной тропе, которая извивалась «то спускаясь к самым берегам горных рек, то круто взбираясь по откосам», по которой путники «спустились в *главную долину*, пересекая боковые ущелья». Судя по данному описанию и исходя из указанного выше Назаровым места, следует предположить, что *главной долиной* является не что иное, как ущелье р. Чаткал до её слияния с р. Угам к северу от массива Б. Чимгана. Настораживает лишь то обстоятельство, что река здесь протекает в довольно глубоком каньоне и является многоводной, автор же говорит о переходе её вброд, причём не верхом на лошади, а в компании с осликом и проводником. Вероятно, в период летней межени таковой брод был возможен.

Далее следует описание пути вверх по ущелью р. Угам, по высокой террасе в обход глубокого каньона (Темирши) в плодородную долину Кызыл-Тал, расположенную в среднем течении Угама. Назаров, неоднократно меняя проводников и верховых лошадей, следует через перевал в опасную для него местность «где русские переселенцы обосновались у дороги, ведущей в Семиречье». Внизу остаётся лента реки Угам, на запад простирается пустынная долина Сырдарьи. Очевидно, что перевал находится в хр. *Каржантау*, однако какой именно (их имеется несколько), судить трудно. Первое селение, упоминающееся Назаровым — Дорофеевка или Джангали — определяется только на старых картах, а вот следующее, Трёхсвятское, обозначено на более поздних. Т.о. путь движения в обход опасных густонаселённых мест в окрестностях к востоку от Чимкента более-менее ясен.

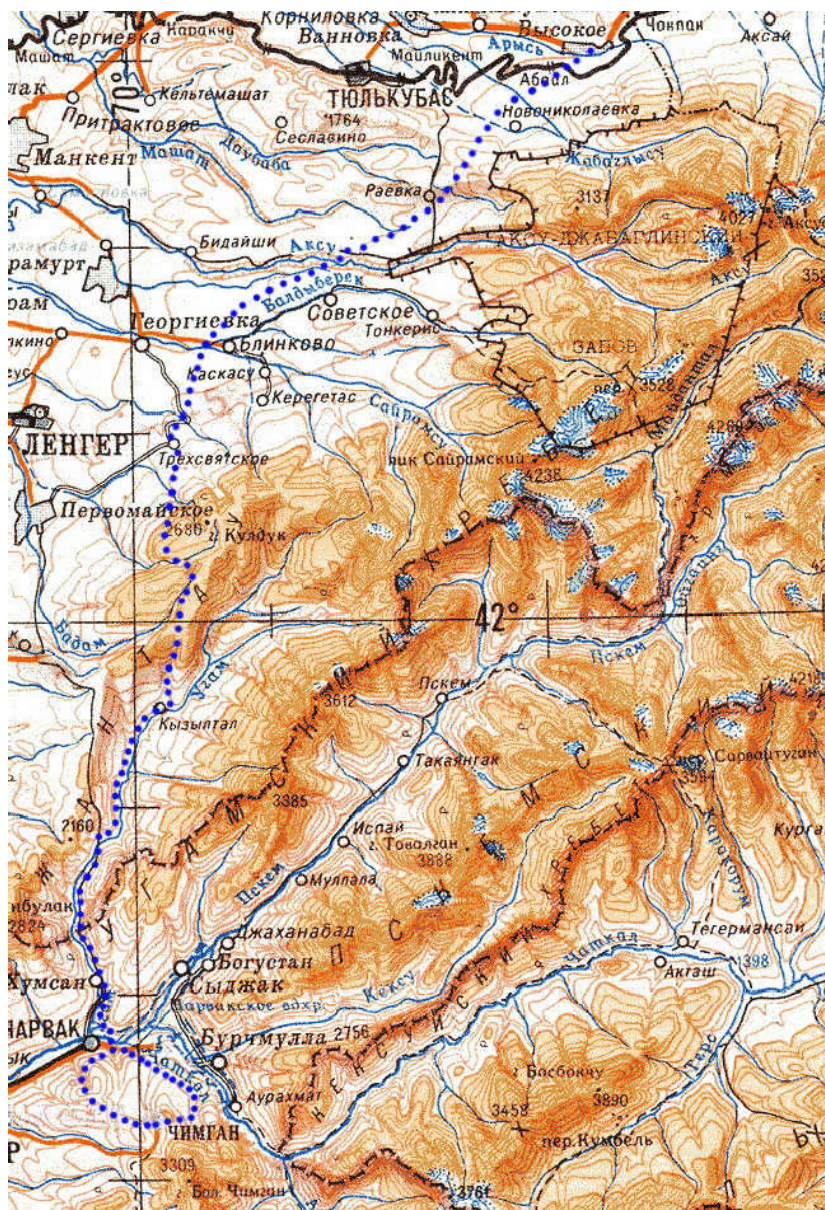
Затем Назаров спускается в долину р. Аксу и пересекает её глубокий каньон по шаткому мосту. После преодоления очередного перевала, откуда открывается вид слева на горы Каратау и на востоке — на горные хребты Тянь-Шаня, следует спуск к пос. *Высокое*. Это уже на почтовом тракте Чимкент-Бишкек, где дальнейший путь нашего беглеца определяется более-менее четко: он проезжает пос. Бурное, Аулие-Ата (позже — г. Джамбул, ныне — Тараз), Луговое, Мерке, Кара-Балта и др., и в экипаже с парой неких попутчиков-комиссаров, прибывает в Пишпек.

На приводимой ниже схеме (фрагмент карты 001-К-42) пунктиром отмечено место, где (предположительно) укрывался Назаров в летнее время 2019 г., а также его путь в Семиречье до пос. *Высокое*.

Начинается как бы второй этап скитаний автора по Семиречью, который дотошному читателю может показаться даже не совсем понятным. Действительно, как следует из повествования, Назаров покидает Бишкек и (очевидно, вместе с попутчиками-комиссарами) прибывает в г. Верный (Алматы), где устраивается на службу в одном учреждении, и которым направляется для осуществления «гидрологических изысканий» в долине р. Чу; ему предоставляют лёгкий экипаж с парой лошадей и возничим.

Вплоть до весны 1920 г. беглец как бы «петляет» по окрестным долинам и ущельям Александровского хр. (ныне — Киргизского, Кыргыз-Алатоо), временами вновь возвращаясь в Бишкек.

Вначале Назаров направляется в горные леса верховий р. Чу; проезжает селения Баласагун, Ивановка, Токмак и Самсоновка; посещает долину р. Кебин; поднимается на горный кряж; возвращается в Самсоновку. Вслед за этим он предпринимает поездку в долины Шамей и Кегеты, откуда возвращается в Ивановку; далее отправляется в ущелье Иссыгаты. Наконец возвращается в долину р. Чу и снова в Пишпек. До наступления зимы (октябрь-ноябрь 1919 г.) успевает ещё посетить некоторые долины

Карта участка Чимган-Угам-Высокое

и ущелья вост. части Александровского хр., как-то: Сукулук, Аксу, Кара-Балта и др. В своей книге автор подробно останавливается на географических и геологических особенностях местностей, истории, растительного и животного мира. С какой целью предпринимались данные поездки, действительно ли Назаров состоял на службе некоего ведомства г. Верный в качестве «гидрографа»? Или «заметал следы» своего пребывания в Семиречье, о котором, по тревожным сведениям своих ташкентских друзей, уже начинало догадываться ЧК? Выжидал ли он время, когда большевистская власть в Туркестане рухнет и можно будет вернуться домой? А может быть, автор просто руководствовался желанием поведать о местах, где ранее бывал, занимаясь своими излюбленными изысканиями и спортивной охотой? Представляем читателю сделать на этот счёт свои умозаключения.

Так или иначе, настает зима, и Назаров вновь отправляется в путь. На этот раз, с целью добычи пропитания охотой — в низовья р. Чу. Однако из-за непогоды, сделавшей передвижение в степной местности невозможным, он вскоре опять возвращается в Бишкек.

Настает весна, и наш беглец, убедившись в роковой необходимости покинуть пределы многострадальной своей Родины, готовится к последнему, весьма печальному, одинокому и чуть ли не трагическому этапу своего пути из Туркестана — через границу в китайскую Кашгарию. Трогается Назаров (якобы с целью геологической съёмки в ущелье р. Нарын) 18-го мая 1920 года. Нет нужды рассматривать его маршрут детально, т.к. из самого повествования автора он представляется достаточно ясным: это в основном тот путь, по которому теперь пролегает современная автомобильная дорога Бишкек-Кашгар.

Литературные источники

1. Филиппов А. Г., Цибанов В. В. Горный инженер П. С. Назаров, пещера Кан-и-Гут и рудник-«призрак» Кух-и-Сим // Спелеология и спелестология. Материалы V междунар. научн. конф. Набережные Челны. 2014. С. 160–168.

URL: http://kani-gut.narod.ru/gorning_nazaroff.pdf.

2. Шергалин Е. А. Павел Степанович Назаров (1863–1942?) неизвестный натуралист, повстанец и писатель // Астраханский вестник экологического образования. №2 (24). 2013. С. 173–180.

URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pavel-stepanovich-nazarov-1863-1942-neizvestnyy-naturalist-povstanets-i-pisatel/viewer>.

3. Назаров П. С. Заметка о девонских отложениях озера Колтубана на Южном Урале // Зап. Импер. Минералог. об-ва. 2-я серия. Ч. 23. 1887. С. 133–138.

4. Назаров П. С. К антропологии башкир // Изв. О-ва Любит. Естествозн., Антропол. и Этногр. Т. 18. Труды антропол. отдела, дневник. Т. 12. Вып. 2, 9. М., 1890. С. 54–59.

5. Назаров П. С. Поездка на Памир // Землеведение. Т. 3. Кн. 1. 1896. С. 118–136.

6. Назаров П. С. Дополнение к сообщениям И. Т. Поляковского о находках каменных орудий в Средней Азии // Протоколы Туркестанского Кружка Любителей Археологии. Ташкент, 1907. С. 78.

7. Назаров П. С. Открытие коренного месторождения золота в Туркестане // Туркестанские ведомости. №251. 1912.

8. Назаров П. С. Древний серебряный рудник Кух-и-Сим // Туркестанские ведомости. 16 янв. 1914. С. 2.

URL: http://kani-gut.narod.ru/nazaroff_kuhisim.pdf.

9. Назаров П. С. Бесплезная книга о полезных ископаемых // Туркестанский сб. Т. 562. 1915. С. 306–317.

10. Назаров П. С. Зоологические исследования Киргизских степей / Перевод с франц., обраб. текста, прилож. М. В. Черткова. Оренбург: Изд-во ОГПИ, 1995. 55 с.

URL: http://tsibanoff.narod.ru/nazaroff/nazarov_zoolissledovaniya.djvu.

11. Nazaroff P.S. Kuh-i-Sim, the treasure of Turkestan // Blackwood's Magazine. Aug. 1929a. Vol. 226. Pp. 184–196.

12. Nazaroff P.S. The Scythians, past and present. Translated by M. Burr // Edinburg Review. Vol. 250. No 509. Jul. 1929b. Pp. 108–122.

13. Nazaroff P.S. Hunted through Central Asia. Translated by M. Burr. Edinburg, London: Wm. Blackwood & Sons, 1932. 331 p.

URL: http://kani-gut.narod.ru/nazaroff_hunted.epub.

14. Nazaroff P.S. Moved on! From Kashgar to Kashmir. London: George Allen & Unwin Ltd., 1935. 317 p.

15. Nazaroff P.S. Kapchigai defile. The journal of Paul Nazaroff / Ed. E.M. Turner. London: The Athenaeum Publishing Co Ltd., 1980. 127 p.

16. Nazarow P.S. Recherches Zoologiques des Steppes des Kirguiz // Bull. de la Soc. Imperiale des Naturalists de Moscou. 1886. Vol. 62. No 4. Pp. 338–382.

17. П. С. Назаров в Википедии. URLs:

http://en.wikipedia.org/wiki/Paul_Nazaroff.

<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2,%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%A1%D1%82%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87>.

18. Интернет-страница переводчика, посвященная П. С. Назарову.

URL: <http://tsibanoff.narod.ru/nazaroff/nazaroff.html>.

Примечания

[1] Специалист по таксидермии, чучельник.

[2] На русском языке издана книга Питера Хопкирка «Большая игра: битва империй за Среднюю Азию». ISBN: 978-601-7348-07-9.

[3] В тексте английского издания при обозначении местности, где происходят описываемые события, помимо принятого в дореволюционное время в России «Туркестан», используется англоязычный термин «Центральная Азия (Central Asia)». При обратном переводе с английского в отношении мест, относящихся к среднеазиатским республикам бывшего СССР, отдано предпочтение более привычному для русского читателя названию «Средняя Азия». О различии и нюансах понятий «Центральная Азия», «Средняя Азия» и «Туркестан» см. статью в Википедии: http://ru.wikipedia.org/wiki/Центральная_Азия.

[4] Бейли Фредерик Маршман (англ. Frederick Marshman Bailey; 1882—1967) — подполковник, кавалер Ордена Индийской империи, британский разведчик, резидент английской разведки в Туркестане в 1918—1920 годах, действовавший под видом сотрудника советских спецслужб. http://ru.wikipedia.org/wiki/Бейли,_Фредерик_Маршман.

[5] Супруга П. С. Назарова — Горбунова Надежда Алексеевна (ок. 1882 — 1957, Ташкент). Похоронена на Боткинском кладбище в Ташкенте.

[6] Ссылки на литературные источники см. в Приложении.

[7] Дутов Александр Ильич (1879—1921) — русский военный, герой Белого движения, атаман Оренбургского казачества, генерал-лейтенант (1919). http://ru.wikipedia.org/wiki/Дутов,_Александр_Ильич.

[8] Семиречье — (каз. Жетісу) — географическая область в Средней Азии; расположена между озёрами Балхаш на севере, Сасыколь и Алаколь на северо-востоке, хребтом Джунгарский Алатау на юго-востоке, хребтами Северного Тянь-Шаня на юге. Семь главных рек, от которых произошло название области: Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепси, Баскан, Сарканд.

[9] Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898) — русский генерал, туркестанский генерал-губернатор, главнокомандующий сербской армией, выдающийся военный и политический деятель. В 1882 г. Черняев, в военно-научных целях, пересёк с небольшим отрядом плато Устюрт. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Черняев, Михаил Григорьевич](http://ru.wikipedia.org/wiki/Черняев,_Михаил_Григорьевич).

[10] Ретирадный список — список офицеров, уволенных в запас.

[11] Корнилов Петр Георгиевич (1880—1918). Род. в Тобольской губ. Младший брат генерала Лавра Корнилова. Учился в Сибирском кадетском корпусе, Омск (не закончил). Окончил Казанское военное училище по 2 разряду (1901—1903). Окончил курсы военных переводчиков при штабе ТуркВО. С 18.10.1898 начал службу нижним чином; с 22.02.1903 произведен в подпоручики из подпрапорщика; мл. офицер 4 роты 15-го Туркестанского стр. батальона 4-й Туркестанской стр. бригады, Термез (1903). Участник первой мировой войны, подполковник. Полковник (1918). С февраля 1918 г. — один из организаторов и руководитель антибольшевистской «Туркестанской военной организации». С авг. 1918 г. переименована в «Туркестанский союз борьбы с большевизмом». В конце 1918 г. арестован и расстрелян Туркестанской ЧК как участник заговора. По другим данным как военный инструктор скрылся из Ташкента и работал среди Ферганских басмачей. Брат его, Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — русский военачальник, генерал от инфантерии, военный разведчик, дипломат и путешественник-исследователь, герой русско-японской и Первой мировой войн. Верховный главнокомандующий

Русской армии, участник Гражданской войны, один из организаторов и Главнокомандующий Добровольческой армии, вождь Белого движения на Юге России. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Корнилов, Лавр Георгиевич](http://ru.wikipedia.org/wiki/Корнилов,_Лавр_Георгиевич).

[12] Мешхед (перс. — Машхад) — город на северо-востоке Ирана, административный центр провинции Хорасан-Резави.

[13] Мадамин-бек (Мухаммад Амин Ахмед-бек, Мехмет Эмин-бек, Мадамин Ахметбеков) (1893—1920) — один из руководителей басмачества в Ферганской долине, авторитетный курбаши. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Мадамин-бек>.

[14] Вотинцев Всеволод Дмитриевич (1892—1919) — председатель Ташкентского совета, председатель ЦИК Советов Туркестанской Советской республики. В январе 1919 года погиб в числе 14 туркестанских комиссаров. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Вотинцев, Всеволод Дмитриевич](http://ru.wikipedia.org/wiki/Вотинцев,_Всеволод_Дмитриевич).

[15] О событиях и лицах, связанных с Ташкентским («Осиповским») мятежом янв. 1919 г. см. статью в Википедии: http://ru.wikipedia.org/wiki/Осиповский_мятеж.

[16] «Этот Пашко был моряком, который, как я знал, был хорошо известен. Он был один из лидеров мятежа на Черноморском флоте в Одессе, когда моряки издевались жестоко над своими офицерами и выкинули затем в море. Он был один из самых злых и жестоких комиссаров. Наихудшим, что можно было сказать о человеке, так это то, что он друг Пашко». (Ф. М. Бейли. Миссия в Ташкент. Пер. А. Михайлова, 2013).

[17] После неудачи мятежа, части Белой армии были вынуждены отступить к Чимкенту и далее в горы Большого Чимгана, ведя тяжёлые бои. События описаны в мемуарах младшего сына Великого князя Николая Константиновича — Александра Николаевича (князя Искандера), изданных в 1957 году в «Военно-историческом вестнике» под названием «Небесный поход».

[18] На диалекте *Djagatai Tartar* — знак уважения, соответствует обращению *сахиб* (П. С. Назаров); арабское имя, указывающее на чистоту.

[19] Река Южный Буг на Украине.

[20] Чагатайский («староузбекский») язык — средневековый среднеазиатско-тюркский письменно-литературный язык, достигший наибольшего оформления и единообразия как язык классический в тимуридских уделах (бывший Чагатайский улус) во 2-й половине 15—16 вв. <http://slovar.cc/enc/bse/2058219.html>.

[21] По всей видимости, речь идёт о легендарной пещере-руднике Кан-и-Гут («Рудник Погибели»), приуроченной к полиметаллическому месторождению в отрогах гор Майдан-Тау. П. С. Назаров упоминает о Кан-и-Гуте в своей статье в журнале «Blackwood's Magazine». См. сайт <http://kani-gut.narod.ru>.

[22] Ибн Хаукаль — Абуль-Касим Мухаммад ибн Хаукаль ан-Нисиби, известен как Ибн Хаукаль — арабский географ и путешественник X века, родом из Багдада. Путешествовал более 30 лет по разным странам. http://ru.wikipedia.org/wiki/Ибн_Хаукаль.

[23] Вероятно, опечатка или неточность автора: хронологически д.б. династия *Саманидов* — правящая династия, основавшая Государство Саманидов, которое занимало Хорасан и Мавераннахр в 819—999 годах. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Саманиды>.

[24] В тексте «Shurbad»; скорее всего, речь идёт о месторождении бурого угля возле современного г. Шураб, Южная Фергана; в настоящее время в основном выработано и заброшено.

[25] Сэр Марк Аурель Стейн (венг. Stein Mark Aurel; 26 ноября 1862 — 26 октября 1943) — венгерский путешественник и этнограф. http://ru.wikipedia.org/wiki/Стейн,_Марк_Аурель.

[26] См. мою статью «Кух-и-Сим — сокровище Туркестана», опубликованную в журнале Blackwood's

Magazine в августе 1921 г., стр. 184—196. — Прим. П. С. Назарова.

[27] Месторасположение древнего рудника и связанного с ним городища Тункент является до сих пор вопросом научных дискуссий, но наиболее вероятной представляется версия о том, что располагались они в районе современной промзоны «Ангрен» Ташкентской обл. Узбекистана.

[28] В подлиннике: «You are a sportsman!»

[29] Строка из молитвы — «Великой ектеньи».

[30] Шариатский судья; титул судьи в ханствах Средней Азии.

[31] В подлиннике: «in language of Uzbek Turki»; узбекский язык имеет сложную диалектическую структуру и занимает своеобразное место в классификации *тюркских* языков — семье родственных языков предполагаемой алтайской макросемьи, распространённых в Азии и Восточной Европе.

[32] Крестовский Всеволод Владимирович (1839—1895) — русский поэт и прозаик, литературный критик. Автор шумевшего романа «Петербургские трущобы». http://ru.wikipedia.org/wiki/Крестовский,_Всеволод_Владимирович.

[33] Вероятно, имеются в виду стихотворения В. В. Крестовского из цикла «Испанские мотивы» (Auto da fe, Fandango, Сан-Яго, Андалузянка).

[34] Валиханов Чокан (Шокан) Чингисович (1835—1865) — учёный, историк, этнограф, фольклорист, путешественник и просветитель, казах по национальности. http://ru.wikipedia.org/wiki/Валиханов,_Чокан_Чингисович.

[35] Курманжан Датка (кирг.), в подлиннике: «Kurban Djan Datkha»; (1811—1907), — известная также как Царица Алая, государственный деятель-женщина Киргизии. http://en.wikipedia.org/wiki/Kurmanjan_Datka.

[36] Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882) — российский военачальник и стратег, генерал от инфанте-

рии (1881), генерал-адъютант (1878). Участник Среднеазиатских завоеваний Российской империи и Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, освободитель Болгарии. http://ru.wikipedia.org/wiki/Скобелев,_Михаил_Дмитриевич.

[37] Томирис (др.-перс. Tahm-Rayis от др. иран: Tahmirih — «Храбрая»; приблизительно 570- 520 годы до н. э.) — царица массагетов, по мнению исследователей, скифского кочевого скотоводческого народа. История Томирис и её победы над Киром была хорошо известна в античном мире и стала легендой. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Томирис>.

[38] Вероятно, имеется в виду Фёдор Герасимович Мищенко (1848—1906) — русский историк античности, переводчик с классических языков. Профессор, доктор греческой словесности, профессор Казанского университета, член-корреспондент Петербургской АН (1895). http://ru.wikipedia.org/wiki/Мищенко,_Фёдор_Герасимович.

[39] Тамерлан, Тимур (1336—1405) — среднеазиатский тюрко-монгольский военачальник и завоеватель, сыгравший значительную роль в истории Средней, Южной и Западной Азии, а также Кавказа, Поволжья и Руси. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Тамерлан>.

[40] Юденич Николай Николаевич (1862—1933) — русский военный деятель, генерал от инфантерии (1915). Один из самых успешных генералов Российской империи во время Первой мировой войны, во время Гражданской войны возглавлял силы, действовавшие против советской власти на Северо-Западе. Последний российский кавалер Ордена Святого Георгия II класса. С начала Первой мировой войны — начальник штаба Кавказской армии, ведущей бои с войсками Османской империи. 13—16 февраля 1916 Юденич выиграл крупное сражение под Эрзурумом. http://ru.wikipedia.org/wiki/Юденич,_Николай_Николаевич.

[41] Цируль (Цирулис) Фриц Янович (1886—1925) — российский революционер, деятель органов внутренних

дел Советской Республики. Родился в семье латышских ба-траков. Получил домашнее образование. Неоднократно привлекался к ответственности, провёл в тюрьмах и ссылке Российской империи более 7 лет. С декабря 1917 года возглавлял Ташкентскую городскую охрану.

[42] Индийский воробей — обычная, местами многочисленная, гнездящаяся перелетная птица. Главное отличие от домового воробья в том, что индийский воробей в Казахстане — это сезонный мигрант, тогда как домовый воробей живет здесь постоянно. Населяет кустарниковые заросли, лесопосадки, сады, рощи, глиняные обрывы, поселки и тока. <http://birds.kz/v2taxon.php?l=ru&s=692>.

[43] Хищнецы (лат. Reduviidae) — крупнейшее по числу видов семейство отряда полужесткокрылые, представители которого широко распространены по всему миру. Преимущественно активны ночью. Днем прячутся в траве, на деревьях, в укрытиях. Активные хищники, питаются преимущественно насекомыми, ряд тропических видов питаются и кровью теплокровных животных и человека (представляют переход от хищников к паразитам). <http://ru.wikipedia.org/wiki/Хищнецы>.

[44] Стоддарт Чарльз (1806—1842) — офицер и дипломат, известный британский агент в Центральной Азии в период т.н. «Большой Игры». Был послан в составе миссии к эмиру Бухары с целью склонить того к освобождению русских рабов (?) и заключения договора дружбы с Британией, однако в 1838 г. был арестован. http://en.wikipedia.org/wiki/Charles_Stoddart. Конолли Артур (1807—1842) — британский разведчик, путешественник, писатель. Автор термина «Большая Игра». В 1841 г. в попытке противостоять проникновению России в Среднюю Азию пробовал убедить правителей Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств забыть о своих разногласиях, но потерпел неудачу. В октябре был захвачен в плен в Бухаре, куда прибыл, чтобы помочь освободиться полковнику Чарльзу Стоддарту. В 1842 г. оба офицера, обвинённые

в шпионаже, были обезглавлены по приказу бухарского эмира Насруллы. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Конолли, Артур](http://ru.wikipedia.org/wiki/Конолли,_Артур).

[45] Каркас южный (лат. *Celtis australis*) — вид цветковых растений рода Каркас (*Celtis*) семейства Коноплёвые (*Cannabaceae*). Ареал вида охватывает южную и центральную Европу, Малую Азию и Северную Африку. Культивируется по всему Средиземноморью. Дерево высотой 15—20 м, с прямым, покрытым серой корой стволом диаметром до 1 м, несущим шарообразную, довольно густую крону. Древесина обладает высокими физико-механическими свойствами.

[46] *Eremurus* — род травянистых растений семейства лилейных, иногда разделяемый на ряд родов. Корневище компактное, корни скученные, нередко мясистые, веретеновидно-утолщенные. Листья прикорневые, длинные, линейные. Цветонос намного длиннее листьев; соцветие — конечная многоцветковая кисть; околоцветник белый, желтый, розовый, красноватый или бурый; плод — шаровидная коробочка. Свыше 50 видов; в СССР более 30, от Крыма и Кавказа до Алтая и Гималаев. Обитают в степях, пустынях, до высоты 3500 м.

[47] Хэмптон-Корт — грандиозный дворец с парком на берегу Темзы близ Лондона; один из ценнейших памятников английской дворцовой архитектуры; первым владельцем был кардинал Уолзи [Cardinal Wolsey, 1475—1530]. Королевская резиденция до 1760. Построен в 1515—20.

[48] Эремурус замечательный, или Эремурус представительный (лат. *Eremurus spectabilis*) — многолетнее травянистое растение, вид рода Эремурус (*Eremurus*) семейства Асфodelовые (*Asphodelaceae*). Крупное, до 1—2 м высотой во время цветения, растение. Произрастает на сухих, хорошо прогреваемых каменистых склонах, в горных степях, на скалах и осыпях, по склонам балок. Встречается в горах Юго-Западной Азии, Закавказье, на Украине, в Туркмении.

Занесён в Красную книгу России. http://ru.wikipedia.org/wiki/Эремурус_замечательный.

[49] Рябчик Северцова, или Корольковия Северцова (лат. *Fritillaria sewerzowii*) — многолетнее травянистое растение, вид рода Рябчик (*Fritillaria*) семейства Лилейные (*Liliaceae*). Ранее выделялся в монотипный род Корольковия (*Korolkowia*). Эндемик Средней Азии. Распространён на западе Тянь-Шаня, на севере Памиро-Алая. Произрастает по предгорьям, на глинистых и каменистых склонах. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Рябчик_Северцова_\(растение\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Рябчик_Северцова_(растение)).

[50] Сыть длинная (лат. *Syperus longus*) — многолетнее травянистое растение; вид рода Сыть (*Syperus*) семейства Осоковые (*Cyperaceae*). Ареал растения включает всю Европу, кроме Скандинавии; Западную и Среднюю Азию. Корневище содержит эфирное масло, обладающее запахом фиалки, используется как пряность. http://ru.wikipedia.org/wiki/Сыть_длинная.

[51] Плиоцен (от др. греч. — более новый, современный) — эпоха неогенового периода, начавшаяся 5,3 миллиона лет назад и закончившаяся 2,5 миллионов лет назад. Эпохе плиоцена предшествует эпоха миоцена, а последовательницей является эпоха плейстоцена.

[52] *Myorhonus c. temminckii* Vigors, 1832 — один из шести подвигов Синей птицы, или лилового дрозда (лат. *Myorhonus caeruleus*), вида птиц семейства дроздовых. Ареал обитания — западный Тянь-Шань до Афганистана и на восток через Гималаи, восточный Ассам до провинции Сычуань, а также северная и северо-восточная Мьянма. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Синяя_птица_\(птица\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Синяя_птица_(птица)).

[53] Возможно, имеется в виду райская или длиннохвостая мухоловка (лат. *Terpsiphone paradisi*) — птица семейства монархов. Распространена в густо поросших лесами областях от Туркестана до Индии, в северном и восточном Китае, и на юге до Индонезийского архипелага. http://ru.wikipedia.org/wiki/Райская_мухоловка.

[54] Один из подвигов щеглов (лат. Carduelis) — рода птиц из семейства вьюрковых. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Щеглы>.

[55] Золотистая шурка (лат. Merops apiaster) — птица из семейства шурковых (Meropidae). Одна из самых красочных птиц Европы. Брюшко голубое, спина и задняя часть шеи — рыже-коричневые, крылья — смешанные из этих двух цветов. Основной добычей являются пчёлы, осы, шмели, а также летающие жуки, стрекозы и цикады. Могут наносить большой ущерб пчелиным колониям. http://ru.wikipedia.org/wiki/Золотистая_шурка.

[56] *Sisimia loeseli* — вероятно, имеется в виду Гулявник Лёзеля, *Sisymbrium loeselii*. Однолетнее или двулетнее травянистое растение высотой 40—120 см. Распространен в европейской части России, в Сибири, на Украине, в Беларуси, Молдове, на Кавказе, в Средней Азии. Молодые листья употребляют в пищу как заменитель салата и шпината, листья — заменитель кресс-салата.

[57] Порфирит роговообманковый, одна из разновидностей порфиров, магматических горных пород с порфировой структурой, не содержащих калиевого полевого шпата среди породообразующих минералов. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Порфирит>.

[58] Коровяк высокий, или густоцветковый, или скипетровидный (лат. Verbascum densiflorum) — двулетнее травянистое растение, вид рода Коровяк семейства Норичниковые (Scrophulariaceae). Другие названия: царская свеча, царский скипетр, медвежье ухо. Всё растение покрыто мягким, сероватым или желтовато-серым войлоком. Цветки собраны пучками в верхушечную колосовидную кисть. http://ru.wikipedia.org/wiki/Коровяк_высокий.

[59] Большой Чимган (узб. Katta Chimyon, Катта Чимён) — очень крупный куполообразный горный массив, входящий в состав Чаткальского хребта. Наиболее высокая точка массива известна под названием вершины Большой Чимган и имеет высоту 3309 м. Расположен в северо-во-

сточной части Ташкентского вилоята Узбекистана, в 80 км от Ташкента. http://ru.wikipedia.org/wiki/Большой_Чимган.

[60] Жезтырнак или Жез Тырнак (каз. Жезтырна, «медный ноготь») — женский злой демонический персонаж казахской мифологии и некоторых соседних с ними тюркских народов. Обычно представляется в облике красивой молодой девушки или женщины с медным носом и медными когтями, обладавшей злобным характером и невероятной силой. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Жезтырнак>.

[61] Угамский хребет — горный хребет в системе Западного Тянь-Шаня, расположенный на границе Казахстана и Узбекистана. Отходит на юго-запад от Таласского Алатау. Протяжённость 115 км, наивысшая точка 4238 м. Сложен осадочными породами (в частности, известняками) и гранитоидными интрузиями. В известняках выражены карстовые образования. На склонах субтропическая полупустынная и степная растительность, в долинах лиственные леса, в высокогорье лугостепи и альпийские луга. http://ru.wikipedia.org/wiki/Угамский_хребет.

[62] Огарь, или красная утка — водоплавающая птица семейства утиных, родственная *пеганке*. Характерно оранжево-коричневое оперение.

[63] В оригинале «wild oats with a black barb». Судя по всему, речь идёт о диком *овсе пустом*, или *овсюге* (лат. *Avena fatua*). Однолетнее растение; вид рода Овёс семейства Злаки, или Мятликовые (Poaceae). Считается злостным сорняком зерновых культур. Произрастает повсеместно в Евразии, Северной Африке и др. Обладает мощной корневой системой, проникающей в почву на глубину до полутора метров. Побег образует куст из 2—3 десятков стеблей, часто превышающий в высоту 100—110 см, метёлка достигает длины 30 см. Молодые всходы могут идти на корм скоту. Однако скормливание не размолотых зёрен овсюга вместе с жёсткими волосками и грубыми осями может быть причиной воспаления

слизистых оболочек пищеварительной и дыхательной систем животных.

[64] Река Угам (узб. Ugom, Угом) — горная река в Казахстане и Узбекистане, наиболее крупный правый приток реки Чирчик. Длина 68,5 километра. Истоки у гребня Угамского хребта. Образуется слиянием нескольких ручьёв родникового происхождения. Бассейн с севера ограничен хребтом Таласский Алатау, с запада — горами Каржантау, с востока — Угамским хребтом. В среднем течении образует долину с широкими террасами, где имеются рощи, кустарниковые заросли и пастбища. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Угам>.

[65] Среднеазиатское восстание 1916 года — вооружённое выступление коренного мусульманского населения среднеазиатских владений Российской империи против центральной власти, вызванное трудовой мобилизацией и осложнённое межэтническим насилием. http://ru.wikipedia.org/wiki/Среднеазиатское_восстание_1916_года.

[66] Тамга — родовой фамильный знак, печать. Как правило, потомок определённого рода заимствовал тамгу своего предка и добавлял к ней дополнительный элемент либо видоизменял её. Наиболее распространена тамга у черкесов, абазин, абхазов, карачаевцев, балкарцев, ногайцев, крымских татар и других. Слово «тамга» — тюркского происхождения и имело несколько значений: «тавро», «клеймо», основное значение — «печать». <http://ru.wikipedia.org/wiki/Тамга>.

[67] Аулие-Ата — так ранее назывался современный город Тараз (в советское время — Джамбул) — один из древнейших городов в Казахстане, административный центр Жамбылской области.

[68] *Ovis heinzii* (*Ovis Heinsii* — баран Гейнса). Северцов Николай Алексеевич, выдающийся учёный, путешественник, исследователь Тань-Шаня, автор книги «Путешествия по Туркестанскому краю» дал одному из новых видов *Ovis*'а имя Александра Константиновича Гейнса (Гейнца)

(1834—1892) — генерал-лейтенанта Русской императорской армии, этнографа. См.: http://az.lib.ru/s/sewercow_n_a/text_0020.shtml (книга Н. А. Северцова); [http://ru.wikipedia.org/wiki/Тейнс, Александр Константинович](http://ru.wikipedia.org/wiki/Тейнс,_Александр_Константинович).

[69] Генерал-губернаторами Туркестана последовательно были: К. П. фон Кауфман (1867– 82), М. Г. Черняев (1882—84), Н. О. фон Розенбах (1884—89), барон А. Б. Вревский (1889– 98), С. М. Духовской (1898—1901), Н. А. Иванов (1901—04), Н. Н. Тевяшев (1904—05), Д. И. Субботич (1905—06), Н. И. Гродеков (1906—08), П. И. Мищенко (1908—09), А. В. Самсонов (1909—14), Ф. В. Мартсон (1914—1916), А. Н. Куропаткин (1916—17).

[70] Фольбаум Михаил Александрович (Соколов-Соколинский) (1866—1916) — российский военачальник: генерал-лейтенант (1913); Бакинский градоначальник (1908), военный губернатор Семиреченской области (1908—1916). Высочайшим приказом от 7 сентября 1916 года ему, ввиду того, в русской армии стали проявляться антигерманские настроения, было разрешено сменить свою фамилию, немецкого происхождения, на девичью фамилию матери и именоваться Соколов-Соколинский. В августе-сентябре 1916 года, являясь военным губернатором Семиреченской области, подавил так называемый «киргизский бунт» — вспыхнувший мятеж киргизского и другого коренного населения (в советской историографии — «Восстание в Семиречье 1916 года»). Таковой был вызван приказом Туркестанского генерал-губернатора от 08. 07. 1916 о привлечении на время войны «к работам по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии инородцев Российской Империи, освобождённых от воинской повинности, и в частности туземного населения Туркестанского края». [http://ru.wikipedia.org/wiki/Фольбаум, Михаил Александрович](http://ru.wikipedia.org/wiki/Фольбаум,_Михаил_Александрович).

[71] Дунган, дунганка (представитель народа, живущего в Российской Федерации, Киргизии, Казахстане, Ки-

тае); дунганский язык относится к сино-тибетской семье языков (носителей 50 тыс. человек).

[72] Баласагун (вариант транскрипции — Баласагын) — средневековый город, существовавший на территории нынешней Киргизии, близ современного города Токмак.

[73] Кара Китай — вероятно, имеется в виду один из предводителей народности *каракитаи* или *каракидани* (что значит «чёрные кидани») — ветви родственного монголам кочевого народа киданей, которая после разгрома государства Ляо чжурчженями в 1125 году откочевала в Среднюю Азию, где заселила Таласскую и Чуйскую долины. К середине XII века каракитаи распространили свою власть на всю Среднюю Азию к югу от Балхаша и к востоку от Ферганской долины. Среди их данников оказались правители Балха, Хотана и Гаочана, а также хорезмшахи. Столицами служили Баласагун, Узген и Кашгар. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Каракитаи>.

[74] Оссуарий (лат. ossuarium, от лат. os (родительный падеж ossis) — «кость») — ящик, урна, колодец, место или же здание для хранения скелетированных останков. В русском языке существует синоним этого слова — костница.

[75] Николай Алексеевич Зарудный (1859, деревня Гряковская, Валковский уезд, Харьковская губерния, ныне Полтавской области — 1919, Ташкент) — русский зоолог-орнитолог и путешественник. http://ru.wikipedia.org/wiki/Зарудный_Николай_Алексеевич.

[76] Токмак (кирг. Токмок) — город областного подчинения в Чуйской области Кыргызстана. Расположен на севере Киргизии в Чуйской долине, на левом берегу реки Чу, по которой в районе города проходит граница Киргизии и Казахстана. К северу и югу от Токмака простираются отроги Тянь-Шаня: к югу — Киргизский хребет, к северу — Заилийский Алатау. Современный Токмак был основан в начале XIX века (1825—1830) как кокандская

крепость недалеко от развалин города Суяб. В 1862 году крепость была взята русскими войсками и разрушена. Позднее на местах бывших кокандских крепостей стали закладываться русские укрепления. В начале мая 1864 года у развалин крепости Токмак расположился прибывший из Верного отряд полковника Черняева, который 13 мая 1864 года заложил русское укрепление Токмак.

[77] См. «Уроки Туркестанского восстания»: <http://rg.ru/2016/07/05/rodina-vosstanie-v-turkestane.html>.

[78] Самсоновская (или Самсоновка?) — казачья станица, находилась вблизи восточной границы Пишпекского уезда на берегу реки, называемой в русских документах того времени Малая Кебень (современное название — Кичи Кемин) в нескольких километрах от въезда в одноименное ущелье. Сейчас приблизительно на этом месте находится поселение Боролдой Кеминского района. Для упоминаемой в оригинале «River Kebene» использовано современное написание — Кебин. Перед самым выходом из Буамского ущелья, отделяющего Александровский хребет от Заилийского Кунгей-Алатау, река Чу принимает с правой стороны довольно многоводный приток — Большой Кебин. Назаров не уточняет, о какой именно реке «Kebene» идёт речь.

[79] Кеклики, или каменные куропатки, или горные курочки — род птиц подсемейства куропатковых (Perdicinae) семейства фазановых. Существует их множество разновидностей. Повсеместно встречаются в Средней Азии, в горной местности, предгорьях. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Кеклики>.

[80] Уйгурская письменность — письменность уйгурского языка. В разное время и в разных странах для записи уйгурского языка использовались разные системы письма — староуйгурское письмо, арабское письмо, кириллица и латиница. См. раздел «Письменности древнеуйгурского языка» на сайте: http://ru.wikipedia.org/wiki/Уйгурская_письменность.

[81] Сибирская косуля (лат. *Capreolus pygargus*) — парнокопытное животное семейства оленевых, родственное европейской косуле. Сибирская косуля отличается от европейской косули в первую очередь большими размерами тела. http://ru.wikipedia.org/wiki/Сибирская_косуля.

[82] Кеминское землетрясение произошло 4 января 1911 года (22 декабря 1910 года по старому стилю) в долинах рек Чон-Кемин, Чилик и Чон-Аксу, Средняя Азия. Его магнитуда составила 8,2 по шкале Рихтера, а эпицентр располагался в районе восточного окончания Заилийского Алатау на удалении около 40 километров от города Верный (Алматы). http://ru.wikipedia.org/wiki/Кеминское_землетрясение.

[83] Опечатка или разновариантность названия. Скорее всего, речь пойдёт о *Шамси* — ущелье в восточной части Кыргызского хребта, располагающееся выше города Токмок. Примечательно большим количеством лесов. Имеет богатую культурную историю: долгое время перевал Шамси и само ущелье было связующим путем между Кочкорской и Чуйской долинами. Рядом с ущельем находится и знаменитая башня Бурана. Судя по контексту, П. С. Назаров предпринимал «радиальные» поездки в окрестности р. Кебин и позже — р. Кегеты (см. прим. 87) по поручению некоего ведомства г. Верный; в детали автор не вдаётся. Возможно, что при написании книги он руководствовался желанием рассказать подробнее о достопримечательностях Туркестана, о местах, которые любил посещать, где когда-то охотился.

[84] Ущелье Кегеты (у Назарова в англоязычном тексте — valley of the Kegat) — одно из живописных мест Киргизстана, расположено в Киргизском хр. (Кыргыз Ала-Тоо) в 90 км от Бишкека. Протяжённость ок. 27 км, через ущелье протекает р. Кегеты.

[85] *Capra sibirica* Pall. — сибирский горный козёл или тэк, относится к наиболее крупным представителям рода *Capra*. Животное с крепким и плотным телосложением.

Длина тела самцов достигает 165 см, высота в холке до 105 см, масса до 125 кг и более; масса самок от 30 до 60 кг. Рога дугообразно изогнуты в одной плоскости назад и слабо расходятся в стороны. Обитает в горных хребтах Алтая и Саян.

[86] *Ovis ammon karelini* — тьяньшаньский архар. Области обитания: Казахстан (Алматинская, Восточно-Казахстанская и Жамбылская области), Киргизия (Таласская, Иссык-Кульская и Чуйская области), Китай (округ Аксу, Баянгол-Монгольский автономный округ и Кызылсу-Киргизский автономный округ в пределах Синьцзян-Уйгурского автономного округа). В опасном состоянии (Китай, Российская Федерация, Казахстан); в угрожаемом состоянии (Киргизия).

[87] Река Иссыгаты — левый приток р. Чу; см. Маллицкий Николай Гурьевич. Ледники в бассейне реки Иссыгаты. Ташкент, 1925.

[88] Буранинское городище. Находятся в 12 км к юго-западу от киргизского города Токмака на левом берегу реки Чу. Предположительно является остатком древнего городища Баласагун — столицы каганата Караханидов. Наличие памятника Башня Бурана, двух рядов оборонительных стен, остатков сооружений, фрагментов водопроводных труб, а также богатство найденной здесь утвари и изделий декоративного искусства свидетельствуют о том, что это поселение принадлежало к числу значительных политических центров караханидского государства, существовавшего с середины X до начала XIII века.

[89] Башня Бурана — минарет X — XI веков империи Караханидов в Чуйской долине на севере Киргизии. Расположена в 80 км от столицы Бишкека, в 12 км к юго-западу от киргизского города Токмак по дороге в ущелье Кегеты киргизского хребта, на левом берегу реки Чу. http://ru.wikipedia.org/wiki/Башня_Бурана.

[90] Места, которые описывает П. С. Назаров, расположены на северной стороне Киргизского хребта (кирг. Кыр-

гыз Ала-Тоо). Ограничивающий с юга Чуйскую долину и пустыню Мойынкум, является одним из горных хребтов внутреннего Тянь-Шаня; расположен на территории Киргизии, частично на территории соседнего Казахстана. Протяжённость с востока на запад от Боомского ущелья до города Тараз составляет 375 км. Наибольшая высота — 4875 м. Нанесен на карты русскими исследователями в середине XIX века и был назван Александровским в честь российского императора Александра II. В 1933 году постановлением ВЦИК СССР Александровский хребет был переименован в Киргизский.

[91] В оригинале — valley of the Sussamyr. Речь идёт о Суусамырской долине (ущелье Суусамыр) — одной из крупных высокогорных долин, что находится на высоте 2000—3200 метров между хребтами Кыргызский Ала-Тоо, Суусамыр-Тоо и Джумгал-Тоо и простирающаяся на более чем 150 км с запада от перевала Ала-Бель на восток до начала реки Кокомерен. Всю поверхность долины покрывают густые сочно- зеленые травы горных лугов.

[92] Путь из Кашгара в Кашмир П. С. Назаров описал в своей следующей книге «Mooved On!», Gulshan Books, Kashmir, India, 2008.

[93] Сайга (самка), маргач или сайгак (самец; лат. Saiga tatarica) — парнокопытное млекопитающее из подсемейства настоящих антилоп. Изначально заселяли большую территорию в степях и полупустынях Евразии от подножия Карпатских гор и Кавказа до Джунгарии и Монголии. Сейчас сайгаки обитают только в Казахстане, Узбекистане, Киргизии с заходами в Туркмению, в России (в Калмыкии, Астраханской области, республике Алтай) и западной Монголии. Реинтродуцирована на Украине в заповеднике Аскания-Нова.

[94] Сиватерии (лат. Sivatherium) — род вымерших млекопитающих из семейства жирафовых. Были распространены в плиоцене — верхнем плейстоцене на территориях от Африки до Восточной Азии (особенно в Индии).

Первые остатки найдены в плиоценовых отложениях Сиваликских гор (Гималаи) на границе Индии и Непала.

[95] Чернобрюхий рябок (*Pterocles orientalis*) — вид летающих птиц из семейства рябковых. Длинной от 30 до 35 см и размахом крыльев от 60 до 65 см чернобрюхий рябок — это один из самых крупных видов птиц в своём ареале. Телосложение похоже на голубей, оперение напоминает серых куропаток. Область распространения чернобрюхого рябка простирается от Иберийского полуострова и Северной Африки на Средиземноморье до Центральной Азии и дальше на восток до северо-запада Индии и Непала. Популяции в Малой Азии мигрируют на зимовку в арабские пустынные области.

[96] Сапропелиты (или сапропелевые угли) — ископаемые угли, образовавшиеся в результате преобразования остатков низших растений и животных организмов в водоёмах: озёрах, лагунах и морях. Озокерит, или горный воск — природный углеводород из группы нефти, по другим данным — из группы нефтяных битумов.

[97] Правильно Кутра, или Кендырь, или Пуховник (лат. *Arosunum*) — род растений семейства Кутровые, включающий в себя около 7 видов. В СССР в 1930-е годы кендырь, дикорастущий в пойме рек Сыр-Дарья, Чу и Или в Казахстане, стал культивироваться для получения дефицитных строительных канатов, верёвок и т. п. Площадь посевов составляла десятки тысяч гектаров. Но кендырь хорошо рос только в тугаях под тенью деревьев и кустарников, и «кендырная эпопея» завершилась. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Кутра>.

[98] Назаров говорит о Туранском тигре, или заавказском тигре, или о каспийском тигре (лат. *Panthera tigris virgata*), — вымершем подвиде тигров, обитавшем в Средней Азии, северном Иране и на Кавказе. Местами обитания этого хищника являлись тростниковые (камышовые) заросли по берегам рек, которые в Средней Азии называются тугаи. Пищей для данного подвида тигров служили

в основном джейраны, сайгаки, куланы, косули и кабаны. На севере верхней границей их постоянного ареала являлось озеро Балхаш в Казахстане.

[99] В тексте *grosbeaks*, что переводится как *дубонос обыкновенный*; лат. *Carpodacus rubicilla*, большая чечевица — вид птиц из семейства вьюрковых (*Fringillidae*). Наиболее крупную часть ареала составляют горные страны Средней и Центральной Азии: Джунгарский Алатау, Тянь-Шань, Гиссаро-Алай, Памир, Гиндукуш, Каракорум, Гималаи, Тибет, Кунь-Лунь. В окраске взрослого самца основное место занимает интенсивный карминно-красный цвет. http://ru.wikipedia.org/wiki/Большая_чечевица.

[100] Тюльпан Грейга (лат. *Tulipa greigii*) — вид цветковых растений рода Тюльпан семейства Лилейные (*Liliaceae*). Назван в честь Самуила Алексеевича Грейга — президента Российского общества садоводов. Цветок изысканной бокаловидной или чашевидной формы, до 10—12 см высотой, наружные листочки околоцветника заострены в пушистый кончик. Окраска — чаще всего красная, иногда оранжевая, ярко-желтая, светло-кремовая. Распространён от северных пустынь возле Кызылорды по горам и шлейфам Тянь-Шаня до перевала Курдай (Жамбылская, Туркестанская и Кызылординская области). http://ru.wikipedia.org/wiki/Тюльпан_Грейга.

[101] Тюльпан Геснера (лат. *Tulipa gesneriana*) — вид растений рода Тюльпан семейства Лилейные. Занесён в Красную книгу России под названием Тюльпан Шренка. Травянистый луковичный многолетник, эфемероид, достигает в высоту 40 см. http://ru.wikipedia.org/wiki/Тюльпан_Геснера.

[102] Иксиолирион татарский, в народе прозываемый степной лилией. Прямостоячий стебель до 40—50 см, длинные листья (до 20—25 см, иногда до 30 см) образуют прикорневую розетку. Корневая система представляет собой луковичу. Обитает на территории Прикаспийского бассейна, в низовье Волги, в Малой Азии, а также в таких

странах как Туркмения, Иран, Ирак. http://tsvetem.ru/tsveti_v_dome/iksiolirion-tatarskij.html.

[103] Боомское ущелье (Буам) — часть дороги между Бишкеком и озером Иссык-Куль, «ворота» Иссык-Кульской котловины, которые отделяют её от Чуйской долины. Название Боом (Буам) предположительно монгольское и переводится как «отвесная скала, утёс на берегу реки». Располагается в среднем течении реки Чу, между двумя хребтами: Кунгей Ала-Тоо и Киргизским Ала-Тоо. Соединяет две долины, две области: Чуйскую и Иссык-Кульскую. Административной границей между ними является мост, переброшенный через реку в средней части ущелья, по которому дорога переходит на правый берег и который ещё по старой привычке называют Краснооктябрьским, «Красным мостом». Деревянный предшественник этого моста был построен в 1873 году, когда через Боом прокладывали первую узкоколейную дорогу, и назывался он поначалу Интендантским, потом Семёновским. Первопроходцем ущелья был П. П. Семёнов-Тяньшаньский (в 1856 г.). Со стороны западного въезда в Боом, в 2006 году был установлен Мемориал памяти событиям 1916 года, памяти жертв восстания киргизов против Царского правительства.

[104] Имеется в настоящее время три населённых пункта (станции) с таким названием; Кёк-Мойнок-Второе (кирг. Кёк-Мойнок-Экинчи) — село в Тонском районе Иссык-Кульской области Киргизии. Входит в состав Кёк-Мойноковского айльного округа. Местность славится окрестными каньонами, называемыми также Боомскими.

[105] Чий или ахнатерум (лат. *Achnatherum*) — род многолетних травянистых растений семейства Злаки, или Мятликовые (Poaceae), нередко объединяемый с ковылём (*Stipa* L.), но более примитивный. Значительные заросли разных видов чия, занимающие около 2 млн. га, находятся в Казахстане. Сухие стебли этого растения используют для плетения изделий, изготовления метел, а также как сырьё

для бумажного целлюлозного производства. Бумага из этого злака получается очень высокого качества.

[106] Правильно *Nitraria schroberi* или Селитрянкa — кустарничек, произрастающий по берегам горько-соленых озер и в засоленных степях и пустынях, на глинистых солонцеватых почвах. Распространен в европейской части бывшего СССР, Кавказе, Средней Азии, Западной Сибири, Иране, Западном Китае. Ягоды съедобные, сладковатые.

[107] Облепиха крушиновидная, или крушиновая (лат. *Hipporhae rhamnoides*) — двудомный кустарник или дерево, вид рода Облепиха (*Hipporhae*) семейства Лоховые (*Elaeagnaceae*). Распространён в умеренном климате Евразии. Ценное лекарственное и декоративное растение. В качестве такового использовалась с древних времён. Упоминания об облепихе можно встретить в трудах древнегреческих учёных и писателей.

[108] Чайковский Андрей Петрович (1841—1920) — двоюродный брат композитора Петра Ильича Чайковского (П. И. Чайковский посвятил Военный марш (1893) 98-му пехотному Юрьевскому полку, командующим которого был А. П. Чайковский). С 1860-х гг. служил в Туркестане, принимал участие в походах против Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств. За отличия в кампаниях 1866—1867гг. был произведен в капитаны и награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В 1869г. произведен в майоры, а в 1872г., получил чин подполковника, был назначен командиром 9-го Туркестанского линейного батальона. В начале 1875г. Чайковский оставил Туркестан. В 1897 г. вновь оказался в Туркестане, поскольку 6 ноября того года был назначен командиром 2-й Закаспийской стрелковой бригады, а 4 июля следующего года получил назначение на должность военного губернатора Ферганской области и командующего резервными и местными войсками этой области. В 1900 г. произведен в генерал-лейтенанты. Его произведение: А. П. Чайковский. Туркестан и его река по Библии и Геродоту (По пове-

ду Аму-Дарьинского вопроса). Владимир, Печатня А. Паркова. 1884. Книгу можно прочесть и скачать по ссылке: http://archive.org/details/turkestan_i_ego_reka_po_biblii_i_gerodotu.

[109] Чтобы лучше понять обсуждаемый П. С. Назаровым предмет, следует обратиться к современному состоянию гидрографии бассейна Иссык-Куля и реки Чу. Вот важнейшие сведения: Чу (кирг. Чуй), Шу (на тер. Казахстана; каз. Шу) — река, берущая начало в ледниках Тескей-Ала-Тоо и Киргизского хребта. Образуется слиянием рек Джоонарык и Кочкор в Кочкорской впадине. Начало и питание река получает, протекая по горным районам Киргизии, в среднем течении по Чуйской долине река служит государственной границей между Киргизией и Казахстаном, а в нижнем течении теряется в песках пустыни Мойынкум в южном Казахстане. Длина реки — 1186 км, из них в пределах Казахстана — 800 км. По ущельям Верхне- и Нижне-Ортотокойское Чу попадает в Иссык-Кульскую котловину. До начала 1950-х годов в половодье часть стока Чу по рукаву Кутемалды шла в озеро Иссык-Куль. В настоящее время, не доходя до озера Иссык-Куль 5—6 км, река у города Балыкчы разворачивается на северо-запад, пройдя урочище Капчигай, и через Боомское ущелье выходит в Чуйскую долину. В нижнем течении долина реки расширяется до 3—5 км, заболачивается и пересыхает в песках, лишь во время паводка, впадая в бессточное солёное озеро Акжайкын среди обширных солончаков Ащыкольской впадины. Загадку истоков Чу решил русский исследователь П. П. Семёнов (Тянь-Шаньский). В 1856 году ему удалось пройти вдоль Чу через Боомское ущелье к Иссык-Кулю и выяснить, что река, выйдя из гор, действительно стремится свои воды к горному морю кыргызов. Но, не доходя нескольких километров, словно убоявшись чего-то, резко сворачивает и устремляется в другую сторону — через провал Боома, на север. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Чу_\(река\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Чу_(река)).

[110] Елена Петровна Блаватская, урождённая Ган, нем. von Hahn (1831, Екатеринослав, Российская империя — 1891, Лондон, Англия) — российская дворянка, гражданка США, религиозный философ теософского пантеистического направления, литератор, публицист, оккультист и спиритуалист, путешественница. Объявила себя избранницей некоего «великого духовного начала», а также ученицей братства тибетских махатм, которых она именovala «хранителями сокровенных знаний», и начала проповедовать авторскую версию теософии. В 1875 году в Нью-Йорке основала Теософское общество, которое поставило перед собой задачу изучать все без исключения философские и религиозные учения с целью выявления в них истины, которая, по мнению Блаватской и её приверженцев, поможет раскрыть сверхчувственные силы человека, постичь таинственные явления в природе. Основная деятельность Блаватской проходила в США, Англии, Франции и Индии, где она открыла филиалы Теософского общества и приобрела десятки тысяч последователей. Основные сочинения написала по-английски. Некоторые авторы предполагали у Блаватской наличие способностей к ясновидению. Часто обвинялась в мистификации и откровенном жульничестве. Первая русская женщина, получившая гражданство США

[111] «Некоторые русские геологи именуют „Хань-хаем“ ряд третичных отложений в Тянь-Шане и пустыне Гоби, но, разумеется, вне всякой связи с мифическим внутренним морем, которое, по китайским понятиям, существовало до недавних времён в Средней Азии. В трудах научных лучше бы отбросить данный термин вовсе, равно как и сходное выражение „допотопный“». (Прим. П. С. Назарова).

[112] Риги (нем. Rigi) — горный массив в центральной Швейцарии, относится к Альпам. Расположен между Цугским и Люцернским озёрами, на границе кантонов Люцерн и Швиц. Высота — 1797 м. над уровнем моря.

[113] Экспедиция американского геолога и естествоиспытателя Рафаэля Пампелли (Raphael Pumpelly, 1837—1923), который в 1903—1904 гг. вёл географические и археологические работы в Туркестане. См. Рафаэль Пампелли. В поисках древних цивилизаций. — http://rustammirzaev.com/book2/2_15.pdf.

[114] Элизе Реклю, полное имя Жак Элизе Реклю (фр. Jacques Elisee Reclus; 1830—1905) — французский географ и историк, член Парижского Географического общества, убеждённый вегетарианец и анархист. http://ru.wikipedia.org/wiki/Реклю,_Элизе.

[115] Захир-ад-дин Мухаммад Бабур (узб. Zahiriddin Muhammad Bobur; 1483—1530) — среднеазиатский и тимуридский правитель Индии и Афганистана, полководец, основатель династии Бабуридов и империи Великих Моголов. Известен также как узбекский поэт и писатель. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бабур>.

[116] Орто-Токой — ныне посёлок городского типа в Киргизии. Подчинён администрации города Балыкчы Иссык-Кульской области. Расположен в 20 км к юго-западу от Балыкчы. В 2 км от Орто-Токоя расположено Орто-Токойское водохранилище, построенное в 1960 году для нужд мелиорации.

[117] Местность, долина, где ныне расположен город Кочкорка (кирг. Кочкор) — административный центр Кочкорского района и Кочкорского аильного округа в Нарынской области Республики Киргизия.

[118] Взаимосвязь между тюркским *kise* и греческим *скио́с* не выглядит тесной, однако сходство последнего с наименованием *скифский*, определённо наводит на размышления, если учесть, что автор считает чашу чем-то вроде символа в быту степного кочевника. Греческая *θ* есть буква, для тюркских языков незнакомая. Интересно привести здесь мнение непререкаемого авторитета, профессора Эрнеста Гарднера, у которого я проконсультировался по данному вопросу. Тот писал мне: «Это удивитель-

ное совпадение, что Ода Горация Ixxvii начинается так: „Natis in usum laetitiae scyphis Pugnare Tracum est“, и это как будто подражание Анакреоновскому „μηκέθ ούτψ Σκυθικήν πόσιν ναρ οἶνψ μελατώμεν“. Представление о Фракии предполагает аллюзию к Скифии. Однако сходство может оказаться чисто умозрительным». В другом письме профессор Гарднер высказал предположение, что старогреческое слово *κύαθος*, означающее чашу, было бы ближе к слову скифы, нежели *σκυόος*, и добавил: «А как насчёт „cup“ и „scoop“ (— ковш; пер.)?» — Прим. Малькольма Бёрра. Эрнест Артур Гарднер (1862—1939), английский археолог; являлся директором Британской школы в Афинах в период 1887—1895 гг. 27-я ода Горация «К пирующим» начинается так:

*Кончайте ссору! Тяжкими кубками
Пуškai дерутся в варварской Фракии!
Они даны на радость людям —
Вакх ненавидит раздор кровавый!*

(Квинт Горация Флакх. Оды. Книга I. Перевод Г. Церетели)
Далее идёт сопоставление со строкой древнегреческого поэта Анакреонта (Анакреона). Древнегреческий писатель Афинея замечает, что Анакреонт «был трезвым, когда писал»; сам Анакреонт (а позже — подражавший ему Гораций) решительно отвергает «скифство» с его буйством; поэт воспевае́т «любовь к согласному гимну за полной чашей». Отсюда и возникает пространная тематическая аллюзия, о которой упоминает Малькольм Бёрр. Ср. со стихом А. С. Пушкина:

*Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно:
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.*

(Ода LVII Анакреонта). — Прим. переводчика.

[119] Чатыр-Кульская тектоническая впадина между хребтами Атбаши и Торугарт-Тоо на высоте 3530 метров над уровнем моря. В ней, в наиболее низкой части, распо-

ложено бессточное озеро Чатыр-Кёль (Чатыр-Куль, Чатыр-кёль — «небесное озеро»). Вдоль южного берега идёт тракт к Торугартскому перевалу, в Китай. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Чатыр-Кёль>.

[120] Ущелье р. Джуванарык, исток р. Чу. Последняя образуется при слиянии рр. Джуванарык и Кочкор, берущих начало из ледников в хребтах Терской-Алатау и Киргизский.

[121] Сарыбулак — посёлок, расположенный возле реки Каракурджур, предшественницы р. Джуванарык.

[122] Пер. Долон (3030 м) расположен в хр. Байдула, являющимся водоразделом рек Чу на севере и Нарын на юге.

[123] Обыкновенная *горихвостка* (лат. *Phoenicurus phoenicurus*) — небольшая певчая птица из семейства мухоловковых, отряда воробьиных. Черноголовый *чекан* (лат. *Saxicola rubicola*) — певчая птица семейства мухоловковых. Луговая *тиркушка* (*Glareola pratincola*) птица семейства тиркушковых (*Glareolidae*); полёт похож на полёт ласточек; хвост слегка вильчатый, крылья заострённые, частично коричневатые. *Зяблик* (лат. *Fringilla coelebs*) — певчая птица семейства вьюрковых.

[124] Касситерит — минерал состава SnO_2 . Устаревшие синонимы: оловянный камень, жильное олово, речное олово, аллювиальное олово. Главный рудный минерал для получения олова. Образует отдельные, часто хорошо образованные кристаллы, зёрна, прожилки и сплошные массивные агрегаты, в которых зёрна минерала достигают в размере 3—4 мм и более.

[125] Киноварь (лат. *cinnabari*) — HgS — минерал, сульфид ртути (II). Самый распространённый ртутный минерал. Имеет алую окраску, на свежем сколе напоминает пятна крови. На воздухе постепенно окисляется с поверхности, покрываясь тонкой плёнкой побежалости (HgO).

[126] Маринки (лат. *Schizothorax* — «Схизоторакс») или «акбалык» (белая рыба), род рыб семейства карповых.

Обитают в реках и озёрах Центральной и Средней Азии, Казахстане, а также на Украине, часто на реке Южный Буг. Считается, что обладают вкусным жирным мясом, но в пищу их употребляют только после удаления икры, молок и чёрной плёнки брюшины, а также жабр, так как они содержат ядовитые вещества (особенно весной).

[127] Карл Хагенбек (нем. Carl Hagenbeck, в принятом русском написании — Гагенбек; 1844, Гамбург — 1913, там же) — немецкий коллекционер диких животных и предприниматель. Основатель зоопарка Хагенбека. http://ru.wikipedia.org/wiki/Хагенбек,_Карл. Неживов Осип Емельянович — родом из Пермского края, переселенец, житель г. Нарына; охотник, собиратель, зверолов и зверовод («туркестанский тигреро»). Имелась статья в сети Интернет (ссылка на первоисточник устарела — 2020 г.). В ней, в частности, приводилось свидетельство П. С. Назарова и дан перевод абзаца, содержащего данную ссылку, а также следующее: «Трудно ставить под сомнение рассказ очевидца (т. е. П. Назарова — пер.) и все же хочется надеяться, что, ослепленный обидой и ненавистью, он преувеличил ужасы после-революционной эпохи. Но факт остается: хозяйство Неживова перестало существовать, и возможно лишь, что организованная в советское время зообазы во Фрунзе стала отголоском дела, которое вел любознательный природовед и талантливый предприниматель».

[128] Долина Ат-Баши протекает на территории Нарынской области, которая находится на юго-востоке республики. Название долина получила от одноименного хребта, протянувшегося с северо-востока на юго-запад. У его подножия расположен поселок Ат-Баши, а также несколько малых населенных пунктов — Терек-Суу, Кара-Суу и Ача-Кайынды. Климат в этом районе резко континентальный. Даже летними ночами здесь случаются заморозки. Особенностью долины и прилегающих ущелий являются сырты — скалы, верхушки которых скошены под

воздействием многолетнего влияния ветров и дождей. Долина связана с внешним миром через два перевала, которые расположены в юго-западной и северо-восточной ее частях. По ее территории протекает быстрая горная река под названием Ат-Баши, на берегах которой растут удивительной красоты хвойные леса. В западной части долины находится живописное горное озеро Чатыр-Куль, глубина которого достигает двадцати метров. Ежегодно на озере гнездятся перелетные птицы.

[129] Перевал Ак-Бейит (3282 м) является проходом, который связывает долины Ат-Баши и Арпа в Нарынской области Кыргызстана. В настоящее время через него пролегает трасса Бишкек-Кашгар.

[130] Гумбезы Ак-Бейит и Байтика (гумбаз, кумбез, гунбаз) — буквально: «земляной купол» в значении «купол, построенный из кирпичей, которые изготовлены из глины»; расположены в одноименной местности по дороге Ат-Баши — Торугарт. Сложен из сырцового кирпича и может быть отнесен к XVI—XVII вв. Комплекс реставрирован, отнесён к историческим памятникам.

[131] Жёлтая трясогузка, или плиска (лат. *Motacilla flava*) — небольшая стройная птица семейства трясогузковых, обитающая на обширной территории Европы, Азии, Африки и Аляски. Как и другие виды трясогузок, выделяется своим длинным хвостом, которым постоянно покачивает, а также ярким жёлтым оперением брюшка у взрослых птиц. http://ru.wikipedia.org/wiki/Жёлтая_трясогузка.

[132] Есть мнение, что Геродот имел в виду «племя фтейрофагов, чьё имя можно перевести как «поедатели сосновых шишек» или как «вшееды» (см. Her. IV, 109) — Т. Н. Джаксон и др. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 1. Ч. I. Греческие авторы.

[133] Карасу — небольшая река, берущая начало на ЮЗ оконечности хр. Атбаши близ оз. Чатыркель, один из многочисленных притоков р. Джаманты-Арпа-Алабуга, впадающей в Нарын.

[134] «The ruddy shelduck» (тж. *Tadorna ferruginea*), известна в Индии как Brahminy duck, семейство Anatidae; некоторые учёные относят её к роду *Casarca*. У селезня оранжево-коричневое оперение туловища, более тусклая того же оттенка голова и шея, отороченная узким чёрным ободком.

[135] Чатыр-Кёль (Чатыр-Куль, Чатыркёль — «небесное озеро») — бессточное озеро в наиболее низкой части Чатыр-Кульской впадины рядом с Торугартским перевалом, ведущим в Китай. К югу от озера в наст. время находится КПП «Торугарт-автодорожный». Озеро лежит в тектонической впадине, расположенной между хребтами Атбаши и Торугарт-Тоо на высоте 3530 м. Размеры 23 x 10 км. Наибольшая глубина 16 м. В юго-восточной части озера берега в основном болотистые, на севере — скалистые. Климат впадины резко континентальный. Среднегодовая температура воздуха минус 5,6° С, минимальная зимой до минус 50°. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Чатыр-Кёль>.

[136] Индийский воробей (*Passer indicus*; Jardine et Selby, 1831), indian sparrow, каз. — кылан торгай. Гнездится и встречается на пролёте в южной половине Казахстана. В массе мигрирует через предгорья Западного Тянь-Шаня. Поселяется он, как правило, вдали от человека и только когда вокруг нет подходящих для гнездования мест, оседает в населенных пунктах. <http://birds.kz/v2taxon.php?s=692&l=ru>.

[137] Горный гусь (*Anser indicus*) — вид птиц из семейства утиных (Anatidae). Перелетная птица. Населяет высокогорные озера Центрального Тянь-Шаня, Памира и Алтая, а также Тувы. Зимует в Индии, в низинных, заболоченных местностях. Гнездится в горах на берегах и островах горных рек, а также на прибрежных скалах. Хорошо ходит и бегаёт, большую часть времени проводит на суше, а не в воде. http://ru.wikipedia.org/wiki/Горный_гусь.

[138] Сурок европейский, *Arctomys marmotta*, встречается в Альпах. Далее к востоку его сменяет байбак (*A.*

bobac). Последний известен в меховой торговле под монгольским названием *тарбаган*. — Прим. П. С. Назарова. Альпийский сурок (лат. *Marmota marmota*) — грызун семейства беличьих. Распространён в высокогорных районах Центральной и Южной Европы, прежде всего в Альпах. В Европе это третий по величине грызун после бобра и дикобраза. Байбак, или Бабак, или обыкновенный (степной) сурок (лат. *Marmota bobak*) — грызун рода сурков, обитатель целинных степей Евразии. — Прим. переводчика.

[139] Фердинанд Столичка (нем. Ferdinand Stoliczka, чеш. Stoliczka; 1838, Моравия — 1874, Индия) — чешский и австрийский исследователь, ботаник, зоолог, геолог, геодезист и палеонтолог. С 1864 по 1866 годы предпринял несколько исследовательских экспедиций в район Гималаев и Тибета, где проводил петрографические исследования, метеорологические наблюдения и собирал горные породы, ископаемые останки, растения и млекопитающих. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Столичка, Фердинанд](http://ru.wikipedia.org/wiki/Столичка,_Фердинанд).

[140] Сомма — остатки древнего разрушенного при кальдерообразовании вулкана, образующие кольцевой или полукольцевой вал вокруг молодого внутреннего вулканического конуса. Название произошло от древнего вулкана Сомма, полукольцевой вал которого расположен вокруг Везувия.

[141] В Средней Азии принято давать реке новое название после впадения в неё (достаточно полноводного) притока.

[142] Альпийский рогатый жаворонок — *Eremophila alpestris* (Linnaeus, 1758). По фигуре, телосложению и движениям — типичный жаворонок. Верх размытопестрый. Довольно резко выделяется черный зоб, маска и темя с рожками. Гнездится в тундре. Голос протяжный, тонкий металлический, вроде «ди-ди-ди-и», «хиди-и». Песня отрывистая, короткая, звонкая, поется сидя или на бегу, иногда — с взлетом, как у полевого жаворонка,

но гораздо ниже. http://ru.wikipedia.org/wiki/Погатый_жаворонок.

[143] Согласно М. В. Певцову, *сар* есть мера длины в Кашгарии, и составляет 1,486 дюйма. См. Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кунь-Лунь. Скачать книгу можно по ссылке: <http://www.libfox.ru/465842-mihail-pevtsov-puteshestviya-po-kitayu-i-mongolii-puteshestvie-v-kashgariyu-i-kunlun.html>

[144] Карабаир, (русск.: карабаирская), распространённая порода лошадей в Средней Азии, преимущественно в Узбекистане и сев. Таджикистане. Результат скрещивания лошадей арабской или туркменской породы южных пустынь со степными лошадьми более сев. районов. Небольшая, подвижная, многоцелевая, может использоваться как верховая и как упряжная. Численность карабаирских лошадей в 2003 г. в Узбекистане составляла 138400 особей.

[145] Лобнор (Лоб-нор, название монгольского происхождения, уйгурское название — Каракошуккол) — ныне высохшее, бессточное озеро на западе Китая, в юго-восточной части Кашгарской (Таримской) равнины, на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), на высоте около 780 метров н. у. м. Некогда являясь крупным солёным озером, как и Аральское море, Лобнор постепенно уменьшался и засолонялся вследствие хозяйственной деятельности человека. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Лобнор>.

[146] Ташрабат (Таш-Рабат) — ущелье и перевал (3984 м) к сев. от оз. Чатыркёль, в хр. Атбаши. Через перевал путь ведёт в долину Карасу-Кара-Коён и далее в Ат-Баши.

[147] Описывается Таш-Рабат — караван-сарай на территории Ат-Башинского района Нарынской области Кыргызстана, недалеко от границы с Китаем. Сооружение расположено на берегу извилистой речки Таш-Рабат, притока реки Кара-Коюн, на высоте более 3500 м над уровнем

моря. Был построен в XV веке на месте более древнего монастыря IX—X веков. Существует разные версии его основания. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Таш-Рабат>.

[148] Гондвана — зд. от слова «гонды» («горцы») — крупнейшая народность Центральной Индии, численность около 11 млн. человек. Живут в штатах Мадхья-Прадеш, Махараштра, Чхаттисгарх, Андхра-Прадеш и Орисса. Постепенно ассимилируются соседними народами.

[149] Чернобрюхий рябок (*Pterocles orientalis*) — вид летающих птиц из семейства рябковых. Приспособлены к обитанию в безводных пустынях птицы. Прекрасные летуны, могут устраивать свои гнезда в десятках километров от ближайших водоемов. Своим птенцам рябки приносят воду не только в клюве, но и на перьях брюшка, обладающих удивительной способностью удерживать воду. http://ru.wikipedia.org/wiki/Чернобрюхий_рябок.

[150] Горихвостки (лат. *Phoenicurus*) — род воробьиных птиц из семейства мухоловковых. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Горихвостки>.

[151] Упоминаются разновидности семейства врановых. Клушица, красноклювая альпийская ворона (лат. *Pyrrhocorax pyrrhocorax*) распространена в горах, на возвышенностях и морских побережьях Евразии и Северной Африки, на востоке ареала образует устойчивые городские поселения. Является близкой родственницей альпийской галки (*Pyrrhocorax graculus*), вместе с которой образует род *Pyrrhocorax*. Обладает чёрным блестящим оперением, часто с металлическим отливом синего или зелёного цвета, красным серповидным клювом и красными ногами. Вне сезона размножения образует большие стаи, насчитывающие сотни птиц.

[152] В тексте — *weir*. Возможно, автор в рукописи использовал понятие *учуг* (м. татарск. волжск.) — забойка, частокол, тын поперек реки, для пропуска и улова рыбы. (Даль).

[153] Гребенщик, или тамарикс, или тамариск (лат. *Tamarix*) — род растений семейства Тамарисковые (*Tamaricaceae*), небольшие деревья и кустарники. Известно также под названиями божье дерево, гребенчук и бисерник, в Астраханской области — жидовильник и астраханская сирень, в Средней Азии — дженгил, в Казахстане — жынгыл. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Гребенщик>.

[154] Кутра, или Кендырь, или Пуховник (лат. *Arosunum*) — род растений семейства Кутровые, включающий в себя около 7 видов. Виды рода широко распространены в областях умеренного климата в Северном полушарии, за исключением стран Западной Европы. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Кутра>.

[155] Оляпка, водяной дрозд, или водяной воробей (лат. *Cinclus cinclus*) — птица отряда воробьинообразных. Размером со скворца. Оперение имеет тёмно-бурое с ярким белым передником, густое, несмачивающееся. Обитает по берегам быстрых прозрачных рек и ручьев. Питается водяными насекомыми и рачками, а иногда и мелкой рыбой, которых собирает на мелководье, между камней и под водой. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Оляпка>.

[156] Полосатая кустарница, или полосатая тимелия (лат. *Trochalopteron lineatum*), — вид певчих птиц из семейства комичных тимелий (*Pellorneidae*). Распространена в Афганистане, Бутане, Китае, Индии, Непале, Пакистане, Узбекистане и Таджикистане. http://ru.wikipedia.org/wiki/Полосатая_кустарница.

[157] «Киргиз-кайсаки — народ, которому это имя, несомненно, дано иностранцами, так как сами К.-кайсаки ни теперь, ни прежде так себя не называли и не называют; отдельные лица из их числа иногда обозначают свою национальность общим именем „хасак“, но чаще определяют ее поименованием того рода, к которому каждое из них считает себя принадлежащим». — Брокгауз-Ефрон.

[158] Саки (др.-перс. *Saka*, лат. *Sacae*) — собирательное название группы ираноязычных кочевых и полукочевых

племён I тыс. до н. э. — первых веков н. э. в античных источниках. Название восходит к скифскому слову *saka* — олень. Древними авторами и современными исследователями саки, наряду с массагетами, считаются восточными ветвями скифских народов.

[159] Борец клобучковый, или Аконит клобучковый, или Аконит синий (лат. *Aconitum napellus*) вид многолетних травянистых ядовитых растений из рода Борец (*Aconitum*) семейства Лютиковые (*Ranunculaceae*). Все части растения содержат дитерпеновые алкалоиды, в том числе аконитин. http://ru.wikipedia.org/wiki/Борец_клобучковый.

[160] Морозник, или Зимовник, или Черемица (лат. *Helleborus*) — род многолетних травянистых растений семейства Лютиковые. 14 видов. Ядовит. В корневищах морозников краснеющего и кавказского содержатся алкалоиды и гликозиды, используемые в медицине как кардиотоническое средство. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Морозник>.

[161] Долина Аксай расположена на ВCB от описываемых мест, обрамлена хребтами Ат-Баши и Кокшаал-Тоо. Высота н. у. м. 3000 м. В настоящее время пользуется популярностью у туристов и охотников.

[162] Карамультук, реже карамылтык — длинноствольное фитильное ружьё у азиатских народов (Таджикистан, Казахстан, Узбекистан) примерно XIX — начала XX века. В современном русском языке слово стало просторечным, насмешливым обозначением любого относительно старого ручного стрелкового оружия.

[163] Гог и Магог — в авраамической эсхатологии названия народов, которые пойдут войной на народ Божий, но будут повержены огнём с неба. В Новом Завете Гог и Магог упоминаются в книге Откровение, где описывается их нашествие на город святых по окончании тысячелетнего царства. Отождествлялись со скифами, массагетами, даже с россами, и др. народами, обитавшими к сев. от Израиля.

[164] См. Иванов «О военном искусстве татаро-монголов» (на русском), малоизвестную, но чрезвычайно интересную работу; также две мои статьи: «The Scythians Past and Present» (Edinburg Review, July 1929, pp. 108—122) и «The Sons of God» (English Review, march 1930). — Прим. П. Назарова. В тексте оригинала эта ссылка на работу Ivanoff «On The Art of War of Mongol-Tartars», видимо, не точна. Имеется в виду сочинение подполковника Генштаба Иванина М. И. «О военном искусстве и завоеваниях монголов». 1846, Санкт-Петербург. См. http://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003561204/. — Прим. переводчика.

[165] Конгур (уйг. — «коричневая гора», монг. Хонгор Таг) — горный массив в хребте Конгурмузтаг в китайской части Памира, расположен на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района. Вершины Конгур (7649 м), Конгуртюбе (7530 м) и Музтаг-Ата (7546) — самые высокие пики хребта Конгурмузтаг. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Конгур>.

[166] В оригинале — *krut*. Вероятно, имеется в виду *курт*. Курт готовят из овечьего, козьего или коровьего молока. На юге Казахстана — из кобыльего молока, на западе — из верблюжьего. Молоко сквашивают. Полученный *катык* помещают в тканевый мешочек и подвешивают в тени на несколько дней для сцеживания сыворотки. В полученную таким образом *сузьму* добавляют соль и красный молотый перец. Скатывают шарики величиной примерно с грецкий орех и несколько дней сушат на солнце до твёрдого состояния, накрыв марлей. Хранят в холстяных мешочках в сухом проветриваемом месте до 1 месяца.

[167] Верблюжья колючка (Alhagi camelorum Fisch., A. Kirghisorum Schrenk.) — Верблюжья колючка (джантак, или янтак) принадлежит к семейству бобовых и является типичным растением пустынь и полупустынь Средней Азии и частично южных районов Нижнего Поволжья. Распространена и на Кавказе. Произрастает главным образом

на супесях, песках, сероземах, на слабо соленых почвах, в долинах рек и на бросовых поливных пространствах с неглубоким залеганием грунтовых вод. Это кустарник (до 4—5 м высоты и более) с чрезвычайно глубоко идущими в почву (до 4—5 м и более) тонкими корнями; сплошь усажен длинными прямыми колючками, жесткость которых тем больше, чем суше местность.

[168] Солянка (лат. *Salsola*) — род растений семейства Амарантовые (*Amaranthaceae*). Среди представителей рода встречаются травы, полукустарники, кустарники и деревья, распространённые в Европе, Азии и Африке. Солянки растут в основном на равнинах, на сухих солоноватых почвах. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Солянка_\(растение\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Солянка_(растение)).

[169] Круглоголовки (лат. *Phrynoscephalus*) — род средних и мелких ящериц с широким и сильно уплощённым телом. Длина тела с хвостом до 25 см. Распространены в пустынной зоне юго-восточной Европы, Средней Азии, северо-западного Китая, Ирана, Афганистана, Пакистана, северной Африки и Аравийского полуострова. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Круглоголовки>.

[170] Английскими геологами Столичкой и Хантингтоном таковая свита была названа *Артышской толщей*. Русский геолог проф. Богданович относит её к плиоцену. Ввиду отсутствия ископаемых окаменелостей, как в данной местности, так и на Сырдарье, равно литологического подобия, следовало, я полагаю, дать им единое название *Артышской толщи*. — Прим. П. С. Назарова.

[171] Джугара, или белая дурра (*Sorghum cernuum*), вид однолетних растений из рода Сорго семейства злаков. Отличается плотным соцветием метёлкой с сильно укороченными веточками и изогнутым стеблем под соцветием, которое висит книзу. Очень засухоустойчива. Возделывается как зерновое и кормовое растение в Индии, Иране, Афганистане, Средиземноморских странах, тропической Африке, США и др.; в СССР — в Средней Азии и Нижнем Поволжье. Зерно Д., содержащее до 70% крахмала, перера-

батывают на крупу, муку, спирт, крахмал, скармливают животным и птице. Зелёную массу сушат и силосуют, стебли служат топливом.

[172] *Elaeagnus hortensis*, иерусалимская верба — книжное и народное название деревьев и кустарников (около 100 видов) семейства Лоховые (*Elaeagnaceae*) — листопадных или вечнозелёных кустарников или деревьев, часто колючих. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Лох_\(растение\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Лох_(растение)).

[173] Этот перифраз можно было бы перевести обратно на русский, например, так:

*Средь них, главой паря над миром,
Могуч и ярок, и велик,
Конгур, монарх, гордец Памира,
Во всей красе являет лик.*

(Пер.) П. С. Назаров, очевидно, имеет в виду следующие строки из поэмы «Демон»:

*И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал,
Вдали Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял.*

[174] Генеральным консулом Российского императорского генерального консульства в Кашгаре в период с 1917 по 1920 гг. был Успенский Александр Иванович (? — 1932, Харбин). http://ru.wikipedia.org/wiki/Консульство_Российской_империи_в_Кашгаре.

[175] В 1918 г. полковник Перси Т. Этертон сменил на посту генерального консула Великобритании в Кашгаре сэра Джорджа Макартни. [http://wikichi.ru/wiki/George_Macartney_\(British_consul\)](http://wikichi.ru/wiki/George_Macartney_(British_consul)).

[176] Британская империя имела консульство в Кашгаре с 1890 по 1948 гг. Финансировалось политотделом Британской Индии. Не было полностью признано Цинским Китаем до 1908 года. В 1911 году было преобразовано в генеральное консульство.

[177] П. С. Назаров обыгрывает следующие факты. В мае 1889 года Фёдор Михайлович Керенский — отец

Александра Ф. Керенского, будущего премьер-министра Временного правительства — был назначен главным инспектором училищ Туркестанского края и с семьёй переехал в Ташкент. Восьмилетний Александр начал учиться в ташкентской гимназии. В старших классах у него была репутация умелого танцора и способного актёра: он с удовольствием принимал участие в любительских спектаклях, с особым блеском исполнял роль Хлестакова. В 1892 году Лавр Георгиевич Корнилов окончил дополнительный курс Михайловского артиллерийского училища в Санкт-Петербурге и заслуженно надел погоны подпоручика. Перед ним открылась перспектива службы в гвардии или в столичном военном округе, однако молодой офицер выбрал Туркестанский военный округ и получил назначение в пятую батарею Туркестанской артиллерийской бригады. В Туркестане помимо рутинной службы Лавр Георгиевич занимался самообразованием, просвещением солдат, изучал восточные языки.

[178] Карачаевская порода лошадей (карач.-балк. къарачай ат, карачаевская лошадь) — порода верхово-упряжного типа, горская порода Северного Кавказа. Родиной лошадей является высокогорный Карачай у истоков реки Кубань. Отличительной особенностью карачаевских лошадей является очень «мягкий и производительный шаг». При этом многие лошади идут своеобразным аллюром, похожим на иноходь.

[179] Свои дальнейшие приключения П. С. Назаров описывает в книге: «Moved On! From Kashgar to Kashmir» by P.S. Nazaroff. Впервые опубликована в 1935 г. Второе издание — Gulshan Books, 2008.

[180] «Great Game» — т.н. «Битва Империй», сражение Великобритании и России за интересы в Центральной Азии.

[181] Супруга П. С. Назарова — Горбунова Надежда Алексеевна (ок.1882 — 1957, Ташкент). Похоронена на Боткинском кладбище в Ташкенте. Подробности см. на стра-

нице сайта <http://tsibanoff.narod.ru/nazaroff/nazaroff.html>. — Прим. переводчика).

Павел Степанович Назаров

Беглец в просторах Средней Азии

Переводчик Валерий Валентинович Цибанов

Павел Степанович Назаров родился в Оренбурге приблизительно в 1863 году, в семье городского головы и горнозаводчика. С 1892 года вместе с родителями проживал в Ташкенте.

Автор — Павел Степанович Назаров — один из лидеров Туркестанской Военной Организации. В 1918 г. был арестован и приговорен ЧК к смертной казни. Освобожден белыми, больше года скрывался среди местного населения Туркестана, бежал через Семиречье в Кашгарию, позднее — через Каракорум в Индию. В своей книге автор описывает перипетии своего пути из Ташкента в Кашгар, рассказывает о быте и культуре населения Туркестана, истории края, его географии, природных особенностях, животных и растениях.

ISBN 978-5-0053-6148-6

9 785005 361486 >